

Перевод книги выполнен группой "Falling Kingdoms | Translation books" (https://vk.com/falling_kingdoms)

КНИГА
Духов
и
Воров

МОРГАН РОДЕС

Сестры Хэтчер в современном мире открыли древний манускрипт, со смертельной магией в первой книге новой серии Обреченных Королевств!

Миры сталкиваются в напряженной, увлекательной истории Обреченных Королевств, которая полностью раскроет интригующую тайну королевства Митики, приоткроет темные, зловещие стороны магии.

Итак, Кристалл Хэтчер, место действия современный Торонто: Был обычный день в старинном книжном магазине ее матери, когда Крис стала свидетельницей невероятного события: ее младшая сестра Бэッカ впала в кому после того, как была (околдована) мистической книгой, написанной на незнакомом языке.

Мэддокс Корсо, место действия Древняя Митика: Мэддокс Корсо совсем не уделял внимания незнакомой девушке в своей маленькой деревне. До тех пор пока не осознал, что она — дух и он единственный, кто может видеть или слышать ее. Ее зовут Бэッカ Хэтчер и она нуждается в Мэддоксе, чтобы вернуться обратно домой.

Фаррелл Грейсон, возвращает нас в современный Торонто: Богатый и беспечный Фаррелл Грейсон испытывает чувство страха, когда загадочный лидер сверх тайного общества Хокспиэр приглашает его в круг своих последователей. Но когда он узнает, что должен сделать, чтобы проявить себя, Фаррелл начинает задаваться вопросами обо всем, что он знал до этого: о своей семье, о преданности, и конечно же, возникает множество вопросов, поставленных себе.

Судьба свела их вместе, но древняя магия попытается внести свои коррективы в сложный и полный интриг, тайн, разоблачений мир людей.

Морган Родес

Книга духов и воров

Над переводом работали:

Переводчик: Marina Kostritsa

Редактор: Лилия Кострица

Кристал

— Будьте осторожны, когда прицеливаетесь этой штукой, молодая леди. Однажды она создаст Вам проблемы.

Старик, за которым Крис ходила по пятам в течении 20 минут, взглянул на нее через объектив камеры. Когда он наморщил лоб, глубокие морщинки, казавшиеся ей очаровательными, собрались над переносицей.

Она сделала быстрый снимок картины.

— Спасибо за совет. — сказала девушка, одарив улыбкой, прежде чем сбежать.

Это будет великолепный снимок, пока один из ее самых лучших. Глаза, которые видели по меньшей мере 80 лет жизни. Лицо обветренное и состарившееся, с тысячами историй для рассказа. Безусловно, этот снимок стоил того, чтобы поместить его в портфолио.

Глаза Крис непрерывно заморгали в течении нескольких секунд, когда она, проходя мимо банка с цифровыми часами, увидела который час. «Бэッカ убьет меня.» — подумала она.

Обычно уроки в школе заканчивались в 3, но в школу она сегодня не пошла, и совершенно потерялась во времени, пролетевшем так незаметно. В воздухе пахло весной после такой долгой и холодной зимы. Холодный ветерок был свежим, чистым и полным возможностей, чуть смешиваясь с запахом цемента, пыли и выхлопных газов.

Без пяти шесть она наконец — то достигла точки своего назначения. За пять минут до закрытия.

Книжный магазин The Speckled Muse находился на западном краю Аннекс, района, примыкающей по соседству к территории Университета Торонто и Королевскому музею Онтарио. Оживленные улочки, молодые лица в толпе — благодаря университету неподалеку — много ресторанов и маленьких самостоятельных магазинов.

Крис остановилась и сделала снимок поблекшего от ветров и дождей знака, находящегося впереди — она делала похожие фото на каждом возможном углу за последние два года. Вместе с названием магазина, написанном причудливыми, раскрашенными буквами, была картина маленькой девочки в больших очках, с косичками и в веснушках, сидящей сверху на стопке книг.

Это была карикатура той Крис, какой она была в пять лет, до того как научилась читать. До того как стала носить контактные линзы из-за раздражающей близорукости и использовала толстые очки только по крайней необходимости.

Это было в то время, когда Хэтчеры были семьей, а не тремя отдельными частями.

Что-то теплое задело ее ногу и она, нахмурилась, опустила камеру.

— Кто выпустил тебя, Чарли?

Чарли, прелестный черно-белый котенок, ответил тихим «мяу», как будто спрашивая о чем — то Крис.

— Пошли. — Крис нагнулась и подняла его, прижимая к груди. — Ты слишком далеко зашел, малыш.

Месяц назад, в начале марта, когда были еще заморозки, она обнаружила его за мусорным ящиком за квартал от магазина и возле ее любимого места, где продавали суши.

Он был не больше ладошки руки, выглядел одиноким и несчастным. Она принесла трясущийся комочек домой и долго настаивала, чтобы они оставили его.

Мать только взглянула и сказала «нет». Но младшая сестра Крис, Бэкка, сразу же вмешалась и стала спорить о ничтожной кошачьей судьбе. Оказавшись между совместными аргументами двух дочерей, Джулия Хэтчер наконец смягчилась. Пожалуй, это был единственный раз за столько времени, когда Крис и Бэкка согласились хоть в чем-то. Сестра назвала его Чарли в честь одной из ее любимых книг «Чарли и шоколадная фабрика».

Теперь Крис, открывая, толкнула входную дверь, вызвав этим знакомый, мелодичный перезвон дверного колокольчика, который сигнализировал о том, что зашел покупатель. Сразу же она почувствовала жаркий взгляд Бэкки через весь магазин.

«Да, я знаю, я опоздала. — подумала она. — Что нового?»

Почта лежала на маленьком столике возле двери кучей, явно нетронутой. Несколько коричневых картонных коробок с книгами были сложены за ними.

Магазин «The Speckled Muse» находился в историческом трехэтажном здании — одном из самых старых в Торонто, относящемся к середине девятнадцатого века. Прадедушка Крис, человек богатый и влиятельный в городе, купил здание 70 лет назад и подарил своей, обожающей книги, жене, чтобы она могла открыть книжный магазин. В настоящий момент он выглядел как новый, но самому названию было более 60-ти лет.

Когда — то их прадедушка растратил состояние на ничтожные инвестиции, и не оставил им ничего, кроме самого магазина.

«The Speckled Muse» — достопримечательность Торонто. Один из самых старых книжных магазинов в одном из самых старых зданий, поэтому о нем, как и о многих древних зданиях, поговаривают, что его навещают призраки. Крис еще не видела доказательств существования привидений — кроме как слышала редкие стоны и скрипы, обычные для любого старинного особняка.

Все это, и правда, и слухи, помогали убедить покупателей зайти в дверь и пройти по книжным рядам, больше напоминающим лабиринт, уголкам и закоулкам магазина, который, вопреки маленькому и причудливому фронтому, выделялся внушительным интерьером, который удивительным образом, казалось, не заканчивался, а вновь и вновь продолжался.

Первый этаж здания был отдан магазину, а верхние два составляли дом Хэтчеров, на которые можно было попасть по витой железной лестнице в самом конце основного этажа. Три спальни и ванная на верхнем этаже, кухня, гостиная, и вторая ванная на втором. Вполне достаточно места для троих. А теперь и для Чарли, конечно.

— Большое спасибо, что пришли. — Бэкка протянула сдачу покупателю за стойкой. Ее волосы светло-медового цвета, открывая лицо, были заплетены в неплотную косу, спадавшую на правое плечо. За ухом у нее был карандаш, о котором, Крис могла поклясться, та совершенно забыла. — Надеюсь, Вам понравится книга.

— Спасибо Вам, что помогли мне найти ее! — Покупательница — рыжеволосая женщина с густым румянцем на щеках и широкой улыбкой, в которой Крис быстро узнала постоянного покупателя — прижала пластиковый пакет с логотипом магазина к груди. — Моя мама читала мне ее, когда я была маленькой. Это настоящее сокровище. И по такой хорошей цене!

С очаровательной улыбкой и приветливым кивком в сторону Крис, женщина покинула магазин со своим купленным за умеренную цену сокровищем, крепко держа его в руках.

— Бэкка Хэтчер — мечты становятся явью, одна книга за раз. — сказала Крис весело.

Ответа не последовало, только тот же взгляд, пока младшая сестра двинулась от длинного деревянного прилавка к двери, обходя нагроможденные книги, которые необходимо зарегистрировать и разложить по полкам. Она повернула знак «Закррито».

Здесь пахло временем — запах старых книг и кожи. Это был запах, который Крис любила, так как он напоминал запах дома, но сейчас ей захотелось проветрить помещение.

— Ну и как? Не здороваешься с единственной сестрой во всем белом свете? — продолжала настаивать Крис.

— Ты должна была быть здесь два часа назад.

Крис пожала плечами: — Я была занята. Я знала, ты справишься сама.

Бэква застонала: — Невероятно. Тебя это даже не волнует, не так ли?

— Не волнует что?

— То, что ты...ты.... — Щеки Бэкви краснели с каждым произнесенным словом. Если и было что-то, что в общем можно было сказать о сестрах Хэтчер, так это то, что они не слишком сдерживали свои эмоции.

— Я...я....? — Крис подсказала. — Что? Заставила тебя провести два лишних часа с твоими любимыми вещами, пока мама занимается повседневными делами?

— Мне пришлось пропустить книжный клуб из-за тебя!

Крис внутренне съежилась. Бэква любила свой дурацкий книжный клуб, как шестилетний ребенок любит мармеладных мишек: — Знаешь, тебе правда стоит найти хобби, не имеющее ничего общего с книгами. Развивайся и расти. Живи немного. — она указала на окно, которое выходило на постоянно оживленную улицу Батерст — За окном тебя ждет целый мир открытий.

— Ты права. Мне нужно другое хобби. — ответила сестра. — Возможно, я займусь фотографированием.

Она сказала это таким тоном, что это прозвучало как оскорбление.

— Все равно.

— Ты такая же как отец — знаешь это? — добавила Бэква.

«Замечательно, — подумала Крис, — вонзи нож еще немного».

Внезапно Крис захотелось отложить камеру, любимый Pentax 80 — х, который использовали при съемках фильмов в темной комнате. Он не был модным и однозначно не был цифровым. Вспышка сломалась давным-давно и была выброшена, но для Крис это не было значимым и не играло никакой роли, так как она любила использовать естественный свет.

Вместо этого, держа камеру одной рукой, а другой — баюкая мурчащего Чарли, она сделала снимок. Бэква подняла руку, чтобы закрыть лицо, но было слишком поздно.

— Ты знаешь, я ненавижу, когда меня так фотографируют!

— Тебе следует преодолеть это. — Крис уже знала, что большинство людей ненавидят, когда их фотографируют, поэтому она больше предпочитала делать снимки незнакомцев украдкой по всему городу. Она не имела понятия, почему Бэква была так стеснительна перед камерой. Девушка могла бы быть моделью. Львиная доля красоты в семье перешла к младшей сестре, факт, с которым Крис боролась, чтобы он не доставлял ей лишнего беспокойства.

— Какое же ты ничтожество, знаешь? — ответила Бэква. — Думаешь только о себе.

— Отцепись. — Несмотря на внешнюю браваду, искорки вины зажглись в животе Крис, как всегда. Определенно было время сменить тему. — Ты знала, что Чарли выбежал на

улицу?

— Что? — Бэッカ взглянула на котенка и ее лицо побледнело. — Я даже не подозревала.... Если бы его сбила машина.... — она потянулась через стойку, так, что могла ласково погладить его по голове. — О, Чарли, прости.

— Возможно, он просто выскочил за покупателем. Все нормально. Он в порядке.

Котенок начал извиваться, поэтому Крис мягко спустила его на пол. Он махнул хвостом и пошел прочь, вдоль длинного прохода между заставленных книгами полок к своему любимому шерстяному коврику в секции мистерии.

Бэッカ окинула серьезным взглядом магазин, пока снова не посмотрела на Крис. Ее темно — голубые глаза сузились и она покачала головой, словно увидела сестру впервые сегодня: — Ты снова покрасилась.

Крис накрутила длинный светлый локон на палец. Ее родной цвет был средне — пепельный блонд, как у матери. Год назад она начала краситься, как только ей приходила в голову очередная блажь и с того времени она была черной, темно-коричневой, рыжей и, в течении короткого времени и к испугу матери, ярко фиолетовой.

Вчера вечером она стала платиновой блондинкой. Кожа головы до сих пор зудела от пероксида и она с трудом сдерживалась, чтобы не почесать, надеясь, что ее волосы не станут выпадать от злоупотребления красками, которыми она пользовалась в последнее время.

Хотя.... попробовать походить лысой немного может быть круто.

— Ага. — ответила она. — Нравится?

— Конечно. — ответила Бэッカ с заминкой. — От этого твои глаза кажутся еще светлее.

— Думаю, да. Спасибо. — Крис не знала, был ли это комплимент или просто констатация факта. У нее были глаза как у отца — ледяные голубые и настолько светлые, что им совершенно не хватало цвета. Некоторые люди считали ее глаза жуткими.

Но она относилась к ним спокойно.

— Мама вернется через час. — сказала Бэッカ, взглянув на часы.

— Давай тем временем закажем суши. Умираю с голоду. — Бродя по улицам целый день, Крис забыла пообедать.

— Меня тошнит уже от суши. Давай определимся с обедом после того как закончим в магазине.

Как может тошнить от суши? Крис могла есть их на завтрак, обед и ужин, если бы выбирала она: — Ладно, говори, что делать, босс.

— Разбери почту. — Бэッカ указала на кипу возле входной двери. — А я... Думаю, я расставляю это.

Она схватила картонную коробку и закинула ее на стойку.

— Приходила покупательница со связкой прочитанных детских книг, которые она хотела сдать. Мамы не было здесь, чтобы просмотреть их качество, поэтому я взяла их все. Не знаю, почему кто-либо хочет избавиться от всех этих книг, но я думаю, для дела это хорошо, да?

— Конечно. — ответила Крис отвлеченно, просматривая почту. Она заметила подозрительное письмо на самом верху и пошла к нему. — Отложи это.

Письмо было адресовано ее матери из Сандерленд — Хай — школы Крис.

Она открыла его без всякой задней мысли и просмотрела содержимое, которое информировало миссис Хэтчер о том, что у ее дочери Кристал появились вопросы, связанные с посещением занятий. Она пропустила три недели уроков с начала года.

Директор хотел встретиться с ней, чтобы обсудить подобное вольное посещение и насколько сложившаяся ситуация может поставить под удар ее выпускной в июне.

Крис разорвала письмо на мелкие кусочки и выбросила в мусорную корзину. Ей не нужно оканчивать школу на «отлично», чтобы быть фотографом. А с тех пор как две ее лучшие подруги, Аманда и Сара, переехали за последние полгода, уроки больше не представляли для нее интереса.

Ей нужно было лишь дотянуть до июня, чтобы распрощаться со школой навсегда.

А через семь месяцев ей будет 18. Это число означало свободу, чтобы делать что хочется когда хочется. 18 означает, что она сможет наконец уехать из Торонто и путешествовать по миру, фотографируя, заполняя свое портфолио, и получить работу в журнале, таком как National Geographic.

Это была ее и мечта и планы на будущее. Всего лишь пара месяцев и случайное раздражающее письмо из школы стояли у нее на пути.

С письмами и счетами находилась посылка побольше, завернутая в коричневую бумагу и перевязанная веревкой. И была покрыта чем-то напоминающим европейские марки. Она сразу узнала руку отправителя.

Тетя Джеки.

Снова игнорируя тот факт, что посылка адресована ее матери, а не ей, Крис разорвала бумагу, интересуясь тем, что прислала тетя. Крис казалось, что прошла вечность с тех пор как она видела или разговаривала с теткой Джеки, которая жила в основном в Европе, исследуя и влезая во всевозможные приключения, романы и проблемы, какие только ее душе хотелось. Хотя она и не окончила старшие классы, слыла самым умным и классным человеком, который Крис когда — либо знала. Она получила свое образование от жизни, а не от книг.

— И ты прислала нам... — Крис освободила предмет от упаковки и ее энтузиазм быстро улетучился. — книгу. Ура.

Книга выглядела довольно старой — значит, она может быть ценной на рынке букинистических книг. А это бонус в сторону ее преимущества. Книга была обернута в гладкую коричневую кожу. Сразу бросалось в глаза, что это ручная работа. Она была размером со старый атлас и толстая, как словарь. И такая же тяжелая. Наверняка, стоила Джеки немало денег, чтобы предать ее по почте через океан.

К обложке была прикреплена металлическая бронзовая птица, ее крылья были распростерты в полете. Крис прочертила по ней указательным пальцем.

На ней не было названия и не написано ничего на постаревшем корешке.

Когда Крис открыла ее, выпал лист бумаги. Она подняла его с твердого деревянного пола.

«Джули, это она. Я наконец — то нашла ее. Бабушка гордилась бы нами... Храни ее, а я свяжусь, как только смогу.» — и подпись «Дж.», первые буквы ее имени.

Крис открыла книгу. В ней был однообразный текст, похожий на те, над которыми древние монахи трудились всю свою жизнь, с украшенной каллиграфией, аккуратным чистописанием и замысловатыми узорами. Страницы оказались такими тонкими, как луковая шелуха, но слова внутри были четкими и чистыми, иллюстрированными цветами и растениями, зелеными пейзажами, фигурами в мантиях и неизвестными животными с необычным шерстяным покровом и причудливым мехом, причем они были такими отчетливыми, как будто изображены совсем недавно, например, на этой неделе.

Однако, язык... Посмотрев, Крис нахмурилась. Она не узнала его. Однозначно не латынь. Не итальянский. Или китайский.

Алфавит был странным, состоящим из завитков и орнаментированных курсивированных букв вместо различных обычных. Не было пропусков между словами; текст скорее казался линиями из тарабарщины и чепухи, чем из современного языка. Но весь он был выполнен искусной рукой, как будто где — то все это имело большое значение для кого — то.

Часто текста была написана золотистыми чернилами, часть — черными. Золотистое сияло даже в самых темных уголках переполненного магазина, пока Крис проходила через отдел детской литературы, легко ориентируясь среди извилистых полок даже не глядя вперед.

Бэка была там, на коленях, всовывая новые книги на место, после того, как отмечала их в открытом гроссбухе за спиной. Крис взглянула на эти полки, раскрашенные в розовые, голубые и зеленые тона, так отличающиеся от стандартных коричневых или черных из других отделов этого магазина. Маленькие стульчики и диван, оббитые в яркую ткань в горошек, стояли здесь для комфорта читателей. Десять лет назад на стене за большим круглым окном — нишей в самой красивой части магазина ее отец нарисовал фреску — волшебную страну с золотистым замком и двумя принцессами, которые были очень похожи на Бэку и Крис. Раскрашенные слова «Фантазия — волшебство» извивались вокруг пушистых облаков на ярко — синем небе.

Дэниэл Хэтчер организовал и проводил заседания читательского клуба каждую субботу в этом детском уголке, бесплатные для всех детей и родителей. Он всегда заботился о том, чтобы были напитки и закуски. Местные авторы детских книг могли приходить, говорить с детьми и подписывать книги. Также это было место, где Крис и Бэка сидели часами в детстве, проводя время в чтении и обсуждении книги за книгой.

Времена изменились. Этот уголок, когда — то место магии и сказок, теперь постарел и обтрепался. Единственный след, который можно было найти здесь — это воспоминания о другом времени.

— Это что? — спросила Бэка, отвлекая внимание Крис от мечтаний.

— Хороший вопрос. Джеки прислала ее. Не знаю, что это, но надеюсь, стоит она довольно дорого.

Бэка встала и отряхнула пыль с джинсов: — Дай взглянуть.

Крис протянула ей книгу и глаза Бэки расширились, когда она взяла ее.

— Ух ты! Какая красивая. Необычайно красивая. Интересно, сколько ей лет?

— Очень старая. — ответила Крис. — Это мое мнение профессионала.

Бэка села на маленькую софу и начала осторожно листать ее. — Удивительно, каким языком она написана.

— Не имею ни малейшего понятия.

— Это что-то вроде тех, из музея.

— А музеи платят много за древние книги, которые никто не может прочитать?

Чем заслужила колкий взгляд Бэки:

— Знаешь, не все измеряется деньгами.

— Поспорим?

Бэка провела легонько рукой по полностью золотой странице, написанное было таким мелким и неразборчивым, что его едва было видно на тонкой бумаге. Чернила ярко засияли в свете от окна, хотя сумерки уже опускались на город.

— Не трогай ее грязными руками. — сказала Крис. — Это уменьшит ценность.

— Тихо. — голос Бэки теперь был глухим, отвлеченным, пока она всматривалась в страницы, и ее брови нахмурились.

— Что случилось?

— Я не знаю.

— Ты выглядишь нехорошо.

Бэка качнула головой, не ответив Крис даже взглядом: — Эта книга.... У меня такое ощущение, словно я..... Я не знаю. Чувствую что-то из нее.

— Чувствуешь что-то? — Крис рассмеялась и посмотрела на потолок. — Духи, придите к нам! Поговорите с нами через страницы странной старой книги!

— Замолчи. Дело не в этом. Это не...

— Не что? — подсказала Крис, когда Бэка замолчала.

Дыхание Бэки участилось, ее грудь часто подымалась и опускалась. Это было настораживающе.

— Бэка, в чем дело?

— Книга... — прошептала Бэка хрипло, как будто слова застревали у нее в горле. Она начала дрожать. — Она делает что-то.... со мной. Я чувствую как она.....тянет.

— Тянет? Тянет что? — в секунду дрожь пробежала по телу Крис, неся с собой неясное, но тяжелое ощущение страха. — Ты меня пугаешь. Это всего лишь дурацкая книга. Отдай мне ее.

Она протянула руку и ждала, что сестра отдаст книгу обратно: — Давай! Чего ждешь?

Бэка вскочила на ноги с диванчика: — Мне кажется, я не могу отпустить ее. Я пытаюсь, но не могу.

Золотистая страница начала сиять. Крис выругалась про себя. «Что, черт возьми, происходит?»

Она потянулась, чтобы вырвать книгу из рук сестры. В момент, когда девушка прикоснулась к ней, сильный толчок прошел через нее, как будто она сунула руку в розетку. Ее оттолкнуло назад и она почувствовала, что падает на спину к дальнему углу ниши. Ей не хватало воздуха, она изо всех сил старалась вдохнуть. Так быстро, как только могла, девушка вскочила на нетвердые ноги.

— Отбрось ее, Бэка! — с задышкой выдавила из себя Крис.

Глаза Бэки наполнились ярким золотистым светом из книги: — Я не знаю, что происходит. Что... что она делает со мной? Помоги мне! — голос прервался от страха. — Пожалуйста, Крис, помоги мне!

Крис рванулась к сестре как раз тогда, когда из книги хлынул свет, моментально ослепив ее и заставив отступить назад. Она прищурилась, протирая глаза, видя лишь резкие лучи невозможно яркого света, окутывавшего Бэку, скользя по ее грудной клетке, рукам и лицу, словно тысячи золотистых змеек.

Бэка вскрикнула и этот звук, пробирающий до костей, вызвал у Крис испуганный вскрик. Книга наконец выпала из рук Бэки, и она медленно опустилась на пол.

Крис подползла к Бэке и схватила сестру за плечи, тряся ее.

— Бэка! Бэка, посмотри на меня! Посмотри на меня!

Золотистое мерцание из книги покрыло ее кожу и собралось в глазах еще секунду, прежде чем исчезнуть совсем.

Бэка уставилась прямо перед собой, лицо ничего не выражало.

— Пожалуйста! — вскричала Крис, трясая ее еще сильнее. — Пожалуйста, скажи что-нибудь!

Но ее сестра не ответила. Она посмотрела прямо, затем моргнула, вдохнула. И Бэка Харпер исчезла — разумом и душой. Ушла. В короткий миг.

Она оставила испуганную, растерянную Крис одну. А рядом лежала книга, ответственная за это.

Фаррелл

Он не мог назвать клуб «Рейвен» своим любимым местом в городе, зато оно было самое шумное из всех, которые он знал. Молчание означает размышление, а размышление означает воспоминания. А вспоминать было больно.

Именно сегодня ночью он хотел обо всем забыть. И решил, что лучше всего в этом ему поможет полбутылки водки, которая даст хоть на мгновение забыться, от которой, возможно, просто станет легче. В клубе всегда было много темноволосых красавиц, которые, как он надеялся, помогут прогнать навязчивые, рвущие душу мысли о сегодняшней дате.

— Ты мне поможешь, не так ли? — сказал он девушке, сидевшей у него на коленях, теребя пальцами ее длинные волосы, жесткие от лака.

Он присмотрелся к ней. Она была одета в блестящую блузку с глубоким вырезом и юбку, достаточно короткую для ареста во многих местах по всему миру. К счастью, Торонто не был одним из них.

Девушка коснулась губами его шеи.

— Моя задача — доставить удовольствие.

— Старайся чуть меньше, хорошо?

— Все что пожелаешь.

Парень сделал еще один глоток и взглянул на время в телефоне. Полночь. Все. Он успешно сделал это, перешел в 3 апреля.

Внезапно тошнотворно слащавый запах цветочных духов девушки начал вытеснять его радость. На мгновение он подумал, что все они думают, будто такой аромат заставит их пахнуть как деньги и придаст ощущение богатства, но запах этого дорого парфюма был чрезмерно сильным, навязчивым, дурманящим, заполняющим все вокруг и, смешиваясь с запахом алкоголя, просто отвратительным и это отталкивало его.

— Достаточно. — сказал Фаррелл, ссаживая девушку с колен.

— О-о. Да ла-адно. Мы едва начали. — она нежно погладила его плечи и ловко расстегнула верхнюю пуговицу белой рубашки от Прада. — Мы же здесь, одни, только ты и я. Это судьба, малыш.

Он сдержал смех, рвущийся наружу.

— Я не верю в судьбу.

Приватное место, которое он зарезервировал, предполагало немного уединенности, но Фаррелл вряд ли сказал бы, что они одни. Всего в 20-ти шагах, через мерцающую штору, располагался остальной клуб. Звуки музыки грохотали в ушах, вызывая головную боль.

Сейчас он бы убил за сигарету, так внезапно и сильно захотелось закурить, вдохнуть сигаретный дым и просто наслаждаясь, расслабиться, стряхивая пепел и наблюдая как с каждой затяжкой тает сигарета, это бы его пожалуй успокоило, но ... сдержался, так как вспомнил что принял твердое решение бросить курить.

Эта брюнетка сразу привлекла его внимание, когда он пошел за бутылкой Grey Goose в бар. Он не имел ни малейшего понятия, сколько ей лет под всем этим броским и ярким макияжем. Может 20. Может 30. Его это не особенно волновало.

— Для ночи еще молода. — сказал он ей. — У нас есть время, Сьюзи.

— Стефани.

Он одарил ее одной из своих самых очаровательных улыбок, никогда его не подводившей и творившей чудеса с женщинами, с которыми ему приходилось применять усилия, чтобы завоевать. Все по схеме, ее серьезное выражение лица исчезло, а в глазах блеснул интерес. У него было не много талантов, поэтому естественный шарм и подход к женщинам считались основными.

Также публика знала о предстоящем наследстве Фаррелла Грейсона, и это помогало ему получить внимание любой женщины, которую он хотел.

Сто миллионов долларов огромного наследства его бабушки переходили к нему по ее завещанию с условием: внук не запустит в него свои руки, пока ему не исполнится 21.

Всего 576 дней оставалось до того, как он наконец получит свободу делать как ему пожелается и как захочется, не находясь под каблуком у матери и отца, наконец наступит долгожеланный конец полной зависимости от них в его месячном жалованье.

— Сьюзи, Стефани, секси, возвращайся сюда, кто ты там есть или как там тебя. — сказал он, похлопывая по колену. Она сделала, как он требовал, улыбаясь.

Ее язык был на вкус как ром, подумал он рассеянно. Или диетическая кола.

Завибрировал телефон и он посмотрел в него. Это было сообщение от младшего брата, Адама. «У меня большая проблема. Можешь приехать ко мне?» В сообщении прилагался адрес в одном из районов поблизости от центра города, пользующегося дурной славой.

Следом последовало следующее сообщение «Не беспокойся! Я в порядке.»

«Да, конечно», подумал Фаррелл и сунул телефон во внутренний карман пиджака. Он схватил бутылку водки, сделал глоток, чувствуя, как приятно она обожгла все внутри от горла до желудка. Ну вот и все.

Веселье закончилось. Долг зовет.

— Нужно идти. — сказал он.

Глаза Стефании распахнулись от удивления: — Что? Куда?

— Нужно разобраться с семейным делом.

— Я поеду с тобой.

— Нет, спасибо. — ответил Фаррелл без колебаний.

— Ну давай. — она провела длинными пальцами по его руке. — Мы так хорошо проводили время. Ты действительно хочешь бросить все так быстро?

— Меня это не особо интересует. — он продолжал улыбаться, когда выражение ее лица изменилось. — Что? Думала, это открытый кастинг на роль девушки Фаррелла Грейсона? Жаль разочаровывать тебя.

Ее удивление улетучилось, а в глазах вспыхнул гнев.

— Сволочь. Все, что говорят о тебе — правда.

Она вскочила с его колен и вылетела из приватной ложи, отдергивая занавесу, но ее руки и волосы запутались в ней, так ей хотелось уйти драматично.

Ему же лучше. Во всяком случае, он никогда не любил вкус рома.

Так как он был временно лишен водительских прав 4 месяца назад, Фарреллу пришлось привыкать к шоферу. Либо так, либо общественный транспорт — да и обоих родителей ужасала мысль о том, что Грейсон будет ездить на метро.

Это была не их вина, а полностью его. Объезжая на Порше дерево, он разбил машину, управляя автомобилем под воздействием алкоголя, с чем семейные адвокаты до сих пор разбирались, и как результат — попал в больницу с сотрясением.

«Тебе чертовски повезло, что ты никого не ранил.» — сердито проворчал голос его совести. Он звучал точь — в — точь как голос старшего брата Коннора. Всю свою жизнь он выражал такие перлы мудрости, хотел этого Фаррелл или нет.

Когда лимузин подъехал к точке назначения, Фаррелл, нетвердыми от количества выпитого ногами, подошел к зданию, где, по всей видимости, можно было снять жилье за низкую цену.

Отсюда и далее по улице несколько уличных фонарей были разбиты, погружая площадь без деревьев в темноту, отделившейся от света почти полной луны. Тени двигались к нему с левой стороны вдоль парковки, но он не обратил на них никакого внимания. Он не искал проблем — не сегодня.

— Жди здесь. — сказал он водителю.

Фаррелл поднялся по ступенькам и постучал в дверь квартиры, номер которой Адам указал в сообщении. Через минуту она со скрипом открылась.

— Простите, мы не заказывали ничего. — сказал парнишка с ухмылкой.

Фаррелл улыбнулся в ответ, затем толкнул дверь, распахивая ее и разорвав цепочку.

— Где мой брат?

Подросток качнулся назад.

— Эй, я просто пошутил немного. Я собирался впускать тебя, Фаррелл, да? Я — Питер. — он качнул головой в угол. — Это Ник.

Другой мальчишка, Ник, наблюдал настороженно за ними двумя, шагнув несмело назад, пока Фаррелл сжал руки в кулаки и двинулся угрожающе к первому мальчишке.

— Где Адам? — прорычал он. — Не заставляй меня снова спрашивать, иначе пожалеешь.

— Последняя комната. — сказал Питер, прокашлявшись. — Круто, что ты здесь. Приглашаем присоединиться к нашей вечеринке. Мы не прочь поделиться.

Фаррелл двинулся через маленькое помещение к закрытой двери со стороны черного входа. Она открылась до того, как Фаррелл дошел до нее, и его встретил Адам, как — то странно выглядевший на первый взгляд. Что-то определенно настораживало в его виде.

— О, привет! — сказал Адам.

Да, его брат выглядел нервным. Нервным и виноватым.

— Что, черт возьми, происходит?

— Ничего. — Адам провел рукой по светло-коричневым волосам. — Я имею в виду, все в порядке. Тебе следует вернуться к тому, чем ты занимался, а я могу... исправить это.

— Исправить что?

Когда Адам не ответил, Фаррелл покачал головой.

— Я забираю тебя домой. Уже за полночь. Разве тебе не пора?

Адам нахмурился:

— Я давно уже вырос из комендантского часа.

— Наши любимые родители могут не согласиться с этим. Я помню, что они делали, когда мне было 16. Пошли. — Он шумно выдохнул. Стоп. Возможно, он не так подошел к этому вопросу. Его брат — подросток, нельзя так резко. — Я достал последнего «Макса — убийцу», только из новых загрузок. Знаю, ты хотел посмотреть его, я тоже хочу.

В одном братья разделяли интерес — любовь к корейским боевикам. Никогда не смотрели дублированные фильмы, только с субтитрами. Они смотрели по меньшей мере вместе один раз в неделю на домашнем кинотеатре в доме Грейсонов. Это была их традиция.

— Но вечеринка еще не окончена. — проскулил Питер.

Значит, это и были новые друзья Адама. Оба они производили на Фаррелла глубоко неприятное впечатление.

— Вечеринка, говоришь? — сказал он. — Три ребенка поздно ночью в пятницу в каком-то подозрительном помещении. Как по мне, так это не особо напоминает вечеринку.

Его фраза повисла в молчании, и он снова обратил внимание на Адама. — Что в комнате?

Адам скривился. Он держал дверь открытой для себя настолько, чтобы смотреть на Фаррелла, но не достаточно широко, чтобы Фаррелл мог увидеть остальную комнату.

— Я же сказал тебе не приходить.

— Ага. Сразу после того, как сказал, что у тебя проблема. Что в комнате? — повторил он вопрос.

— Ничего.

Фаррелл практически чувствовал, как его похмелье кружит над ним, словно падкий на душу стервятник.

— Сейчас же покажи мне.

— Да, давайте покажем ему. — Ник с большой подлой ухмылкой на лице медленно и важно подошел. — Веселье только началось. Адам первый, а ты можешь пойти вторым, если хочешь.

Фаррелл толкнул дверь, открывая для обзора маленькую спальню. Кровать была расстелена, шторы висели криво. Здесь воняло нестиранной одеждой.

Женщина без признаков сознания лежала на кровати.

— Объясни. — процедил он сквозь сжатые зубы. — Сейчас же.

— Она искала вечеринку — ее нужно было всего лишь немного подтолкнуть. — пожал плечами Питер. — Запустила нас троих сюда до того, как «отъехала». Это ее дом.

Женщина была по меньшей мере на 10 лет старше парней. Красная помада размазалась, от нее воняло дешевым табачным дымом и алкоголем.

— Кто дал ей наркотики? — спросил Фаррелл так внушительно, как только мог, бросая взгляд на Адама. — Ты?

Адам отрицательно качнул головой, его лицо было бледным и унылым.

— Ты трогал ее? — она была одета полностью, даже в колготах и туфлях на шпильках. Но он должен был спросить.

— Нет. — ответил Адам, его голос больше напоминал шепот.

— Он проторчал здесь пол часа. — сказал Питер со смехом. — Мы устали ждать, пока он начнет.

Фаррелл проигнорировал его, фокусируя свое внимание на Адаме.

— Ты собирался?

Тень страха и неуверенности проскользнула в глазах Адама.

Ник потряс головой, ухмыляясь:

— Мы пытались помочь твоему братцу отбросить свою девственность, но вот что.....

Фаррелл больше не мог сдерживать свой гнев. Он взорвался. Парень схватил Ника за горло и прижал к стене так, что упала дешевая картина в рамке.

— Слушай меня очень внимательно. Если вы когда-нибудь, повторяю когда-нибудь, втянете моего брата во что-то подобное снова, я убью вас обоих.

Он послал убийственный взгляд Питеру, прежде чем снова обратить свое внимание на

мальчишку перед ним.

— Слышал меня?

Ник испуганно выпучил глаза.

— Эй, погоди....

— Если вы еще раз появитесь рядом с Адамом снова, я лично распорю ваши животы и буду смотреть, наслаждаясь каждой минутой, как вы корчитесь на полу. А если я услышу, что вы сотворили нечто подобное еще с какой — то другой женщиной, я заставлю вас сильно и глубоко пожалеть об этом. Ясно?

Ник казался обезумевшим от страха. Высыпания на лице Питера покраснели и выделялись яркими пятнами на его лице. Они оба ответили в унисон.

— Ясно.

Фаррелл наконец отпустил Ника.

— Убирайтесь к чертям собачьим отсюда. Оба.

Мальчишки протиснулись к выходу без единого протеста.

Адам вжался об стену, как будто бы тоже хотел сбежать.

— Фаррелл, клянусь, я бы не....

— Заткнись. Просто заткнись. — он посмотрел вниз на руки, они слегка подрагивали. Он скрестил их и подошел к женщине на кровати. Она застонала и задвигалась на простынях. Броское кольцо с большим фальшивым рубином свисало вокруг шеи. Ее волосы был светлыми с желтоватым оттенком и черными корнями.

Накладные ресницы затрепетали, и она приоткрыла глаза. Накрашенные красные губы растянулись в пьяной улыбке.

— Эй, малыш! Готов повеселиться?

— У меня было достаточно веселья сегодня.

Он взял одеяло и накрыл ее. — Спи. Завтра будешь чувствовать себя лучше.

Он снова уловил запах табычного дыма и подумал, что необходимо остановиться где-нибудь за сигаретами. Никотин ему требовался сейчас как никогда. Он три дня уже не курил. Этого было более чем достаточно.

— Фаррелл, — снова начал Адам сдавленным голосом.

— Просто скажи мне, почему тебе захотелось влезть во что-то подобное. — Фаррелл даже не смотрел на него, а шел к открытой двери. Адам следовал за ним как привидение.

— Сегодня годовщина, ты знаешь?

Фаррелл застыл.

— Ты этим извиняешь себя?

— Нет. Это была ошибка.

— Ты чертовски прав. — он знал, что такое ошибки. Он так много их наделал, что сбился со счета.

— С тех пор как Коннор умер, ты так отдалился. Мама и папа.... они практически игнорируют меня и не замечают. Я не чувствую, что я связан с кем-то. Я, понимаешь, один, всегда один. А Ник и Питер просто захотели быть моими друзьями. Знаю, это было неправильно, и я знаю, я ничего бы ей не сделал и не позволил им. Но сегодня.... всего на миг я вдруг почувствовал, что я принадлежу кому-то. Что я хоть кому-то нужен. Как будто у меня свой круг друзей. И я не одинок. Понимаешь, не одинок, это ведь так здорово.

Год. Уже год прошел с тех пор как умер Коннор.

Было бы так хорошо все забыть. Но уже не имело значения, сколько он выпил. Не

помогло. Не забылось. Образ Коннора всегда был с ним, врезавшись в память.

— Я понял, братец, понял. Потребность принадлежать, иметь людей, на которых можно положиться, не смотря на все препятствия, быть нужным кому-то... Но, пойми, эти неудачники, вроде Питера и Ника не могут дать тебе это. Зато я знаю, что тебе нужно.

— Что?

— Отец собирался сказать во время завтрака, но я весьма рад испортить его сюрприз. Следующая встреча общества состоится завтра вечером, и ты в списке приглашенных. Тебя ожидает обряд инициации.

Адам уставился на него расширившимися глазами.

— Ты серьезно?

— Угу. Ты в деле.

— Я имею в виду, я практически ничего не знаю об этом.

Фаррелл пожал плечами.

— Все что происходит в Обществе Хокспизэ, остается там же. Но ты скоро научишься.

Адам просто стоял, качая головой от недоверия, после чего широкая улыбка расплылась на его лице.

— Это потрясающе.

— Поздравляю. — Фаррелл ничего не мог поделать, только улыбался от бурной реакции младшего брата. Не каждый день проводили обряд посвящения в тайном обществе, состоявшем в основном из элиты и верхушки, и конечно же, только самых влиятельных людей Торонто.

Адам еще не имел ни малейшего представления, что ожидало его за теми закрытыми дверями, но Фаррелл уже знал, и был уверен, что это уж точно даст ему почувствовать принадлежность к кому-то. Или к чему-то особенному. Весьма могущественному. Магическому. Властному и сильному.

16 лет — минимальный возраст для его участников, и они были еще так молоды, чтобы считаться полноправными членами общества. Фаррелл на минуту призадумался, его начало одолевать мучительно подступившее сомнение и он вдруг понял, как неуверен в том, что брат полностью готов к тому, что увидит завтра ночью.

Но правила оставались правилами. И семья — семьей. Это незыблемо.

Адаму Грейсону суждено было быстро повзрослеть. Фаррелл мог только надеяться, что он не закончит так, как Коннор.

Мэддокс

15-й год правления богини Валории

Если Мэддокс ценил жизнь, а он определенно ценил ее, то должен поспешить. Он практически заставил Ливиуса ждать слишком долго.

Дорогу от маленькой деревушки матери до города Рейвенсвуд было невозможно пройти за два дня, так как необходимо было время, чтобы отдохнуть и поесть. Мать умоляла остаться с ней еще на один день, говорила, что приготовит ему рагу из кролика, которого она поймала в силках этим утром. Хотя его желудок протестовал от того, что приходится отказаться от такого чудесного блюда, он быстро поцеловал ее в обе щеки и крепко обнял.

— Обещаю, я вернусь, как только смогу. — пообещал он.

Если бы Мэддокс не ушел, то не заработал бы достаточно денег, чтобы оплатить за ее маленький домик. Лорд, владеющий этими землями, выгнал бы ее, и ей, как многим другим бедным женщинам на Севере, пришлось бы разделить участь просящих милостыню.

Но он никогда не позволит этому случиться.

Поэтому парень быстро продвигался к городу, продолжая коварное путешествие через плохо прорубленные тропы и грязные дороги, через леса, полные бандитов, жалящих насекомых и чудовищ с острыми зубами. У него не было оружия — ему не позволялось его иметь — поэтому все, чем он владел, составляли его кулаки, ловкость и сноровка.

На краю леса, менее чем в миле от города, Мэддокс медленно шел по тропинке к привалу, когда заметил старика, с окровавленным лицом лежащего за опрокинутой деревянной тележкой, рубашка также была в крови.

— Парень... — простонал старик, протягивая руку к Мэддоксу, как только тот подошел с опаской. — Пожалуйста, пожалуйста, помоги мне.

— Конечно, я помогу тебе. — он бы никогда не проигнорировал кого-то в подобной нужде, хотя от вида крови замутило в желудке. — Что здесь произошло?

У старика были седые и редкие волосы, его в основном лысая голова, казалось, краснела на слепящем солнце.

— Воры остановили мою повозку. Они напали на меня и оставили умирать. Подойди поближе. Помоги мне подняться, помоги добраться до города.

Мэддокс вглядывался в деревья, теперь встревоженный тем, что воры могли лежать там в засаде.

— В каком направлении они ушли?

— Дай мне руку, парень.

Мэддокс замешкался лишь на мгновение, пред тем как схватил руку старика и помог ему подняться.

— Ты потерял много крови.

— Не так много, как потеряешь ты, если не сделаешь то, что я скажу. — Старик вытащил кинжал и приставил острие к шее Мэддокса. — Доверчивая молодежь, не так ли?

«Доверчивая. Или глупая.» По опыту Мэддокса они казались равнозначными, когда ему приходилось делать выбор.

— Отдай мне все свои монеты. — Старик оттопырил губу, показывая выбитые зубы. Его

дыхание воняло гнилыми овощами. — Или я перережу тебе глотку.

«Глупая молодежь. Очень, очень глупая»

— Жаль разочаровывать тебя, но у меня нет ни одной монеты. — Мэддокс скривился, когда старик нажал на острие, и струйка теплой крови побежала по его шее. — Если ты отпустишь меня, обещаю, я достану тебе много монет.

— Обещания ничего для меня не значат.

— Ты явно перепутал меня с кем-то, у кого есть монеты, чтобы поделиться. Разве я выгляжу как тот, у кого есть мешочек с серебром или золотом?

Старик присмотрелся к нему.

— Ты одет довольно хорошо.

Сегодня он был одет в сделанные на заказ портным кожаные брюки, замшевый жилет, и чудесную рубашку из ткани, импортируемой через Серебряное море. На первый взгляд Мэддокса Корсо можно было по ошибке принять за сына лорда.

Что имело смысл. Эта одежда была украдена от сына лорда.

— Парень, сколько тебе лет? — спросил вор.

Он замешкался, прежде чем ответить честно. — 16.

— Где твоя семья?

— В городе впереди. — солгал он. — И у них есть золото.

Его мысли лихорадочно метались от одной к другой в поиске способа избежать это затруднение.

— Скажи мне, ты просто лежишь здесь у края дороги? Это хобби или профессия? Дело — то прибыльное?

На его вопросы он только получил еще один укол ножа, приказывающего замолчать.

Тогда Мэддокс попытался отрешиться от остальных мыслей, сконцентрироваться на человеке, и больше ни на чем. Ввести в бессознательное состояние, используя ту странную и неизвестную силу внутри него.

К несчастью, его магия не работала сегодня, что было неудивительно. Так происходило почти все время, когда он практически пытался воспользоваться ею.

В мысли ворвался другой голос.

— Что ты делаешь с моим сыном?

Старик обернулся лицом к вмешавшемуся, разворачивая Мэддокса вместе с собой.

— Твоим сыном, да? Хмм, получается твой папаша пришел сам, разыскивая тебя.

— Получается. — пробормотал Мэддокс.

Но Ливиус был его стражем, а не отцом.

Ливиус, который был одет сегодня также хорошо, как и Мэддокс, вдобавок лишь длинный плащ с капюшоном, прошелся взглядом по остальной дороге, пока наконец не остановился на перевернутой повозке. Один его глаз, как всегда, прикрывала черная повязка.

— Такая ситуация хорошо работает на тебя? Заманиваешь несчастных мух в свою липкую паутину? — спросил он.

— Работает как ведьмовские чары. Находится много желающих помочь умирающему старику, у которых полным-полно золота. Я всего лишь хочу освободить их от такой тяжести.

Взгляд Ливиуса сосредоточился на Мэддоксе, его здоровый глаз выделялся темным пятном на загорелом лице.

— Парнишка молод и наивен. Он восприимчив к обману.

— А я благодарен ему за эту слабость. — Улыбка вора стала шире. — У тебя есть возможность остановить все мирным путем. Я не прочь освободить его....если ты покажешь мне то, что я хочу.

Ливиус потянулся к кожаной сумочке и достал полную пригоршню золотых монет, поблескивающих на солнце.

— Что-то вроде этого?

Со своей нынешней позиции Мэддокс мог только догадываться, что глаза вора также сверкнули, как и монеты.

— Да, именно.

Вор грубо толкнул Мэддокса в спину.

— Забери монеты у отца, парень. Собери все и положи в мою сумку. Только после этого мы разойдемся по-тихому.

Мэддокс сделал, как ему велели, острое кинжала время от времени касалось его шеи. Он избегал встречаться со взглядом Ливиуса, который терпеливо наблюдал за ним и стоял, скрестив руки на груди. 5 пригоршней золотых монет переключались в открытую, сделанную из овечьей шкуры, сумку вора.

— Чудесно. — вор отпихнул Мэддокса в сторону и поднял сумку с земли. — Идите спокойно, оба. И не оглядывайтесь, иначе пожалеете.

— Ты думаешь, что можешь украсть мое золото и просто уйти? — Ливиус сжал кончиками пальцев плечо Мэддокса так, что они впивались парню в тело.

— Кажется так, разве нет? — старик отвернулся, усмехаясь.

— Но не со мной.

Ливиус отпустил Мэддокса, в два шага преодолел расстояние между ним и вором и вонзил свой клинок ему в спину.

Вор опустился на землю, настоящая кровь смешивалась с фальшивой, которую он использовал, чтобы привлечь внимание Мэддокса к себе. Он испустил последний вздох и его глаза закрылись навсегда.

— Он был стар и слабее тебя. — пробормотал Мэддокс. — Он собирался отпустить меня. Ты мог забрать монеты, не убивая его.

— Что ты сказал?

Мэддокс повернулся к Ливиусу, когда мощный удар в лицо сбил его с ног. Хороший удар, кстати. Он практически видел звездочки перед глазами, когда спотыкаясь, падал на рыхлую землю, ощущая медный привкус крови во рту.

— Ты весело проводишь здесь время, зная, что я жду тебя. — прогремел Ливиус. — И по пути ввязываешься в проблемы. Что нового, маленькое жалостливое отродье? Если бы я окончательно не потерял терпение и не пошел искать тебя, как думаешь, что случилось бы? Мне до смерти надоело возиться с твоей дерзостью.

«Так не возись со мной совсем.» — подумал Мэддокс, игнорируя боль в щеке. Грудную клетку тоже сперло так, что трудно было дышать. — «Оставь. Уходи. И не возвращайся.»

Но он знал, что этого никогда не случится.

Он уже пытался сбежать от Ливиуса, но его страж был искусным охотником. И еле выжил после последовавших тогда побоев и помнил голос Ливиуса, низкий и спокойный, обещавший, что будет убивать мать Мэддокса очень медленно, если тот снова попытается сбежать.

Мэддокс знал, что Ливиус — человек слова.

Он поклялся защищать мать до последнего своего вздоха. После того как Ливиус забрал его с собой, после того как использовал особые возможности Мэддокса, чтобы расплатиться с численными долгами, Мэддокс молился, что однажды он освободится, чтобы начать жизнь вдали от этого жестокого и беспощадного монстра.

До тех пор ему необходимо подыгрывать тому во всем.

— Поспешим. — Голос Ливиуса был холодным. — А не подчинишься мне снова, выродыш, клянусь Богиней, я сломаю тебе обе руки.

— Да, — сказал Мэддокс медленно. — Я чувствую его. Ваше поместье осаждают злой дух, сбежавший из темной земли за гранью смерти.

Лорд Джиллис выдохнул в изумлении, прижав руку ко рту.

— Я знал это. Я знал! Я слышал его несколько раз среди ночи. Он безумно пугает мою семью. И это всего лишь злой дух? Вы уверены, что это все?

— Однозначно. — солгал Мэддокс. — Что? Вы верите, что есть что-то еще?

Лорд взволнованно потирал руки.

— Это поместье только перешло в мои владения. Много лет назад эти сады якобы были местом встречи бессмертных, которые, поговаривают, практиковали здесь свою магию.

— Якобы? — переспросил Ливиус.

— Да. Я, конечно, не замечал таких тайных встреч лично.

— Нет, конечно нет. — Ливиус терпеливо улыбнулся, как будто имел дело с глупым ребенком, который гонялся за бабочками и называл их демонами. — Это честь и достижение обрести такое ценное поместье.

— Да, да, несомненно.

У Мэддокса не было времени думать о бессмертных, которые, как поговаривают, существовали бок о бок с жителями Митики еще до его рождения. Когда — то давно в их страну прибыли богини и заняли свои престолы, и больше ничего не было слышно о других бессмертных на этой земле.

Безучастный ко всему, Мэддокс предпочел сфокусировать все внимание на духах — существуют они или нет.

— Я могу избавить ваш дом от темного присутствия духов. — сказал он.

Лорд Джиллис с энтузиазмом закивал головой, соглашаясь.

— Да, замечательно. Сделай, будь любезен.

Он еще не видел сада, но сейчас он прошел по аллее самого великолепного поместья, в какое его когда-либо приглашали. Пол являл собой мозаику из бронзовых и серебряных плиток, которые стоили столько, сколько обычный работяга заработал бы за несколько жизней. Портреты Джиллиса и его семьи украшали стены.

Ливиус держался поблизости, скрестив руки на груди и наблюдая. Ожидая.

— Дайте мне еще несколько минут, чтобы усилить связь с духом. — сказал Мэддокс. — Мы не можем просто отпугнуть его, иначе он исчезнет вначале, а потом появится снова, чтобы опять третировать вас после нашего ухода.

— Да-да. — кивал Джиллис, проводя нервно рукой по лысой голове. Он был одет в темно-оранжевые одежды с золотой вышивкой, которые обвивали его толстые ноги.

— Пожалуйста, все необходимое время в вашем распоряжении.

Мэддокс вернулся в зал, туда, где лорд впервые почувствовал недоброжелательную сущность и взглянул вверх на высокий золотой потолок. Видя разницу этого элегантного дома и скромного дома матери, Мэддокс почувствовал горькое разочарование, нарастающее

в груди. Он никогда не сможет позволить себе такой дом для нее.

— Присутствие духа сильнее всего ощущается в этой комнате. — наконец изрек он.

— А ты знаешь кто это? Возможно, этот дух недоволен мной или что-то в этом роде?

— У вас много врагов? — спросил Ливиус.

— Нет. Во всяком случае, я думаю, что нет. — Лорд Джиллис бросил нервный взгляд на Ливиуса. — Никто из них, я полагаю, так бесцеремонно не вторгнулся в мой дом.

— Мэддокс? — подтолкнул Ливиус, его лицо выражало сейчас терпение и мужество.

Он так мастерски разыгрывал искренность, что порой даже Мэддокс обманывался.

— Понимаете, — начал Мэддокс. — Даже если вы и знали этого человека, его дух был поглощен царством тьмы, его существование искажается и теряет форму. Если духам удается вылететь оттуда, они не такие, какими были смертными людьми. Они опасны.

Когда он проговорил эти слова громко вслух, по спине пробежала дрожь. Это должен быть обычный повседневный диалог в такой ситуации, как эта, но также это была чистая правда.

— Они могут...убивать? — спросил Джиллис дрожащим голосом.

Мэддокс не был уверен, что они могут, но вопрос был логичным.

— Могут, конечно же.

Дыхание лорда стало судорожным.

— Тогда ты должен использовать всю свою силу, чтобы избавиться меня от этого духа сейчас же!

Мэддокс кивнул с важным видом.

— Сделаю все, что смогу.

— Он сделает даже больше. — сказал Ливиус с гордостью. — Он справится успешно, как делал до этого много раз. От кого же еще вы могли услышать о блестящей репутации Мэддокса как о изгонителе духов, если не от довольных клиентов?

— Когда я впервые услышал о его необыкновенных способностях, — сказал Джиллис тихим голосом, будто их могли подслушать, — я не поверил своим ушам. Никогда не слышал о ком — то, кто обладал бы способностями твоего сына. Клянусь жизнью, я буду держать это в секрете до самой смерти. Как вы и просили.

— Очень хорошо. — Ливиус похлопал мужчину по плечу. — Тем не менее, пожалуй, вы можете рассказать тем, кому доверяете и кому может потребоваться наша помощь. Это наше занятие. Мы помогаем тем, кому не к кому больше обратится.

Мэддокс очень старался не таращить от удивления глаза.

Лорд Джиллис нервно заламывал руки и следовал за Мэддоксом по комнате так близко, что тот мог чувствовать его теплое дыхание в затылке.

Он хотел побыстрее покончить со всем этим, но если сделает все слишком быстро, его ритуалу никто не поверит. А если все затянется слишком долго, то будет испытывать терпение всех присутствующих.

Время должно быть точным.

— Эта работа должно быть опасна для вас обоих, все-таки.... — сказал Джиллис после минутной паузы.

— Опасна? — переспросил Джиллис

— То, что способен делать этот парень, это намного больше, чем то, на что способна ведьма. А даже ведьмы должны хранить свои секреты.

Челюсть Ливиуса напряглась.

— Богиня весьма строга к покойным, не так ли?

Джиллис нервно рассмеялся:

— Да, я бы сказал, что требовать голову каждой обвиняемой ведьмы на Севере является достаточно строгим наказанием. Но что мы можем сделать? Пренебречь ею и встретиться с ее правосудием лицом к лицу?

— Вы... вы встречали ее когда-нибудь? — спросил Мэддокс неуверенным голосом. — Богиню?

Джиллис повернулся к нему:

— Да, встречал. Она красива, как рассвет. Она совершенна во всем, и я поклоняюсь Ее Сиятельству каждый день своей жизни.

— Как и мы все. — промурлыкал Ливиус стандартную реплику на подобные фразы о богине.

Мэддокс пробормотал подобный ответ, удивляясь, лжет ли Джиллис. Очень мало людей видели Богиню лично. Она якобы предпочитала оставаться в пределах своего огромного дворца, который располагался в дне ходьбы к западу от Рейвенсвуда на самом краю моря.

— К счастью для нас, — продолжил Ливиус, — только женщины становятся ведьмами. Я никогда не слышал, чтобы ярость Богини была направлена на колдуна.

— Но твой сын является одним из них.

Мэддокс хотел опротестовать тот факт, что его отнесли к колдунам, как и постоянное утверждение, что Ливиус — его отец, но придержал язык.

Он не был колдуном. Ведьмы или колдуны обладали силами четырех стихий — земли, огня, воды и воздуха. Его силы...., скажем, он не знал, чем в действительности обладал, кроме как чаще всего они были бесполезны и ненадежны для него самого.

— Его дар — очень особенный и нуждается в защите. Это мой долг — защищать его. — Ливиус остановился. — Мэддокс, ты готов начать?

Мэддокс не чувствовал себя кем — то особенным сейчас или защищенным, но знал, что делать. Прежде он делал это много раз.

— Да. Лорд Джиллис, вам необходимо отойти назад. Я не хочу, чтобы вы постарались.

Лорд Джиллис сразу сделал огромный шаг назад.

Мэддокс с трудом сдержал улыбку при виде драматизма лорда, потом достал из своей сумки серебряную коробку размером с ладонь.

— Я поймаю дух в эту коробочку....

— С помощью твоей необыкновенной силы над мертвыми. — добавил Джиллис, затаив дыхание.

— Да. — он пытался показать уверенность одним этим словом.

— Восхитительно.

Хорошо, что Джиллис не требовал дальнейшего убеждения — он верил с самого начала. Это все упрощало. После того как какой — бы вскрик или стук посреди ночи семья лорда Джиллиса не услышала, что заставило их обратиться к нему за помощью, в дальнейшем они будут считать это тем, чем оно фактически является: стуком и скрипом в большом доме на краю высокого ветреного утеса.

Мэддокс не ощущал никаких духов здесь, только семью богатых трусов. Но огласить это — значит потерять золото.

Он держал коробку в руке и закрыл глаза.

— Дух темноты, приди ко мне. Оставь этих добрых людей в покое. Приди ко мне.

Приди ко мне сейчас.

Он подождал несколько минут, затем использовал свой талант в том, что легко мог контролировать: он собрал тень из угла комнаты, описывая ею полосу черноты. Тень трагично кружила вокруг него, пока он не собрал ее всю в коробку.

И закрыл крышку, чтобы удержать внутри.

— Сделано. — сказал он торжественно.

Джиллис уставился на него крайне изумленный, что было естественной реакцией. За три года совместного путешествия Мэддокса и Ливиуса этот трюк производил огромное впечатление на многих лордов, и помогал получить их золото.

— Невероятно. — сказал Джиллис с благовейным страхом.

— Теперь с вашим беспокойством покончено. — сказал Ливиус. — Дух успешно был изгнан из вашего дома, а мы позаботимся о том, чтобы он больше не беспокоил вас.

Джиллис всплеснул руками.

— Премного благодарен, мил человек. Тебе и твоему невероятному сыну.

«Я не его сын. — мрачно подумал Мэддокс. — Я не более, чем его раб.»

Раб, которого тот мог использовать для заработка достаточного количества монет, чтобы расплачиваться с ростовщиками, которым Ливиус был должен целое маленькое состояние. Ливиус однажды был игроком с плохой удачей. Последний раз, когда Ливиус был не в состоянии сделать платеж, один из ростовщиков выколол ему глаз в наказание.

— Не нужно никакой благодарности, — повторил Ливиус. — За исключением другой половины платы, о которой мы договорились заранее.

— О, да, конечно. Конечно! Пожалуйста, следуйте за мной.

Мэддокс повернулся к выходу и увидел девушку, стоявшую у золотистой арки, ведущей в огромную комнату. Она осматривалась вокруг, ее глаза смотрели на все с изумлением.

— Не беспокойся, — сказал он ей. — Дух исчез.

Она уставилась на него:

— Что?

Скорее всего, это была дочь Джиллиса. Хотя, подумал Мэддокс, она была слишком миловидна, чтобы быть дочерью такого некрасивого человека, как лорд. Возможно, ее мать — редкая красавица. Одежда девушки была необычной, если можно так сказать. Верхняя часть сделана из шерсти, но выкрашена в невероятный, неестественный яркий розовый оттенок. И он никогда прежде не видел девушку в брюках. Они были не такие мешковатые, как носили все мужчины Митики; они плотно облегли ее ноги и были сшиты из какого-то приятного синего материала. Он заставил себя перестать таращиться на ее длинные, худые ноги.

— С кем ты разговариваешь? — проворчал Ливиус, оборачиваясь к нему.

Мэддокс кивнул по направлению двери.

— С девушкой.

— Какой девушкой?

Мэддокс моргнул:

— Лорд Джиллис, ваша дочь....

Джиллис покачал головой:

— У меня нет дочерей. Только сыновья, и они уехали сегодня на праздник. Пойдемте со мной. Я расплачусь, а мы расстанемся хорошими друзьями.

Девушка все еще стояла у входа, осматривая большую комнату, как будто видела

впервые и находила ее весьма приводящей в замешательство.

— Где я? — спросила она Мэддокса. — Я... Я оказалась здесь в саду несколько минут назад. Как я попала сюда?

Лорд Джиллис подошел к девушке, но подходя, он ни замедлил шаг, ни заметил ее присутствие. Мэддокс раскрыл рот, чтобы что-то сказать, но прежде чем успел, лорд прошел прямо в нее.

Нет, он не вошел в нее, он прошел через нее.

Как будто ее здесь не было.

Ливиус бросил на Мэддокса колкий взгляд, достаточно, чтобы парень замолчал.

— Сотри это дурацкое выражение со своего лица, идиот. Закончим здесь и уйдем.

Девушка смотрела, как они уходят. Мэддокс не мог отвести от нее глаз.

— Ты видишь меня. — сказала она. — Они не могут, а ты видишь.

Мэддокс заставил себя отвлечься от нее, фокусируясь вместо этого на шагах. Его сердце начало сильнее биться.

— Пожалуйста, посмотри на меня. — Девушка шагала рядом с ним. Ее волосы, медово-золотистого цвета, были заплетены в косу, а глаза напоминали море в сумерках. Она выглядела испуганной и сконфуженной, но невероятно решительной.

Но его не проведет ее красота. Кажется, лорд Джиллис был прав. Его поместье действительно населено призраками.

«Исчезни, темный дух. — подумал он яростно. — Оставь меня в покое.»

— Я не знаю, что происходит, но что-то случилось со мной. — она пыталась коснуться его, но ее рука прошла сквозь него, как легкая струйка дыма. Он сжался, но ничего не почувствовал, что удивило его. Духи, с которыми он сталкивался, заставляли его дрожать и чувствовать холод, пробирающий до костей.

Она уставилась на свою руку с ужасом.

— О Боже мой, что со мной?

Мэддокс хранил молчание, порывался снова взглянуть и сдерживал себя.

— Я знаю, ты видишь меня. — сказала она, ее голос слегка подрагивал, но все же оставался достаточно твердым. — И не пытайся показать обратное!

Он быстро моргнул, обнаружил, что Ливиус и Джиллис остановились и сейчас преграждали путь девушке-духу. Они сейчас стояли лицом к лицу, пока Ливиус брал золото от лорда. Оба пожали руки.

— Посмотри на меня, ну же! — голос сорвался на крик — Пожалуйста!

Тон, полный страха, все же привлек его внимание и он наконец посмотрел на нее, встретив ее взгляд.

Тень облегчения промелькнула в ее глазах.

— Меня зовут Бэッカ Хэтчер. Я не знаю, что случилось со мной, где я или как я попала сюда, но я знаю одно. Ты сможешь мне вернуться домой.

Кристал

Все дальнейшее происходило словно в тумане.

Крис позвонила 9-1-1. Машина скорой помощи с воющей сиреной и мигающими огнями приехала быстро. Она заставила себя нажать на правильные кнопки, так как хотела позвонить матери, но вместо этого оставила лишь истеричное и бессвязное сообщение. Потом поехала в больницу, где доктор спрашивал у нее, что произошло.

На этот вопрос девушка не могла толком ответить, не находила нужные слова.

— К-книга, — ответила она, заикаясь, — она смотрела в книгу в магазине. Она-она сделала это с ней.

— Вы имеете в виду, что — то прочитанное расстроило ее? — спросил доктор. — Что за книга?

— Я не знаю. Она...она просто... Я не знаю, что это было. Вы должны помочь ей, пожалуйста.

— Мы сделаем все, что сможем. — заверил доктор. — Ваша сестра стабильна на данный момент. Возможно, она выйдет сама из этого кататонического состояния.

Кататоническое состояние. Это звучало так по — медицински.

Мама приехала в течении часа и крепко обняла ее.

— Все будет хорошо. — прошептала она, касаясь губами волос Крис, затем прошла в палату Бэки. Через некоторое время вышел доктор и Крис, задев его, вбежала внутрь.

Мама сидела на стуле возле кровати.

Глаза Бэки были все еще открыты, и она смотрела прямо, моргая время от времени.

— Бэка? — несмело позвало Крис.

— Я не думаю, что она слышит тебя. — мягко ответила мама. — Уже поздно. Поезжай домой.

Крис проигнорировала эту фразу. Она подошла к сестре сбоку и ласково взяла ее за руку, внутренне содрогаясь от вида иглы, введенной прямо в вену и прикрытой лентой.

— Ты сказала доктору, что там была книга. — начала мама.

— Была, и сейчас там.

— Знаю. Я зашла в магазин, прежде чем приехать сюда и положила ее в безопасное место. — она вздохнула и потеряла виски. — Тебе не следовало открывать эту посылку, Крис. Она даже не тебе адресована.

Спокойные слова матери почему-то разозлили.

— Да, ладно! Сообщение получено, четко и ясно. Но я думала, что самое худшее, я порежусь бумагой, но...но не это. Что это, мама? Что случилось с Бэкой?

Джулия Хэтчер поджала губы.

— Джеки вообще не следовало присылать эту вещь в магазин.

«Эту вещь?»

— В этой книге что-то было. Что-то....-Крис тряхнула головой, пытаясь все четко вспомнить. — Я не узнала язык. Он старый, древний на вид, странный. И он буквально засиял, когда Бэка держала книгу в руках. Записка тети Джеки утверждает, ты знаешь, что это за книга, поэтому скажи и мне, скажи, чтобы мы могли помочь Бэке.

Крис ожидала, что мама рассмеется, напомним, что раньше она игнорировала существование сестры, однако сейчас Крис стояла здесь, отказываясь оставить сестру одну, как будто они были неразделимы.

Она не нуждалась в напоминании, какой паршивой сестрой была с тех пор, как ушел отец, все же это не означало, что она желала, чтобы с Бэккой произошло что-то плохое.

Но мама не сказала ничего подобного. Вместо этого она еще раз судорожно вздохнула.

— Пожалуйста, Крис, поезжай домой. Поспи немного. Дай я сама разберусь во всем.

— Но почему? Почему не расскажешь мне, если знаешь, что происходит?

— Я не знаю, что происходит. И нет ничего, что я могла бы тебе рассказать, и это помогло бы.

Крис вздохнула. Она знала, что сегодня вечером ничего больше не узнает от мамы. Джулия Хэтчер была такой же упрямой, как и Крис.

— Ладно тогда. — Крис стояла, все еще касаясь руки Бэкки, обратив все свое внимание на сестру.

Она знала, что подводила Бэчку бесчисленное количество раз за последние два года тогда, когда сестре нужны были поддержка и внимание. Она не подведет ее на этот раз. Она должна узнать больше об этой книге.

По пути домой Крис купила суши — роллы, украшенные, как ножки паука, которые готовили с крабами. Однажды она в шутку сказала Бэкке, что они сделаны из настоящих пауков. От выражения ужаса на лице Бэкки она громко смеялась некоторое время.

Сегодня вечером целый час она только ковырялась в еде, после чего выбросила все в мусорное ведро.

Мама приехала домой после полуночи. Крис была уже в кровати, но не спала, маленькое пушистое тельце Чарли свернулось в клубочек возле нее. Джулия подошла к ее комнате, приоткрыла дверь, чтобы посмотреть на дочь. Предполагалось, что Крис спит в окружении простыней, одеял и кота. Дверь почти сразу закрылась, перекрыв серебристый луч света из коридора, оставив только отблеск часов, на которые девушка посматривала.

Снова и снова прокручивая произошедшее в голове, она старалась вспомнить все, что случилось. Как открыла посылку, листала страницы книги. Касалась бронзовой птицы на обложке, гладкой коричневой кожи. Прошла вглубь магазина, передала книгу Бэкке.

Страница, сиявшая странным золотым письмом. Потом свет в глазах Бэкки. Складывалось ощущение, словно это само золотистое свечение потянулось и схватило сестру.

Но это невозможно. Вещи, подобные этому, не случаются в реальной жизни.

Зазвонил телефон, и Крис подпрыгнула, так как неожиданный звонок прорезал темноту. «Возможно, это из больницы». Она схватила трубку из кровати и прижала к уху.

До того как Крис успела что-либо сказать, в трубке раздался резкий шепот матери.

— Тебе не следовало звонить на эту линию.

— Я не с телефоном. А это единственный номер, который я помню наизусть. — голос принадлежал тете Джеки.

Сердце Крис пропустило удар, и она прикрыла рукой микрофон, чтобы ее не было слышно.

— Что произошло? — спросила Джеки. — Твое отчаянное сообщение безумно меня напугало.

— Отчаянное, да. Я определенно в отчаянии. Сегодня прибыла твоя посылка.

— А, всегда пожалуйста. — Джеки явно была довольна собой. — Разве я не потрясающая? Ты разве не впечатлена тем, какие у меня фантастические способности детектива, если я берусь за что-то? Ты точно не захочешь знать, что я сделала, чтобы заполучить ее в свои руки. Наконец, после всех этих лет, мы те, кто обладает силой. Мы можем вытащить этого выродка из безопасного угла, в котором он прячется и заставить его заплатить за все, что он сделал.

Мать Крис не ответила. На мгновение в трубке повисло молчание.

— Джулс? — позвала Джеки. — Только не говори мне, что у тебя другие мысли на этот счет. Пожалуйста, скажи мне, что твоя голова все еще ясная по отношению ко всему этому.

— Никогда не была яснее.

— Хорошо. Всегда помни: Маркус Кинг украл у нас все, включая твоего чертового мужа, а теперь я украла кое-что у него.

Крис загнула плечи, крепче сжимая трубку телефона.

— Стоп, Джеки. Послушай меня, — сказала мама охрипшим голосом. — Бэква прикоснулась к книге до того, как я получила ее. Она ее открыла и что-то внутри книги...подействовало на нее. Она в больнице. В коме.

В течении нескольких напряженных минут Крис слышала только абсолютное молчание на другом конце провода.

— Что? Бэква? Но... я... Я не знала, что подобное может случиться. — прошептала Джеки.

— Конечно, не знала. Никто не знал. Но это случилось и теперь она...

Я не знаю, что книга сделала с ней. Я не знаю, как ей помочь. — она замешкалась. — Маркус должен знать...

— Джулс, нет...

— Если бы я могла поговорить с Дэниэлом! Не взирая на все, что между нами было, он никогда не хотел, чтобы с девочками что-то произошло. Я могла бы встретиться и поговорить с ним....

— Нет, прекрати. Знаю, ты все еще надеешься встретить мужа, но тайное общество этого монстра поглотило его достаточно давно, чтобы понимать, что для нас он потерян.

— Я знаю. — ответ Джулии был едва слышен.

— Эта книга — ключ ко всему, Джулс. Спустя все эти годы я знаю, Маркус сделает все, чтобы заполучить ее себе. Не смягчайся, хорошо?. Я выясню, как помочь Бэкке. Клянусь.

— Лучше сделай это.

— Я же сказала, что узнаю.

Щелчок. Разговор закончился, но Крис не могла сказать, кто из сестер пожил трубку первой. Минуту спустя Крис смогла положить телефон на место, ее руки тряслись.

Она потянулась погладить Чарли, ей нужно было ощутить его мягкую шерстку и теплое маленькое тельце, чтобы успокоиться.

— Что происходит, Чарли? — прошептала она, ее горло сжалось. — Что, черт возьми, происходит?

Крис и Бэкке никогда не называли истинной причины, почему их отец ушел. Один день он был здесь, на следующий его уже не было, а мама прошла через все это, казалось, с каменным равнодушием, никогда доверительно не разговаривая с дочерьми словами типа «иногда брак просто не складывается.»

Бросил ли Дэниэл Хэтчер семью ради секретного общества?

Она схватила мобильный телефон и очки со столика рядом с кроватью и начала искать информацию.

Она набила в поиске «Маркус Кинг. Общество Торонто.»

Поисковик выдал несметное количество опций о многих людях с похожими именами, но ничего полезного не нашлось. Ничто, казалось, не относилось к тому человеку, чье имя ее мама и тетя шептали в трубке.

Крис опустила очки в черной оправе ниже на нос и потерла глаза. Взглянув на часы, она увидела, что уже почти 3 часа утра, а ее поиски в интернете так и не увенчались успехом. В конце концов, она сдалась в плен усталости. Она проспала 5 часов, проснувшись в очках, съехавших набок, и Чарли, еще посапывавшего у нее на животе.

Когда утром проснулась и села, он мяукнул, протестуя, свалившись с нее. Желудок сразу свело от воспоминаний произошедшего вчера вечером.

— Маркус Кинг, кто же ты? — спросила она вслух, вставая с постели и натянула банный халат.

Затем медленно прошла в кухню и налила стакан апельсинового сока, прежде чем сесть за стол.

Прошло уже два года с тех пор, как ушел Дэниэл Хэтчер. Ее отец. Ее герой. Ее друг. Ее наставник. Человек, который разделял с ней любовь к животным и фотографии. Он также дал ей попробовать суши, которые мама презирала.

Он оставил ей воспоминания, одно из которых она продолжала прокручивать снова и снова в своей голове.

«Скажи мне, Крисси». Он всегда называл ее Крисси, имя, которым она никому больше не позволяла себя называть. «Если я когда-нибудь уеду куда-нибудь, ты захотела бы поехать со мной?»

«Конечно, хотела бы. — ответила Крис без колебаний.»

«Даже если твоя мама и сестра не поедут?»

Она моргнула сконфуженная.

«А почему они нет?»

Он улыбнулся своей озорной улыбкой, той, которая заставляла ее улыбаться в ответ.

«Они всегда могут присоединиться к нам позже, если захотят. Но вначале это будет наше путешествие, только ты и я.»

«Тогда я, конечно, поеду с тобой». — сказала она, пожимая плечами, — «Звучит весело».

Девушка удивлялась не один раз, могли ли она действительно уехать с ним, если бы он сказал. Но он не сказал.

Прошло целых два года. Все это время она хранила его номер в мобильном. Если бы он когда-нибудь позвонил, она планировала ответить, сказав, что он может убираться ко всем чертям.

Она еще ни о чем не успела подумать, когда начала просматривать свой список контактов в телефоне, перебирая имя за именем всех людей, с которыми не могла связаться. Здесь были Аманда и Сара, ее лучшие подруги, уехавшие далеко в начале школьного года, одна за другой сразу. Ее сестра. Ее мать. Дюжина случайных знакомств, включая парня, который ей нравился в прошлом году, но не набрался смелости пригласить ее куда-нибудь до того, как она потеряла интерес.

Папа.

Согласно Джеки, Маркус Кинг, кто бы они ни был, хотел эту книгу. Он знал, что это и, возможно, что она сделала с Бэккой. Знает ли он как помочь ей, как и предположила мама?

С бешено бьющимся сердцем Крис разблокировала телефон и написала сообщение.

«Ты еще в Торонто? Я скучаю, папа. Пожалуйста, можешь встретиться со мной сегодня?»

Грудь сжало от понимания, насколько правдивы ее слова. Она так скучала по отцу, что практически почувствовала от этого боль.

Она колебалась всего мгновение, прежде чем нажать «отправить».

Потом она положила телефон на стол и оттолкнула, как будто у него выросли рога и хвост. Чарли прошелся по кухне и начал есть из своей миски кошачий корм, поглядывая на нее, пока она скрутилась на деревянном стуле, прижав колени к груди.

Пять минут спустя ее телефон запищал. Она подвинула его ближе и осторожно посмотрела на экран.

«Да, я еще здесь. Конечно, я встречу с тобой, но только завтра. Скажи мне только когда и где».

Крис закрыла телефон и попыталась проигнорировать болезненное, сжимающее все в животе ощущение. У нее было впечатление, будто она только что общалась с мертвецом.

Фаррелл

Если и было что — то на свете, чему Фаррелл сопротивлялся больше всего, то это, однозначно, одеть галстук — бабочку.

— Наконец — то, — пробормотал он, когда неловкими пальцами, в конце концов, нащупал необходимый узел. Он надел черный пиджак костюма от Армани, глотнул водки из серебряной фляги. Затем положил флягу во внутренний карман и прикрепил золотую булавку на лацкан пиджака — маленький герб в форме ястреба со скрещенными за ним копиями.

Знак общества был буквальным и от этого Фаррелл рассмеялся. Хокспиз: hawk — ястреб, spear — копье.

Он шагнул вперед, рассматривая свое отражение в зеркале, и рукой отодвинул назад темно-русые волосы от лица. Фаррелл взглянул на герб на правой стороне с неудовольствием. Прежде он носил его довольно часто, но в один день пришлось снять. Произошло это, когда местный журнал сфотографировал его с ним. Фаррелл не обратил на это особого внимания, пока фотография не попала к кому — то из отдела искусств и не распространилась повсюду.

Существенный прокол в доме Грейсонов. Это считалось недопустимым.

Он повернулся на каблуках своих узких ботинок из итальянской мягкой кожи и вышел из комнаты.

— Ты пил? — глубокий голос отца встретил его в коридоре.

Сын одарил Эдварда Грейсона ироническим взглядом. Они были одеты в похожие смокинги — тот же дизайнер, тот же размер.

— Честно, пап? Ну стал бы я пить в такой важный вечер, как этот? Это же посвящение младшего брата.

Губы отца изогнулись в полу улыбке, и он рассеянно провел обеими руками по седеющим волосам. Еще одна привычка, которую Фаррелл унаследовал от отца, они делали оба такой бессознательный жест, когда чувствовали неловкость.

— Я рассчитываю на то, что ты присмотришь за братом сегодня.

— Присмотрю.

— Я хотел именно этого. Он так доволен своим посвящением, поэтому надеюсь, все пройдет гладко. Ваша мама беспокоится, что его реакция на первую встречу непредсказуема.

Их мать всегда волновалась о чем-нибудь.

— А как насчет моей первой реакции? Была ли она непредсказуемой? — спросил Фаррелл.

Отец пристально посмотрел на него.

— Ты всегда непредсказуем.

Сын решил принять это как комплимент.

— Сделаю все, что смогу.

— Адам не может поставить в затруднительное положение себя или семью. — голос Изабеллы Грейсон врезался между отцом и сыном. Фаррелл смотрел, как мать подходит к ним, ее туфли на десятисантиметровых каблуках стучали по мраморному полу. Черные, как

смоль, волосы были свернуты в тугий виток на затылке. Губы ярко — малиновые, глаза накрашены безупречно. Она была одета в темно-голубое платье до пола и бриллианты сверкали на запястье, пальцах, шее и ушах.

Ее лицо не выражало никаких различимых эмоций. Возможно, это просто из-за ее холодного характера, а может просто из-за недавнего укола ботокса, гадал Фаррелл.

— Не поставит, — заверил он. — С Адамом все будет в порядке.

— Надеюсь, ты прав. — мать одарила его оценивающим взглядом, прежде чем спуститься по лестнице. Фаррелл наблюдал, как она спускается и что-то сжалось в его груди.

— Сын..., - позвал отец и его голос смягчил резкость фразы. — С тобой все в порядке?

Фаррелл моргнул, посмотрел на отца искоса.

— Конечно. Почему бы мне быть не в порядке?

Тень пробежала по сосредоточенному лицу отца.

— Ты был очень тих на этой неделе, что совершенно непохоже на тебя. Годовщина..., впрочем, она трудна для всех нас, конечно, но я знаю, что для тебя найти его вот так, должно быть...

— Я в порядке. — прервал Фаррелл, пряча свои нахлынувшие чувства, как только мог. Молчание было наилучшим. Всегда. Он чувствовал успокаивающий вес серебряной фляги в кармане. — Лучше пойдем. Мы же не хотим опоздать, не так ли?

Лицо Адама вытянулось, как только они вышли из лимузина.

— Это всего лишь ресторан. — сказал он вежливо.

— Да. — глаза отца засверкали при виде пятизвездочного ресторана, где их наряды не будут казаться совершенно не к месту. — Один из моих самых любимых, кстати.

— И что? Они резервируют комнату втайне для нас? Как на день рождения?

Фаррелл ухмыльнулся.

— Дождись, когда увидишь зверушек из воздушных шариков.

— Довольно разговоров. — слова матери прервали их. — Помолчите. Смотрите вперед. Осознайте, насколько вам повезло, что вам предоставили такую возможность в вашем возрасте и не опозорьте меня.

Адам замолчал и переглянулся с Фарреллом. И оба почти начали смеяться. Может, они и были непредсказуемы, а вот их мать — точно нет.

Они вошли в ресторан, практически пустой в полночь. Знакомые глаза хозяйки пробежались по их золотым гербам, прежде чем она кивнула.

— Сюда. — сказала она, указывая на лифт, который стоял открытым в конце короткого коридора. Они шли по двое, родители впереди, братья замыкали шествие.

Фаррелл ожидал чего — то совершенно иного от своей ночи посвящения — возможно, толстых стен, покрытых грибком и плесенью, освещаемых яркими факелами и ведущих в зал, похожий на пещеру с загадочными незнакомцами в длинных одеяниях с капюшонами. Запаха древних традиций и самой истории в затхлом воздухе.

Вместо этого он получил кое-что менее средневековое и более современное. Этот коридор напоминал ему суженную версию тоннелей города: лабиринт подземных тоннелей, соединяющий метро с магазинами и зданиями в деловом районе, чтобы люди, совершающие регулярные поездки, по возможности могли избежать слякоти и гололеда во время суровых зим в Торонто.

Но это был совсем другой тоннель. Эти коридоры были частной собственностью и

хорошо содержались. И только привилегированным людям доводилось увидеть их стены. Скорее всего, тоннель напоминал лабиринт из ходов, ведущих к многим разным местам — так во всяком случае он слышал. Впрочем, он лично использовал их только чтобы проходить от ресторана к внутреннему святилищу общества.

Поворот налево, поворот направо, налево, снова налево...и т. д. Фаррелл никогда не беспокоился, чтобы полностью выучить путь самому, потому что родители всегда сопровождали его.

— Как далеко нам еще идти? — спросил Адам.

— Не очень далеко. — ответил Фаррелл. Прямо впереди он мог видеть нескольких других членов общества, идущих в том же направлении. — Мы почти пришли.

Что было хорошо, так как неудобные узкие туфли буквально убивали его.

Наконец они подошли к спиральной лестнице, по которой все подымались медленно и осторожно. Лестница привела к железной двери, украшенной загадочными символами. Эдвард Грейсон постучал — три раза быстро и три раза медленно.

Минуту спустя дверь открылась, и они вошли в главное здание общества.

— Сначала мы были в модном ресторане, — Адам говорил так, чтобы его слышал только Фаррелл. — А сейчас что?

Разочарование и неуверенность вернулись в голос брата.

Фаррелл знал, что войти в огромный театр, одетым в официальный костюм, будто посещая последний мюзикл Бродвея, было не то, в чем Адам когда — либо участвовал.

— Просто дождись начала. — ответил Фаррелл еле слышно.

Почти двести других членов общества были уже здесь, занимая места в рядах поближе к сцене. Этот театр легко мог вместить шестьсот человек, но их лидер предпочитал сводить это число к минимуму.

Краем глаза Фаррелл заметил знакомое лицо. Лукас Баррингтон стоял впереди почти рядом с широкой сценой и помахал ему рукой, приглашая присоединиться.

— Дьявол, что ему нужно? — пробормотал он про себя.

Лукас был лучшим другом Коннора в течении многих лет, но Фарреллу он никогда не нравился, так как всегда выглядел слишком уж...блестящим. Слишком льстивым и вежливым, полным комплиментов, будто пытался что-то продать. Но Фаррелла не могло подкупить это подлизывание, поэтому он обычно старался избегать парня, как только мог, и в последнее время встречался с ним только на встречах, происходивших раз в три месяца. Но они не разговаривали друг с другом уже полгода.

— Я вернусь через минуту, — сказал Фаррелл Адаму. Затем, не дожидаясь ответа, пошел к Лукасу.

— Как дела? — спросил Лукас.

— Все в порядке.

— Надеюсь, это так.

— Почему бы со мной было что-то не то?

— Прошел уже год. Мне тоже его не хватает. Впрочем, нам всем.

У Фаррелла сжалось что-то в животе. Как бы он хотел найти способ отключить все свои эмоции, раз и навсегда.

— Действительно ли это было так давно? Время определенно летит. Ты позвал меня сюда, чтобы это сказать?

— Нет. Давай пройдем туда. Это более личное. — Лукас кивнул на другую сторону

сцены, где находилась маленькая ниша, отделявшая их от остальных.

Фаррелл пошел туда и стал, скрестив руки на груди.

— Итак, в чем дело?

— Скажу быстро кое — что приятное. — Лукас обвел взглядом театр, прежде чем его темные глаза встретились с глазами Фаррелла. — Ты был избран.

— Избран? Для чего?

— Во внутренний круг Маркуса.

Фаррелл медленно кивнул, но особо понимая:

— Который.....

— Тайный внутренний круг Маркуса. Он существовал всегда. В него избирались тщательно отобранные члены общества, чтобы помогать ему на более личном уровне. Это большая честь.

Фаррелл скрыл свой шок под ухмылкой.

— Хмм... Тайное общество внутри тайного общества. Оно также покрыто сверхсекретностью?

Лукас фыркнул.

— Маркус хочет встретиться с тобой лично, чтобы обсудить это детальней.

— Я так понимаю, ты тожеходишь в этот внутренний круг.

— Верно.

Сердце начало свой разбег от такой возможности. Очень немногие члены общества когда-либо встречались с Маркусом лично. Этот человек представлял собой сплошной знак вопроса.

— И почему я стал этим последним избранным?

— В частности он видит в тебе тот же потенциал, что видел и в Конноре.

— Подожди, ты утверждаешь, что Коннор... он что, тоже был в круге Маркуса?

— Был. — лицо Лукаса помрачнело и он покачал головой. — Я до сих пор не могу поверить, как так случилось. Я знаю, мы никогда раньше не говорили об этом, ты и я, но я предполагаю, сейчас такое же подходящее время, как и раньше. Ты что-то знал о его проблемах?

— Я знаю наверняка только то, что он стал вести себя по — другому после того, как Малори рассталась с ним.

— Он тяжело переживал ее уход.

— Это еще мягко сказано. — прозвучал краткий ответ Фаррелла. Правда была в том, что он слышал, как Коннор по телефону угрожал своей девушке, с которой провстречался четыре года и говорил ей, что если она не изменит свое решение и не вернется к нему, то он найдет ее, причинит боль. Заставит пожалеть о своем выборе.

Его голос...он был таким холодным, мрачным и одержимым, что у Фаррелла отхлынула кровь.

Это было не похоже на Коннора. Последние пару месяцев его жизни брат начал отдаляться от Фаррелла и Адама. Он стал вести себя так, словно у него был секрет, который он оберегал любой ценой...

Состояла ли эта тайна в том, что Коннор стал частью внутреннего круга Маркуса?

— Когда Маркус хочет встретиться со мной? — спросил Фаррелл.

— Скоро. Я дам тебе знать.

Фаррелл еле слышно выдохнул.

— Надеюсь, я буду в зоне досягаемости в ближайшее время.

Лукас ухмыльнулся на дерзкий комментарий Фаррелла.

— Даже ты прыгнешь, если он так скажет. И я надеюсь, нет нужды предупреждать тебя о том, что ты никому не должен говорить об этом.

Фаррелл провел взглядом по публике общества — некоторые из них являлись самыми богатыми и влиятельными людьми города — все располагались удобно в роскошных креслах из красного бархата и вежливо разговаривали друг с другом, как они делали в начале каждого собрания. У каждого был тот же золотой герб, указывающий, что они принадлежали к этому обществу. Что они также были избраны.

«Сколько из них входит в тайный круг Маркуса?» — удивился Фаррелл.

— Я промолчу. — пообещал он вслух.

Голова шла кругом, и он вернулся на свое место.

— О чем вы говорили? — спросила мать.

Фаррелл махнул рукой.

— Ой, ты же знаешь Лукаса и его проблемы с девушками. Я сказал ему, что он слишком молод для «Виагры». Надеюсь, он прислушался.

— Мы пропустим твою сомнительную попытку пошутить. — ее красные губы сжались. — Говоря о девушках, у одной моей подруги есть дочь и я хочу, чтобы ты встретился с ней.

— Точно, — поднял он бровь, — оказывается, моя мама — сваха.

— Фелисити Ситон — красивая и уравновешенная девушка, ходит в прекрасную школу и родом из образцовой семьи.

— На слух она так ослепительна, что мне потребуются солнечные очки, чтобы встречаться с ней.

— Я устроила ужин для вас в семь часов во вторник вечером в «Scramouche».

Прежде чем он смог опротестовать, огни начали тускнеть и театр погрузился в тишину. Проектор осветил шторы из парчи, они начали расходиться, открывая фигуру человека. Как и все мужчины здесь, он был одет в строгий смокинг, идеально подчеркивающий его высокую фигуру.

— Это кто? — прошептал Адам Фарреллу.

— Наш известный лидер, Маркус Кинг. — прошептал тот в ответ.

Глаза Адама расширились.

— Серьезно? Это он?

— У- гу.

Маркус Кинг являлся лидером и соучредителем общества Хокспиэ, организации, существовавшей более 60 лет. Человек, который оставался вне зрения публики и который лелеял свою абсолютную приватность, доверяя весьма немногим.

Те, кто видел его в первый раз, всегда реагировали одинаково: неверие сменялось полным благоговением. У Фаррелла тоже были свои ожидания, как у юного посвященного. Он представлял себе мудрого, старого человека, который следил за обществом и его членами зоркими глазами и без чувства юмора.

Или, возможно, дряхлого, старого мужчину, который бормотал что-то сам себе и которого никто не хотел расстраивать, прося уступить свое место власти после шести десятков лет, чтобы освободить дорогу новому, более молодому лидеру.

Фаррелл быстро узнал, что Маркус Кинг совсем не соответствовал наивным ожиданиям

шестнадцатилетнего ума.

Сегодня ночью он рассматривал загадочного лидера с любопытством, думая о том, что повлечет за собой их встреча лицом к лицу.

— Сколько ему лет? — спросил Адам очень тихо.

— Никто не знает наверняка.

Марукс приобрел этот театр вскоре после приезда в Торонто. В 1950 — х годах он закрыл его, предпочитая не открывать для общей публики. Для любого прохожего на улице театр кажется не более чем печальным старым зданием. Это была одна из причин, почему они шли сюда через тоннели. Заметь кто-то, что двести мужчин и женщин в смокингах и вечерних платьях заходят в заброшенный театр раз в три месяца в полночь, возникло бы несколько вопросов, на которые было бы трудно ответить.

— Приветствую Вас, братья и сестры. — начал Маркус. Акустики театра делали его голос еще более величественным. — Приветствую вас, всех и каждого, с распростертыми объятиями. Спасибо, что пришли сегодня сюда. Без вас я бы не смог поделиться своим знанием и моими удивительными дарами. Без вас нет прошлого и нет будущего. Без вас я бы потерялся в море врагов. Вместе мы сильны. Вместе мы можем изменить этот мир сегодня, завтра и всегда.

Это был девиз общества, который каждый повторил в унисон «Сегодня, завтра и всегда.»

На всех встречах, которые он посетил, Фаррелл никогда не уделял такого внимания стандартному приветствию, как сейчас. Этот могущественный человек избрал Фаррелла в свой тайный круг, также как он выбрал Коннора. Перед своим самоубийством Коннор держал это в секрете, даже от своего брата, с которым делился всем. Что это значило?

— Весна манит в этом великолепном городе, время года, обещающее новое свежее начало. — продолжал Маркус. — Мы начнем сегодня как всегда с доклада о наших планах на следующие несколько месяцев.

Он вызвал на сцену несколько человек для доклада, включая Глорию Сент — Пьер, женщину, на которой бриллианты практически звенели при каждом шаге. Она говорила о предстоящем благотворительном бале, который посетят все члены общества, и просила их приглашать друзей, покупать дорогие билеты, доходы от которых пойдут на гранты для художников, старающихся изо всех сил.

Фаррелл обычно отключался на первые полчаса таких встреч, но сегодня он пытался — именно пытался — оставаться мысленно здесь и быть внимательным.

Как только закончила Глория, Бернард Силвер, владелец популярной сети местных кофе — магазинов, рассказал о своей встрече с мэром Торонто. Бернард пытался склонить его к политике, охватывающей спонсирование нескольких приютов для бездомных, и он был горд сказать, что преуспел в этом.

— Благотворительность и политика? — спросил Адам еле слышно. — И это все, о чем тут говорят?

— Это большая часть, но это не все. Просто подожди. Скучная часть практически закончилась.

Было правило, согласно которому новым членам не должны рассказывать о внутреннем распорядке собрания до их первого визита. Фаррелл не был фанатом правил, но знал, какие не следует нарушать.

Он ценил свое членство в этом обществе больше, чем многие свои владения. И знал, что

Адам делает так же.

Когда Бернард закончил говорить, Маркус вновь занял место в центре.

— Среди нас есть человек, присоединяющийся к нам сегодня, — сказал он. — Адам Грейсон, встань, пожалуйста.

Нервно взглянув на брата и получив ободряющий кивок от Фаррелла, Адам поднялся на ноги. Проектор осветил его лицо, и он прищурился от света. Сидящие за Фарреллом начали одобрительно переговариваться о привлекательном младшем сыне Грейсонов.

— Присоединяйся ко мне на сцене, Адам. — сказал Маркус, кивая рукой.

Все замолчали, за исключением сердца Фаррелла, которое громко стучало в груди и отдавало в ушах, пока он наблюдал, как его брат двигается к сцене, подымается на шесть ступеней и проходит по ней, занимая свое место за лидером общества.

Настоящая встреча только начиналась.

— Добро пожаловать, Адам, — сказал Маркус, затем сделал драматическую паузу, — в общество Хокспиэ.

— Спасибо, сэр. — голос Адама звучал ровно.

Фаррелл почувствовал прилив гордости, что помогло отразить шепоток неловкости, сковавшей его внутри.

— Тебе рассказали что-нибудь о том, чем мы здесь занимаемся? — спросил Маркус.

— Нет, сэр. Ничего.

— Но тебе известно, что это организация должна оставаться скрытой в основном от остального мира.

— Да, сэр.

— Эти люди, — Маркус развел руки, указывая на сидящих, — важны для миссии всей моей жизни. Они видят истину, которую мое существование открывает их глазам и знают, насколько это важно, что это ключевой дар, который я могу дать этому миру.

Адам не ответил сразу. Это было, в конце концов, довольно загадочное утверждение.

Момент спустя он нашелся с ответом:

— Это то, что вы делаете, сэр?

— Моя цель, моя миссия, Адам...помочь защищать этот мир от зла — настоящего зла — которое нанесет непоправимый вред без моего вмешательства. Искоренение зла помогает пролить свет на то, что является добром на самом деле. Ты уже слышал много разговоров об этом сегодня: благотворительные балы, целевая политика, построение и укрепление крепких отношений. Мы стоим вместе и по отдельности, делая то, что в наших силах, чтобы сделать этот город лучше, а также работаем для защиты мира в целом. И то, что мы делаем здесь сейчас, на этих встречах, важно, ибо нам необходимо быть как один ум, одно сердце. Одна цель.

Он замолчал, будто оставляя место для вопроса. Если бы Фаррелл не был знаком с тем, как говорит Маркус, скорее всего он бы рассмеялся от таких претенциозных речей, не отвечавших ни на один вопрос в достаточной мере.

Возможно, Маркус был политиком в предыдущей жизни.

Адам нахмурил брови.

— Как именно вы защищаете мир от зла, сэр?

Маркус кивнул, как бы признавая, что прозвучал хороший вопрос.

— Я впервые прибыл в этот город 60 лет назад и встретил человека, ставшего мне другом, когда я был одинок, не имел никого рядом. К тому времени, как я встретил его, он

практически начал брать на себя непреодолимую задачу защищать этот город. Вместе мы основали общество Хокспиэ. Символом стал ястреб, потому что он наблюдает за всем сверху. Он видит все — ничего не ускользает от его внимания. И копье — оружие, которое для нас символизирует оборону и защиту. Мы — общество, посвященное правде и справедливости.

Адам взглянул неуверенно на Фаррелла, который кивнул, пытаясь добавить силы брату. «Ты можешь справиться с этим, младший брат. Не нервничай».

— Смотри, — сказал Маркус. — Наблюдай. А затем решай, готов ли ты стать частью моей миссии отныне и навсегда.

Два помощника Маркуса — возможно, они также были частью его тайного круга, подумал Фаррелл — ввели связанного, с кляпом во рту и повязкой на глазах человека на середину сцены. Черные волосы седели у висков, и он был одет в грязную футболку. На его лице была недельная щетина. Один из помощников снял повязку и вытащил кляп. Темные, сверкающие глаза мужчины пробежались взглядом по молчаливой аудитории со смесью отваги и смятения.

— Где я, черт побери? — потребовал он, шурясь от яркого света.

— Сегодня ночью, — сказал Маркус, медленно обходя его вокруг, — сорока — восьмилетний Джон Мартино предстает перед нами. Человек, который находился в тюрьме и за ее пределами с восемнадцати лет.

— Значит, вы знаете, кто я. — Джон смотрел на Маркуса надменно, затем посмотрел на двух мужчин, стоявших по обе стороны как молчаливые часовые. Он повернулся к Маркусу.

— Кто вы?

Маркус проигнорировал его, удерживая свой взгляд на аудитории.

— Джон — представитель весьма доходной индустрии — нелегальная торговля наркотиками. На него работают двадцать дилеров. Он предоставляет им продукт, который они толкают на улицах наркоманам и другим жертвам, злоупотребляющим подобными веществами. Одна из его недавних партий экстази была смешана с мышьяком....

— Я не имею ничего общего с этим! — запротестовал Джон.

— ...что привело к смерти шести человек, включая дочь одного из наших верных участников. После расследования, проведенного скорбящим отцом, ее одержимость наркотиками вывела на вас, мистер Мартино. Мои верные коллеги попросили, чтобы вы ответили за свои преступления здесь сегодня ночью, чтобы вы больше не навредили никому в будущем. Вы отрекаетесь от всех своих деяний? Вы осознаете свою вину и принимаете наказание? Только тогда вы сможете очиститься от зла, заражающего вашу бессмертную душу.

— Кто вы? — выражение лица Джона стало еще более настороженным. — Вы не полиция. А это не зал суда.

— У девушки, которая умерла — девушки, которую ты убил — было блестящее будущее. Она хотела стать врачом, возможно однажды она изменила бы этот мир. Ей было всего лишь пятнадцать.

— Да именно она глотнула таблетку. Она сделала свой выбор.

— А вы сделали свой — снова и снова. — Маркус остановился, а потом повернулся, обращаясь к членам общества. — Как много смертей на совести этого монстра? Десятки? Сотни? Тысячи? И сколько еще их будет, если мы отпустим его, и он не ответит за свои преступления?

— А ты дай мне шанс, — огрызнулся Джон. — Ты, сукин сын, следующий.

— Выносите ваше решение. — велел Маркус. Молчание повисло в театре.

Минуту спустя, мужчина в переднем ряду поднялся со своего места.

— Виновен. — сказал он.

Медленно остальные вставали и повторяли одно слово. Еще минуту спустя больше людей поднялось, включая Фаррелла и его родителей, их голоса слились в унисон.

— Виновен.

Маркус взглянул на Адама, который наблюдал за всем широко раскрытыми глазами.

— А ты, Адам? Каков твой вердикт?

Адам посмотрел на Джона, внимательно и изучающее смотрел на него долгую минуту. Джон уставился в ответ, как будто пытаясь запугать парнишку. Затем Джон откинул голову назад и рассмеялся, резкий звук прорезал тишину зала.

— Ты всего лишь ребенок еще, не так ли? Что, твоей няньки нет сегодня?

Глаза Адама сузились.

— Виновен. — сказал он.

— Отлично! — Джон все еще смеялся. — Виновен, виновен, виновен. Как насчет того, что я приведу своего адвоката и подам на все ваши задницы в суд за мое похищение?

Маркус рассматривал аудиторию.

— Как я могу защитить мир от темноты, которую этот убийца несет с собой повсюду, куда идет? Вреда, который он распространяет с каждым сделанным эгоистичным выбором? Как Джон Мартино будет наказан сегодня ночью?

— Смерть. — сказала аудитория в унисон. Фаррелл чувствовал, как это слово срывается с его губ так же, как и на каждой предыдущей встрече.

Человек, стоящий перед ними был олицетворением зла. Приговор был вынесен обществом Хокспиэ.

И приговор был окончательным.

— Что? О чем вы говорите? — Джон теперь сопротивлялся, пока парни крепко удерживали его на месте. — Отпустите меня!

Маркус медленно подошел к нему, потянулся к пиджаку и вытащил золотой кинжал.

— Я освобождаю тебя от боли жизни, — поучительно произнес Маркус. — Я освобождаю тебя от жизни в темноте. Теперь ты можешь отдохнуть. Ты больше никогда никому не навредишь.

— Подождите, что это? Вы не можете...!

Маркус вонзил кинжал в грудь мужчины. Джон открыл рот от боли и шока, затем вскрикнул, когда Маркус провернул рукоять.

— Кровь за кровь, смерть за смерть. — сказал Маркус, вытаскивая кинжал из тела.

— Кровь за кровь, смерть за смерть. — повторило общество.

Джон опустился на колени, уставившись на Маркуса. На мгновение это выглядело, будто раненый крестьянин опустился на колени перед королем-завоевателем, прося о милости.

Затем он упал на бок, кровь под ним растекалась мелкой темно-красной лужицей.

Фаррелл почувствовал снова то же сильное чувство мощи, которое переполняло его четыре раза в году после каждой казни.

Магия — магия Маркуса — усиливалась от пролитой крови. Она заполняла пространство как еле слышный треск электричества, от чего пробежали мурашки по рукам и

на затылке Фаррелла подымались волосы. Она несла с собой ощущение безмятежности, правильности. Силы.

— Выполнено. — сказал Маркус серьезно. Он вытащил носовой платок из кармана и вытер кровь с клинка.

Взгляд Фаррелла был направлен на Адама, чтобы видеть его реакцию на то, что тот стал свидетелем публичной казни без предупреждения. По лицу брата невозможно было ничего прочесть, но он стоял твердо, кулаки сжаты по бокам, его внимание приковано к мертвому телу.

— Адам Грейсон — сказал Маркус торжественно. — Примешь ли ты приглашение присоединиться к моему обществу как официальный участник и в этом качестве согласен ли ты отдать свое сердце, тело и разум моей миссии, чтобы защитить этот мир от зла? Сохранишь ли ты наши секреты и сделаешь ли все, что можешь, служа обществу Хокспиэ? Примешь ли ты, что жертвы, приносимые здесь, являются символами нашей концентрации на большее добро этого города, этой страны и этого мира?

Адам колебался всего мгновение. Затем он поднял подбородок и, даже не взглянув в направлении Фаррелла для одобрения, произнес слова, которые решили его судьбу.

— Да, принимаю. — голос был сильным и полным решимости.

Фаррелл выдохнул с облегчением, так как он даже не осознавал, что затаил дыхание. Это был правильный ответ, конечно. Единственный ответ.

— Сними пиджак и откати рукав на левой руке. — велел Маркус.

Адам в замешательстве нахмурил лоб, но сделал, как ему было сказано, опустив пиджак смокинга на пол. Он расстегнул пуговицу на левом запястье и откатил хрустящий белый рукав до локтя.

Маркус взял Адама за запястье и без предупреждения поднес острое золотого кинжала к коже и нажал.

Адам инстинктивно сделал вдох, но не дернулся и не протестовал.

— Знак, который я даю сейчас, — сказал Маркус, — связывает тебя с моим обществом. Он также освободит тебя от любых человеческих хворей, к которым ранее ты был восприимчив. Ни болезней, ни заболеваний все время, которое ты остаешься одним из наших членов. Это мой дар тебе. — он продолжал водить по руке Адама по определенному образцу — круг, или это был треугольник? Фаррелл близко рассматривал, когда тот вырезался на его собственной руке три года назад, но не мог четко сказать, что это был за символ. Память всплывала лишь неясным пятном.

Яркая красная кровь капала на пол сцены. С каждой каплей заряд магии, пульсировавший через собравшихся участников, усиливался. Даже воздух, казалось, мерцал от нее.

Когда все закончилось, Маркус прижал свою руку к ране. Белый свет начал светиться из его ладони, и когда Маркус отошел от Адама, рана практически зажила. Не осталось даже шрама.

— Итак, — сказал Маркус, — теперь ты один из нас.

Адам смотрел на свою руку с изумлением.

— Спасибо.

И снова Фаррелл в своих воспоминаниях вернулся в ночь своего посвящения. Его страх, его тревога. Его сомнения. Тогда он стоял перед всеми, перед Коннором, сидевшим среди публики, наблюдавшим и беспокоящимся, так же, как Фаррелл сейчас переживал за Адама.

Он видел непреклонное лицо брата, созерцавшего казнь всего в нескольких шагах. Его младший брат знал, что сейчас он взял серьезное обязательство перед обществом, посвятившему себя спасению мира от зла. То, что они делают здесь, важно. Необходимо.

Фаррелл уже видел, что скрывается за первой занавесой.

Теперь он был избран увидеть, что скрывается за второй.

Мэддокс

«Я знаю одно. Ты сможешь мне вернуться домой».

Сразу после того, как внезапно появившаяся девушка — дух сказала это, она растворилась в легком ветерке, оставив Мэддокса озираться по сторонам. В замешательстве от всего увиденного и услышанного, он так и стоял в оцепенении, пока Ливиус не рывкнул, что пора покидать поместье лорда Джиллиса.

Облегчение принесла только мысль, что странно одетая девушка была всего лишь плодом его воображения.

Совершенно возможно, что такое видение вызвано тем, что в последнее время Мэддокс не досыпал. Ему практически начали сниться кошмары. Всегда один и тот же — ужасающий опыт первой встречи с духом.

«Призрачное существо двигалось к нему в темноте ночи... и чем ближе оно подходило, тем больше сердце замирало от страха. Мэддокс натягивал одеяло до самого носа, и с ужасом смотрел на то, что так медленно приближалось к нему, освещаемое лишь мерцающей свечой, одиноко стоящей на прикроватном столике.

Черные глаза были такие темные и бездонные, что определенно могли поглотить его душу.

— Помоги мне. — хрипло простонало ужасающее создание.

Мэддокс закричал, он кричал до тех пор, пока дух не улетел от него, но все же успел заметить, что это внезапно появившееся призрачное очертание отображало боль и страдание. Мэддокс продолжал кричать, и дух скрылся в тени. Мама подошла к нему минутой спустя, обняла его маленькое тельце и держала крепко в объятиях, пока, успокаиваясь, он не перестал плакать.

«Ты сильнее, чем любое создание темноты, мой милый мальчик. — шептала она. — Эти обеспокоенные духи..., их просто привлекает твоя магия, как бабочек на яркое пламя ночного костра. Но они никогда не навредят тебе. — нежно поцеловав напуганного Мэддокса, тихо добавила. — Я обещаю, никогда, слышишь, никогда.»

Он не был уверен, что это правда, но ее обещание и тихий уверенный голос помогали оставаться храбрым.

И уже в неполных двенадцать, Мэддокс узнал, что обладает способностью ловить темные создания, приходившие в ночи, в серебряные шкатулки, которые потом он закапывал глубоко в землю.

— Почему я могу делать это, мама? — спросил он однажды вечером, когда она готовила картошку и рагу из фазана. Фазана принес человек, в которого, как утверждала мать, была влюблена. Сам Ливиус внешне был очень привлекательным и казался полон обаяния, ума и доброты. Этих качеств вполне было достаточно для его матери, красавицы Дамарис Корсо, чтобы пустить его в дом и постель.

— Я не знаю. — постоянно и как-то не совсем уверенно отвечала она, когда бы он ни спросил об этом, неуловимым чутьем он ощущал недоговоренность и еле уловимую фальшь. Ведь сын тонко чувствовал, что она знает что-то, но уворачивается, ловко и постоянно избегает разговоров, отвечая:

— Ты должен хранить свою магию в секрете. Другие люди не поймут, они — не я.

Тем не менее, именно Дамарис сама год спустя рассказала Ливиусу о способностях сына. Позже Ливиус показал свое настоящее лицо, которое выражало лишь жадность и лживость. Он был элементарным приспособленцем, жуликом, скрывающимся в их деревне, чтобы избежать ростовщиков, которым был должен. И вдруг удача пришла сама, он сразу решил, что наконец — то повезло, как только узнал секрет Мэддокса. В его голове быстро созрел план, как и что он будет делать дальше. Теперь никто не остановит его.

Со временем Ливиус обнаружил, что настоящие призраки встречаются редко, а вот знатные и богатые люди, верящие в то, что их поместья осаждаются призраками, — довольно часто, он начал полагаться на способность Мэддокса извлекать тени, чтобы провести клиентов, которые становились легковерными от страха. И это был хороший трюк: никто не сомневался в способностях Мэддокса как покорителя темных духов.

На следующий день после отъезда из поместья Джиллиса, Ливиус взял Мэддокса на местный праздник. Людей было так много, что невозможно было даже сосчитать, казалось, все жители, которые жили в радиусе двадцати миль, собрались здесь отпраздновать пятнадцатилетие правления богини на землях Северной Митики.

Мэддокс был всего лишь младенцем, когда два лучезарных и могущественных создания впервые пришли в Митику, но он слышал все истории о них. Он прожил всю свою жизнь под правлением Валории.

Но появились и те, кто не хотел поклоняться ни одной из них. Горстка мятежников образовалась лет десять назад, и была легко разбита богинями и их армиями.

В Центральной Митике располагалась большая территория незаселенной земли, считавшейся нейтральной. Те, кто выбирали жизнь там, жили в изгнании, без защиты и покровительства могущественных правителей севера и востока. Центральная Митика была дикой и незаконной страной, которую Мэддоксу не хотелось бы посетить.

Полная женщина, украшенная цветами, вплетенными в ее волосы и прикрепленных к платью, счастливо поприветствовала Мэддокса и Ливиуса, как только они вошли на переполненный праздник.

— Добро пожаловать на празднование Ее Сиятельства, Богини Земли и Воды! — Она одела им на шею ожерелья из маргариток. — В голубом шатре есть сидр, а в красном у нас жареные каштаны, запеченное мясо козы, печеный инжир, жареные рыбы хвосты — так много еды! Пусть ваш день будет полон чудес!

— Спасибо, — ответил Мэддокс, удивленный количеством цветных палаток, вкусным запахом свежего запеченного мяса и только что собранных фруктов, и сотнями людей, наслаждающимися солнечным светом дня. Развивались десятки знамен, украшенные изображением богини и символами ее элементов — волнистые линии для воды и круг в круге для земли.

— Господа хорошие, — другой человек подошел к ним с улыбкой до ушей, — позвольте мне показать мой особый товар.

Он держал глиняный горшок, наполненный коричневой субстанцией, от запаха которой Мэддокс сморщил нос.

— Это удобрение от моей любимой коровы, которую я считаю коровой-ведьмой, способной заклинать землю на созидание. Купите это у меня сегодня, и я гарантирую, что ваши зерна вырастут лучше, чем...

— Сгинь с глаз моих, — проворчал Ливиус, отталкивая его с дороги. — Пошли,

Мэддокс. У нас нет времени на подобную чепуху.

— Он утверждает, что его корова — ведьма.

— Он — идиот. К тому же, мы здесь не для того, чтобы приятно прогуливаться среди палаток торговцев. Мы здесь по делу.

Мэддокс замедлил шаг, когда они шли к маленькой желтой палатке, мимо троих жонглеров в ярких одеждах и маленького загона для свиней и цыплят. Да он бы лучше смотрел на волшебный навоз целый день, чем помогал Ливиусу в его делах.

— Должен ли я идти с тобой? — спросил он.

— Да. — прошипел Ливиус. — Перестань задавать глупые вопросы.

Были и другие вопросы, которые Мэддокс хотел бы задать. Например, почему я должен встречаться с человеком, которому ты должен деньги? Ты что думаешь, я смогу защитить тебя с помощью своей магии?

Если бы он мог найти способ как контролировать и использовать свою магию, однозначно, он бы не использовал ее для защиты Ливиуса.

Парень бросил другой тоскливый взгляд на жонглеров, смеющихся и выступающих перед оживленной аудиторией. Казалось, было весело и выступающим, и зрителям.

Ливиус глубоко вдохнул, прежде чем откинул полог палатки и вошел в нее. Мэддокс с неохотой последовал за ним внутрь в темноту.

Два больших телохранителя с угрожающим видом стояли у входа как два уродливых деревянных ствола, их толстые руки были скрещены на широкой груди. Еще один мужчина сидел за деревянным столом, с ним была полногрудая молодая блондинка, подававшая еду и питье.

— Ливиус! — мужчина почмокал губами после поедания сочного ребрышка из какого — то незнакомого животного — вероятно из загона печальных на вид свиней, мимо которых они проходили — и вытер жирные пальцы об свободные шелковые края своей рубашки. — Как долго мы не виделись!

— Кена. — в голосе Ливиуса не было ни опасения, ни страха, только уверенность — даже если она была фальшивая. — Да, слишком долго.

Кена откинулся на спинку стула. Его густые брови сошлись на переносице, напоминая жирную гусеницу, поцепившуюся ему на лицо.

— Какое — то время я думал, ты мертв. Иначе я бы отправил своих людей даже в преисподнюю, чтобы притащить твой зад сюда обратно.

Ливиус рассмеялся, как будто это была самая смешная вещь, которую он слышал когда-либо в жизни. Его пальцы подергивались, когда он пальцами погладил повязку на глазу.

— Нет нужды предпринимать такое путешествие.

— А кто это? — Кена указал на Мэддокса.

— Это, — Ливиус достаточно сильно сжал плечо Мэддокса, чтобы заставить его поморщиться. — мой сын, Мэддокс.

Мэддоксу пришлось прикусить язык, чтобы не поспорить с таким представлением. Кена поджал губы.

— Твой сын совсем не похож на тебя.

— Он похож на свою мать. Но мозги мои.

Ливиус полез в свою сумку и вытащил оттуда тяжелый мешочек с монетами, который он положил рядом с тарелкой Кены.

— Это часть того, что я должен тебе.

Кена взглянул на мешочек.

— Когда я получу остальное?

— Скоро.

— Как скоро?

Челюсть Ливиуса напряглась.

— Очень скоро.

— Я почти забыл, как ты любишь давать туманные ответы, зная, что меня удовлетворят конкретные.

Кена одарил его хищной улыбкой. Между двумя его желтоватыми зубами застрял кусочек мяса. Он взглянул снова на Мэддокса.

— Ты тот, о котором я слышал, не так ли?

Мэддокс не любил так много внимания.

— Вы слышали обо мне?

— Парнишка — колдун, говорящий с мертвыми.

С секретами всегда были проблемы. Как только они начинали распространяться, то переставали быть секретами вовсе.

— Это все трюк. — сказал Ливиус быстро. — У парня не больше таланта, чем помочь своему старику заработать достаточно монет, чтобы расплатиться с тобой.

— Трюк, значит? Из того, что я слышал, довольно успешный. — Кена задержал свое внимание на Мэддоксе, отчего тот чувствовал себя крайне неудобно. Не в его интересах было, чтобы этот человек знал правду. Резкий вздох привлек внимание Мэддокса к правой стороне палатки. Желудок свело, когда он увидел, что снова появилась девушка — дух.

— Снова ты! — произнесла она. Ее взгляд быстро пробежался по палатке. — На мгновение я подумала, что вернусь домой, но я снова здесь. И снова попытки выбраться из этого странного места привели меня напрямиком к тебе.

— Ливиус, твой сын внезапно стал нездорово выглядеть. — заметил Кена.

Лицо Ливиуса стало напряженным.

— Он — болезненный малый. Бывают дни, я удивляюсь, как долго еще ему суждено прожить.

Ложь так быстро вылетела изо рта Ливиуса, что Мэддокс удивлялся, насколько это могло быть правдой. Что-то за этими словами звучало как угроза.

— Иди, парень. — Кена тыкнул в него пальцем. — Иди наружу, погрейся на солнце и подыши воздухом. Дай мне немного поговорить с твоим отцом наедине.

Мэддоксу не нужно было говорить дважды. Он чувствовал на себе взгляд Ливиуса, когда выходил из палатки без единого слова. Он отошел на пятьдесят шагов, удаляясь на территорию праздника, прежде чем остановился и медленно обернулся. Девушка — дух — Бэッカ Хэтчер, как она назвала себя — стояла прямо за ним. Она выглядела также, как и за день до этого, в своей странной шерстяной тунике и брюках, так непохожая на других девушек ее возраста, присутствовавших на празднике.

Сколько ей было лет, когда она умерла? Его возраста или немного моложе? Все, в чем он был точно уверен, так это что она — самая красивая девушкой, которую он когда — либо видел в своей жизни. Он моргнул удивленно от такой мысли. «Нет. Духи не красивы. Они темные и злые.»

— Ты собираешься говорить со мной, или как? — ее темно-синие глаза сверкали от нетерпения. — Из-за тебя я чувствую себя, словно я сумасшедшая.

Скорее, они вдвоем сошли с ума.

— Где я? — спросила она, поглядывая на праздник в разгаре. — Все так странно.

Он понимал большинство ее слов, но некоторые из них казались необычными и чужими для него, так же как и ее одежда.

— Ты должна оставить меня в покое, Бэッカ Хэтчер.

На этот раз она улыбнулась ему, и от ее сияющей улыбки внутри у него все потеплело. Определенно она не выглядела как те тенистые создания, с которыми он сталкивался прежде.

— Можно просто Бэッカ. И спасибо тебе.

«Ливиус не позволяет мне разговаривать с девушками», — успокоил он самого себя. — «Именно поэтому я так отвлекаюсь на эту. Нет, это не девушка. Дух. Темный и злой, помнишь?» Теперь он почувствовал раздражение.

— За что спасибо? — спросил он, крепко скрестив руки на груди.

— За признание того, что я существую.

Он смотрел на людей, кружащих за ним, с беспокойством.

— Я ничего не признавал.

— Если ты так говоришь. Кто ты? Как тебя зовут?

— Ничего тебе не скажу. — ответил он резко. Он должен взять ситуацию под свой контроль. Он не был беззащитен перед подобными созданиями. Ей бы лучше осторожней испытывать его терпение.

— Тебе нужно уйти. Сейчас.

— Идти куда?

— Обратно, откуда ты пришла.

— Это именно то, что я хотела бы сделать, но не имею ни малейшего понятия как. Это... — она судорожно выдохнула. — Так тяжело объяснить. Все, что я знаю, это что я была в магазине с Крис и эта книга... Клянусь, это все случилось из-за той книги!

— Какой книги? — он не хотел спрашивать, но не смог удержаться.

— Книга. — она бурно размахивала руками, будто это могло помочь. — Она была написана на каком — то странном языке, который я прежде никогда не видела. А потом я почувствовала, как что-то схватило и держало меня, и в следующий момент — я здесь. Или... Я была рядом с тем огромным домом. Когда я зашла внутрь, то увидела тебя. А ты увидел меня. — она нахмурилась. — Ей, ты слушаешь меня?

Она говорила так быстро, что все, что он успевал делать, это кивать головой и пытаться понять, о чем идет речь. На ней было ожерелье — серебряная роза свисала на тонкой серебряной цепочке — с которым она играла, вращая между указательным пальцем и большим. Ее ногти были окрашены в ярко-розовый оттенок, сочетаясь с цветом вязаной туники. Когда он понял, что уставился на них, то его взгляд вернулся к ее лицу.

— Я слушаю.

Она изучала его минуту.

— Ты все еще не назвал мне свое имя.

— Мэддокс. — он мысленно застонал от такой ошибки. Он не собирался называть ей свое настоящее имя.

— Мэддокс — повторила она. Он испытывал странное чувство удовлетворения, слушая, как она произносит его имя и это еще больше раздосадовало его.

— Мэддокс, скажи мне, где я. — попросила она.

— Может быть, тебе трудно понять, но ты — дух. Как — то ты сумела избежать места, куда вы попадаете после смерти, и вернулась к мертвым...тут ты как-то сумела принять свой земной облик. Это такая редкость. — фактически, его впервые навещал такой дух.

Человек, проходивший мимо Мэддокса, одарил его таким странным взглядом, что тот невольно поежился. Было бы лучше, если бы никто не слышал их — иначе, будет казаться, что он разговаривает с воздухом.

Она нахмурилась:

— Ты пытаешься сказать мне, что я призрак. Что я мертва.

— Прости, если это шокирует тебя, но...да.

— Я не мертва, — сказала она, вздергивая подбородок. — Если бы я была мертва, я бы знала.

— Знала? — он решил быть смелым и провел рукой сквозь нее.

Она уставилась на себя с неверием, когда ее тело моментально превратилось в дымку, как только Мэддокс прикоснулся.

— Это кажется тебе нормальным?

Теперь она выглядела плохо.

— Нет, ни в малейшей степени.

— Тогда я доказал свою правоту.

Медленно она глубоко вдохнула и на ее лице застыло выражение решимости.

— Ладно, прежде чем я полностью выйду из себя, мне нужно кое-что прояснить для тебя. Я не знаю, что происходит, но я знаю, что не мертва. Я не призрак. Я была...перенесена. Магией...или чем — то еще. Очевидно, я не понимаю точно, что произошло. Но тот факт, что ты видишь меня, факт, что я снова нашла тебя среди всех этих людей, заставляет меня поверить, ты — тот человек, который может мне помочь.

«Помочь ей?» Да он не мог помочь даже самому себе.

— Уверяю тебя, я не могу помочь тебе.

— Можешь. — Бэッカ приблизилась к нему, но ее рука прошла сквозь его руку. Она сжала руку в кулак, на лице отразилась боль.

— Если бы ты только попробовал!

— Послушай меня, хорошо? Мне не нужны проблемы. У меня их и так хватает.

Но если так, то почему внутренний голос подсказывает, что он хочет помочь ей? Она должно быть так напугана, но хорошо скрывала это. Храбрая девушка.

Нет, не девушка. Дух.

Мэддокс выдохнул устало. Она также была девушкой.

И эта девушка просила его о помощи.

Наконец он снова тоскливо вздохнул.

— Как попробовать? Я не знаю, что ты думаешь, я могу сделать для тебя.

— До того как я встретила тебя, я чувствовала...невесомость. Была ужасающая пустота. Но когда я где-то рядом с тобой, я что-то чувствую. Это то же ощущение дрожи, когда я прикоснулась к книге. Что-то.....я не знаю. Магическое? — она пыталась встретиться с его взглядом, но он отводил глаза. — Та книга является причиной, почему я здесь — я знаю это.

Она посмотрела на себя, затем взглянула на него обиженно.

— Это серьезно выводит меня из себя.

На его лице отразилась гримаса.

— Я точно не знаю, что это значит, но не делай этого.

— Пожалуйста, — попросила она теперь дрожащим голосом, — пожалуйста, помоги мне.

«А, проклятие» — выругался он про себя. Он хотел помочь, если бы мог.

Внезапно он вспомнил о том первом призраке, с которым он встретился, страшном, темном создании, тянущемся к нему ночью.

Что бы случилось, если бы он согласился помочь, вместо того, чтобы прятаться от него? Если бы он открыл свое сердце чему — то настолько страдающему, чем трусливо прятаться от него?

Возможно, оно было так же напугано, как и он.

Раздавшийся откуда — то поблизости душераздирающий крик отвле его внимание от девушки — духа.

— Подожди здесь. — сказал он Бэкке.

Быстро собралась толпа. Мэддокс теперь бежал в направлении сумятицы посмотреть, что же вызвало ее.

— Что происходит? — спросил он у женщины, стоявшей у края толпы с двумя детьми возле ее ног, цепляющимися за юбку.

— Ведьма. — ответила она. Он смотрел через плечи впереди стоящих и увидел девочку, которую схватил человек в форме личной стражи богини Валории: коричневая кожаная туника и штаны, красный плащ и золотой шлем. — Она обвиняется в использовании магии при попытке вызвать шторм, чтобы помешать празднованию.

Мэддокс посмотрел на безоблачное голубое небо.

— Но никакого шторма нет.

Женщина пожала плечами.

— Как я сказала, она всего лишь попыталась.

По слухам Валория арестовала и бросила в темницу всех ведьм с малейшими способностями в элементарной магии, объясняя это тем, что подобные заклинания делают ее собственную магию менее невероятной и устрашающей для подданных. Другие слухи утверждали, будто она не хочет, чтобы они объединились, соединив свои силы для узурпации трона.

— И что теперь? — спросил Мэддокс у женщины. Не смотря на его приказ оставаться на месте, Бэкка подошла и стала рядом с ним.

— Будет публичная казнь. — проинформировала женщина.

— Что? — воскликнула Бэкка. — Они собираются убить эту девочку, потому что кто-то обвинил ее в том, что она — ведьма? Это что, Салем? Ты же шутишь, верно?

— Здесь такой образ жизни. — сказал он ей очень тихо. Как она может не знать этого?

— Образ жизни? — гневно произнесла девушка. — Да что это за отсталое, беспорядочное, фанатичное место? Девушка не заслуживает смерти. Она не сделала ничего плохого!

Он был согласен с ней, хоть полностью и не понимал ее странный язык. Он всегда считал такие спонтанные решения жестокими и ненужными. Но что мог с этим поделать? Богиня управляла законами — и ее подданные должны повиноваться им.

Он потряс головой.

— Обвинения более чем достаточно для приговора и не имеет значения, насколько отсталым это кажется.

Когда он отвернулся от нее, она снова появилась перед ним. Он застонал. Она была

такой же настойчивой, как жужжащая пчела.

— Тогда ты должен помочь ей. — настаивала девушка.

— Я не должен делать ничего подобного.

— То есть, ты просто будешь стоять здесь и наблюдать, что они делают с ней? Как будто ничего не происходит?

Ее слова прозвучали как пощечина.

— Я не считаю, что ничего не происходит.

— Парень, ты с кем разговариваешь? — спросила женщина, хмурясь.

— Ни с кем. — проворчал он, его гнев превысил собственное бессилие, вызванное болтливой девушкой — духом. — Вообще ни с кем.

— Прекрасно, — сказала Бэка, хотя ее тон сказал ему, что имела в виду она все что угодно, кроме «прекрасно». — Игнорируй меня. Ты можешь попытаться, но я обещаю, что никуда не уйду. Я буду преследовать тебя до конца твоей жизни, если ты не поможешь ей!

Угроза вызвала гримасу на его лице.

В центре толпы девушка снова закричала, когда страж схватил ее за волосы.

— Эта бесчестная ведьма — провозгласил страж, достаточно громко, чтобы все слышали, — показала бунт и дьявольские намерения против нашей великой правительницы, Ее Сиятельства, Богини Земли и Воды. Такое преступление не может быть прощено. И не будет. Она приговаривается к смерти.

Мэддокс смотрел, и его пальцы сжались в кулаки.

— Нет, пожалуйста! — кричала девушка. — Я не ведьма! Я бы никогда не совершила что-то против Ее Сиятельства.

Она легко могла лгать. А даже если и не лгала, Мэддокс не мог просто ездить по Северной Митике, помогая каждой несправедливо обвиненной ведьме, попадавшей ему на пути. Ливиус никогда бы не согласился на это.

— Сделай что-нибудь! — крикнула Бэка на него, прямо ему в ухо. — Ты должен помочь ей!

Его щека дернулась.

Он не сомневался в угрозе Бэки. Она могла бы преследовать его вечно.

Страж вытащил меч из ножен, его лицо ничего не выражало. Он поднял его над головой девушки, готовый опустить и покончить жизнь ведьмы.

Затем страж испустил резкий вдох и выдох, будто задыхаясь, и отпрянул от девушки. Он уронил меч и схватился за горло, его лицо покраснело в один момент. Он попытался дотянуться до своего оружия, но слюна текла изо рта на подбородок, будто он жевал кусок жареной козлятины.

Собравшаяся толпа уставилась на стража в изумлении.

— Это настоящая магия. — прошептала со страхом женщина рядом с Мэддоксом.

Да, определенно, это была она.

— Ты сделал это, — сказала Бэка, смотря на него с удивлением. — Ты остановил его, не так ли?

Магия Мэддокса редко работала по приказу, поэтому этот беспрецедентный момент удивил и его. Лучше не растрчивать ее сейчас, пока он на короткий момент держит ее под контролем. Страж без сомнения продолжит казнь в тот момент, когда почувствует себя лучше.

Мэддокс снова сфокусировался. Страж застыл на месте, его глаза закатились вверх и он

упал на землю, словно ворох. Обвиняемая ведьма застыла, как испуганный олень.

— Беги, что стоишь? — закричал ей Мэддокс.

Ее не нужно было просить дважды. Она повернулась, побежала, и быстро исчезла в толпе. Бэква уставилась на него с изумлением.

— Ты потрясающий!

— Это все твоя вина. — пробурчал Мэддокс, которого никто в жизни так не злил, как эта девчонка — дух.

— Моя вина?

Он не имел ни малейшего представления, был ли страж мертв или просто без сознания. И знал лишь одно — необходимо убираться отсюда, пока кто-нибудь не заподозрил, что он имеет отношение ко всему произошедшему.

— Мэддокс, подожди.... — начала Бэква.

Он повернулся и врезался в грудь большого парня в форме стража, затем посмотрел вверх на его уродливое лицо. Страж сузил глаза.

— Парень, потрудись объяснить, что здесь произошло?

— Что? То, что с ведьмой? — Мэддокс одарил стража своим самым невинным взглядом. — Не имею ничего общего с....

Страж ударил его эфесом меча по голове.

Казалось, он блуждает в темноте часы...или возможно, это были только минуты...

Медленно, очень медленно, он открыл глаза. «Бэква. Где Бэква?» — промелькнула первая мысль, но он не смел даже шевельнуться, чтобы поискать ее.

С его положения на земле, щекой в грязи, он видел Ливиуса, стоявшего в десяти шагах, который указывал на него и кричал что-то группе стражей. Толстый ростовщик, Кена, стоял гораздо ближе.

— Да, он именно тот, о котором вы слышали. — сказал Кена, посмотрев вниз на Мэддокса. — Тот, кто говорит с духами. Информация, подобная этой, достойна награды, согласны?

— Ты получишь свою награду, если это окажется правдой. — страж присел на корточки возле Мэддокса, вглядываясь в его лицо с любопытством.

— Мы не казним его на месте. Богиня хочет поговорить с ним вначале.

Кристалл

С девяти лет каждое воскресенье Крис с отцом ходила в художественную галерею Онтарио. Так продолжалось, пока Крис не исполнилось пятнадцать, а отец ушел. А вот Бэкку, в отличие от сестры, никогда не интересовало искусство так, как Крис; сестра всегда предпочитала уткнуться носом в книгу и сидеть с ней целый день. Как правило, большинство магазинов были открыты по воскресеньям, но в этот день Хэтчеры решили оставить магазин закрытым, только для того, чтобы проводить время с семьей. «Семейное время». Звучит так приятно, когда думаешь об этом. Бэкка читала бы с мамой или зависла бы у кого-то из друзей дома, Крис посвящала друзьям субботы. Воскресенья она оставляла для отцовско-дочерних сессий, связанных с искусством. За эти годы прошло множество удивительных выставок. Энди Ворхол, да Винчи, импрессионисты, Группа Семи и тонна современного искусства — которое Крис любила, но, смотря на которое, Дэниел Хэтчер всегда качал головой, неуверенный как интерпретировать две полосы цвета стоимостью в миллион долларов.

Сегодня в художественной галерее Торонто была представлена выставка, посвященная истории фотографии. Она называлась «Свет и тень: Фотографии от 1839 г. до наших дней». Крис подтянула тяжелую сумку на плечо, и медленно брела по когда — то знакомым коридорам и нишам галереи. Она старалась меньше нервничать, сконцентрировавшись на картинах и скульптурах выставленной коллекции, прежде чем пройти в специальные выставочные залы.

Снимки старых фотоаппаратов — намного, пожалуй, намного старше, чем ее проверенный Пентакс — и единственные в своем роде снимки пейзажей, архитектуры и серьезных лиц, позировавших для ранних фотографий, хорошо отвлекали ее мысли.

Крис с удовольствием отметила, что типов моделей, побывавших в руках тогдашних стилистов, визажистов было не так уж много сто лет назад.

— Они не улыбаются, потому что им приходилось сидеть долго, застыв на одном месте в подобных позах. — сказал позади нее знакомый, глубокий голос. — Тяжело так долго улыбаться и выглядеть при этом уникально.

Ее плечи напряглись, но она не обернулась.

— Выглядишь потрясающе, Криси. — сказал он. — Такая взрослая.

Наконец она оглянулась через плечо. Позади стоял ее отец, выглядя так же, как и в последнюю их встречу. Целых два года. А казалось, что прошло десять. Глаза, обрамленные черными ресницами и так похожие на ее собственные, смотрели на нее, в них сиял знакомый призрачный свет светло-голубых глаз, присущий им обоим. На его губах играла полуулыбка.

— Ничего не скажешь?

— Есть... Много чего. — выдавила она. — Просто пытаюсь обрести голос.

— Написать легче, не так ли?

— Писать всегда легче.

Он был сегодня без очков. Возможно, светлые глаза были от природы слабее, чем темные, и она унаследовала от него плохое зрение, часто размышляла она. С утра Крис была

раздражена из-за контактных линз и швырнула их через всю спальню после нескольких неудачных попыток одеть, а потом еще и наступила на них, когда искала. Поэтому сегодня была в очках. Но она не винила линзы. Она винила то, что находилась на грани срыва от беспокойства всю неделю.

— Ну что, поговорим о фотографиях? — предложил он, скрестив руки и изучая снимок напротив них. — Знаешь, как это называется?

Он указал на автопортрет мужчины, смотревшего в объектив. Снимок был напечатан на блестящей поверхности, непохожей на матовую фотобумагу, которую использовала Крис в импровизированной темной комнате, оборудованной в доме, когда ей нужно было проявить пленку.

— Это дагерротип. — сказала она, надвигая очки повыше на нос. Она практически знала ответ, но справа от нее находилась табличка с описанием, которая объясняла все, с которой она и прочитала. — Назван в честь Луиса — Жака — Манде Дагерра, дагерротип — это ранний фотографический процесс, в котором используется светочувствительная серебряная пластина и пары ртути.

— Звучит, будто прилагалось много усилий.

— Слишком много. Интересно, что этот парень подумал бы о цифровиках.

— Возможно, в целом он выглядел бы счастливее.

— Возможно. — она с трудом сглотнула, едва видя впечатляющий снимок перед ней, мало заботясь о том, что она сейчас находится так близко к историческому артефакту по ее любимому предмету.

— Ты все еще носишь смешные футболки. — заметил отец.

Она посмотрела на себя. Ее многочисленная коллекция футболок была для нее просто одеждой, а не сознательной попыткой ежедневно шутить над модой. На той, которую она выбрала случайно сегодня, был нарисован антропоморфический ролл с надписью «Вот как я рулю!»

— Я же модная штучка, что я могу еще сказать? — она прикусила нижнюю губу. — Можем мы пойти в какое — то тихое место и поговорим?

— Конечно. — кивнул он. — Кафе?

Она вспомнила. Обед и десерт в кафе при галерее. Кофе для него, кола для нее. Она всегда выбирала пирог с лаймовой начинкой, потому что верила, что это самый лучший пирог во всей вселенной — и ощущение, как будто ты на каникулах. Пока они ели, они бы обсуждали то, что видели не так давно. Какие картины и фотографии им понравились больше, какие скульптуры более вдохновляющие и наполненные значением. Дни, которые они проводили в галерее, всегда протекали очень быстро.

По пути в кафе они оба неловко молчали. Крис была настолько решительна, что должна больше узнать про Маркуса Кинга, поэтому совсем не приняла во внимание, что тот эмоциональный импульс, который на нее окажет встреча с отцом впервые за два года, так повлияет на нее. Так что в эти счастливые минуты, которые она проводила с ним, она чувствовала, будто уменьшилась в возрасте как минимуму на десять лет. Ей сейчас было семь лет, и она следовала за отцом по выставке фотографий, затем вниз по лестнице и за углом она могла ощутить аромат вкусной еды — сэндвичи, салаты, печенье. Аромат помог ей вспомнить прошлое так четко, будто она перенеслась в машине времени или осталась запечатлена на фотографии.

На обед она выбрала лишь маффин с шоколадной крошкой и бутылку воды. Дэниэл

заказал сэндвич с курицей, кофе и заплатил за все.

Но они даже не взглянули на еду, и выбрали столик от остальных обедающих так далеко, как только смогли найти. Она ожидала, что почувствует лишь гнев, когда увидит отца снова. Но то, что она на самом деле чувствовала, было....

Она точно не знала, что чувствует. И не находила идеального слова, чтобы описать, поняла она. Смесь ностальгии, любопытства и, странно, сильное ощущение облегчения. Все смешалось в одну смесь с несколькими ложками гнева. Усилием воли она пыталась совладать со всеми своими эмоциями и запихнуть их в кожаную сумочку цвета фуксии, чтобы сохранить на потом.

— Крисси, я знаю, у тебя есть вопросы ко мне. — сказал он, его пальцы сжимали край стола.

Если бы это был кто-нибудь другой, она бы протестовала против этого смешного прозвища, но оно звучало от него. Как в старые добрые времена.

— Я знаю, ты должно быть очень сердита на меня. — сказал он, когда она не начала говорить сразу. — Все, что я могу сказать, это что мне жаль, но я знаю, этого не достаточно.

— Я просто... — Крис сжала бутылку воды, ее холодная поверхность скользила между пальцами. — Не могу поверить, что ты был в Торонто все это время. Ты был так близко, а я даже не знала.

— Как ты узнала?

Она взвесила свои слова.

— Я подслушала, как мама и Джеки говорили по телефону. Они упоминали твое имя.

Она не собиралась все рассказывать. О книге, о том, что случилось с Бэккой — это все было слишком ценно, слишком хрупко. Миссия заключалась только в получении информации — давать информацию не было в сегодняшнем меню. Также, как ее сердце билось в смятении по поводу этой встречи, ее мозг был настроен на то, что имело значение. Она очень надеялась, что соотношение останется таким же. Сердце и разум не всегда идут в одном направлении.

— Подслушивание — сказал он. — Значит, дома все по-прежнему, так? Ты — все еще нарушитель спокойствия.

Это было сказано не как упрек, а скорее как еле уловимое восхищение.

— Это один из моих талантов.

— Что они говорили обо мне?

— Что-то вроде мама все еще верит в тебя, но Джеки сказала ей, что ты остался в прошлом.

Она внимательно смотрела, последует ли какая —нибудь реакция на это, но в его лице не было ничего, что бы подсказало ей, о чем он думает. Ни разу не моргнул или дернулся.

— Джеки никогда не любила меня. — он признал. — Что еще?

— Они сказали, ты состоишь в каком — то эксклюзивном обществе. — она решилась сказать предварительно.

«Тайное общество этого монстра поглотило его достаточно давно, чтобы понимать, что для нас он потерян.» — такими были дословные слова Джеки. Они отпечатались в памяти Крис.

— Правда. — сказал он ровно и это не был вопрос. Его спокойная реакция разозлила ее.

— Правда? Ты бросил нас из-за какого — то секретного общества, к которому присоединился? Что это, культ в котором промываются мозги, чтобы его участники

оставляли свои семьи?

О да, однозначно она не владела своими эмоциями сегодня. Девушка заставила себя сделать судорожный глоток воды. Ей нравилось думать, что у нее есть талант читать лица после изучения многих лиц на расстоянии через объектив. Большинство людей открыто выражали свои эмоции — гнев, печаль, счастье, разочарование. Эмоции были прекрасны, не имеет значения какие именно. Чем сильнее эмоции, тем лучше получается снимок. Но сейчас, не скрываясь за камерой, все было немного по-другому. Между ними повисло неловкое молчание, и она начала ковырять свой маффин.

— Это не совсем то, о чем ты думаешь. — наконец сказал он. — Я вовлечен в важную организацию. Я верю в нее всем сердцем и душой. Это хорошая вещь, Крисси. Единственное плохое в ней то, что я вынужден был сделать чрезвычайно трудный выбор, который я никогда не хотел делать.

— Значит, это общество заставило тебя выбрать их или нас.

— Нет. Твоя мама была тем человеком, который заставил меня выбирать. И я знаю, ты никогда полностью не поймешь, почему я вынужден был сделать выбор, подобный этому, но, может быть, однажды... Я не ожидаю, что ты простишь меня. Я затрудняюсь даже просить об этом.

— Подожди. — голова Крис пошла кругом. — Ты говоришь, что мама заставила тебя выбирать.

Он поджал губы.

— Я никогда не мог заставить ее понять, насколько важно это общество для меня. Это вопрос жизни и смерти, Крисси. Я знаю, звучит высокопарно, но это правда. То добро, что я делаю, добро, частью которого я являюсь...

— Что? Ты спасаешь мир, или что-то вроде этого? — сказала она, пытаясь найти шутку в этом и отодвинуться от того, какой ошеломленной она чувствовала себя, узнав о матери, поставившей ультиматум отцу, что привело к тому, что отец ушел от них.

— Для постороннего это звучит как сумасшествие, но...да. По большому счету я верю, что да.

Она уставилась на него.

— Ты серьезно?

— Ты достаточно взрослая, чтобы я попытался объяснить тебе все, но всего не поймешь, если ты не часть всего этого.

Он рассеянно глотнул кофе.

— Кстати, как дела в школе? Ты же выпускаешься в июне, не так ли?

— А ты пытаешься сменить тему.

— Временно. Ответ на мои вопросы, и я возможно отвечу на твои взамен.

Она медленно выдохнула, напоминая себе, что ей необходимо оставаться спокойной и не давить слишком сильно. Иначе это встреча может закончиться раньше, чем ей бы хотелось.

— Как мои дела в школе? Я посещала как можно меньше уроков с того времени как Аманда и Сара переехали, у меня осталось мало друзей и мне неинтересно с учителями. — отметила она. — В общем, я подумываю над тем, чтобы уйти со школы и серьезно посвятить все свое время фотографированию. Мне ведь не нужен диплом для этого, правда?

Шок на лице отца почти вызвал у нее улыбку.

— Пожалуйста, скажи, что ты врешь.

— Я не очень люблю врать. Предпочитаю говорить правду, где это возможно. Так намного проще следить за словами.

Он нахмурился.

— Криси, тебе нужно сосредоточиться на школе. Это важно.

— Я не согласна. Что ты собираешься сделать? Позвонишь маме, чтобы дружески поболтать о моем будущем?

Он отодвинул сэндвич.

— Возможно, мне так и следует поступить.

— Но тетя Джеки не окончила школу.

— Джеки — грубая и безответственная, никогда не брала настоящей ответственности за свои скудные решения.

Крис пожала плечами.

— Я думаю, она классная.

— Вероятней всего потому, что очевидно ты не знаешь всего о ней.

Его язвительный тон вызвал у нее желание поспорить в защиту тетки, но Крис поборола его. У нее не было времени отвлекаться.

— Хотя ты можешь гордиться. — сказала она. — Я до сих пор пользуюсь твоим фотоаппаратом. В этом я действительно хороша. Я даже участвовала в финале нескольких соревнований.

Она вытащила Пентакс из сумки, чтобы показать ему. Он потянулся и взял его у нее из рук.

— Ты когда — нибудь использовала вспышку для него?

— Незачем. Свет и тень — вот и все, что мне нужно. К тому же, вспышки дорогие.

Время возвращаться к предыдущей теме. Она собрала в кулак всю свою смелость, и, потянувшись через стол, взяла его за руку. Он посмотрел с настороженностью.

— Послушай меня, пап. Ты когда — то сказал мне, что хотел бы забрать меня с собой. Это, то о чем ты говорил? Оставить маму и быть частью этого секретного общества?

— Я не знаю, что я тогда говорил. Я был в замешательстве.

— Я ненавидела тебя столько времени за то, что ты сделал. Ненавижу и сейчас.

Правдивость этих слов оставила кислый привкус во рту.

— Ты ушел и даже не пытался связаться со мной...ни разу! Я могла бы сохранить это в секрете. Я бы не сказала маме, если бы ты не хотел.

— Я пытался сделать, что могу и уважать ее желания.

— Что ж, мама и я... — она прикусила нижнюю губу. — Мы не очень хорошо ладим. Я знаю, она думает, что Бэкка — идеальная, и возможно, она в этом права.

Сказанные слова причиняли Крис боль, потому что она верила в них. Казалось, мама летала словно на крыльях от счастья, когда Бэкка приносила домой очередную отличную оценку за эссе, за другие достижения. Именно Бэкка подобрала новую компьютерную систему для организации работы в магазине и с его счетами. Они обе разговаривали о прочитанных книгах часами, пока Крис пыталась смотреть телевизор. Фактически, мама разговаривала с ней только когда комментировала, что Крис сделала не так.

— Это неправда. — сказал отец, качая головой. — Она любит вас обеих в равной степени. Некоторые ее правила могут показаться суровыми, но это потому, что она любит вас.

— Тем не менее. Она ожидает слишком много от меня. Я знаю, что она никогда не

будет гордиться мной. Я бы ответила тебе «да», пап. Я бы уехала с тобой. Я бы присоединилась к твоему обществу, которое делает так много, чтобы изменить наш мир.

Его челюсть напряглась, пока он изучал ее, затем нахмурил брови.

— Тебе должно быть шестнадцать, чтобы стать приглашенной. А тебе было всего лишь пятнадцать в то время.

— Ну, сейчас мне семнадцать и... — она глубоко вдохнула — И я хочу этого. Я хочу снова стать частью твоей жизни, пап.

Его брови снова сошлись на переносице.

— Кристал...

— Я хочу знать больше.

Она прервала его, чтобы закончить свое дело.

— Есть ли кто-то, с кем я должна встретиться? Кто-то кого я должна убедить позволить мне? Я хочу этого, пап. Я хочу снова стать частью твоей жизни. И если то, что ты говоришь, правда — что ты, не знаю, действительно помогаешь спасти мир, будучи членом общества, тогда и я тоже хочу помочь.

Как только она произнесла это, то поняла, что говорила правду. Она хотела быть частью жизни своего отца, и она хотела все знать об этой группе, которая украла его из семьи. Возможно, он был прав, а мама — нет. Это было бы не впервые. Три года назад, когда у них из кассы начали пропадать деньги — от пяти до двадцати долларов несколько раз в неделю, Джулия обвинила в этом Крис, потому что однажды ее подозревали в подобном в торговом центре Итон (хотя это была ее подруга Сара, а не она.) Отец тогда защищал ее. Он и Джулия сильно поссорились, их повышенные голоса можно было легко услышать через тонкие стены квартиры. Оказалось, что деньги брала клерк. Ее уволили и с тех пор дела в магазине вели только члены семьи. Но мама никогда не извинилась, а Крис не смогла забыть. И простить, что ей не поверили. Дэниэл Хэтчер убрал руку от руки Крис, положил камеру на стол и откинулся на спинку стула.

— Ты действительно хочешь этого.

— Всем сердцем. — затем она замолчала. Она все сказала и сейчас решать предстояло ему. Или она продвигалась слишком быстро? Понял ли он, что она что-то знает?

— Есть один человек, с которым я могу поговорить — наконец сказал он. — Его зовут Маркус.

Она оставалась очень спокойной, услышав это имя. «Маркус Кинг украл у нас все — включая твоего чертового мужа — а теперь я украла кое — что у него.» Это был он. Человек, который, как считала мама, способен помочь Бэкке. Человек, у которого Джеки каким — то образом украла книгу. Человек, у которого были ответы, в которых Крис отчаянно нуждалась.

— И обещаю, я поговорю с ним. — продолжал ее отец. — Общество приветствует членов семьи, а ты... моя семья, Крис. Ты — моя кровь. Я сделаю все, что смогу, чтобы устроить встречу, но не обещаю ничего больше. Я не могу требовать, я могу лишь попросить. Окончательное решение не в моих руках.

Она кивнула, ее сердце сильно стучало в груди.

— Я понимаю.

— Я свяжусь как только смогу. — он взглянул на часы на запястье. — Но мне уже нужно уходить.

— Ладно.

Он встал, она тоже и, после короткого колебания, он потянулся к ней и поцеловал ее в щеку.

— Я скучал по тебе, Крисси, — сказал он.

Она смотрела ему вслед, пока он не скрылся из виду.

— Я тоже.

Фаррелл

Он проснулся от настойчивого стука в дверь. Утренний свет томно пробивался сквозь оконные щелки, неприкрытые шторами. Застонав, он попытался сесть, прикрывая глаза. Сколько же сейчас времени? Часы у прикроватного столика проинформировали, что было восемь часов. Восемь?

Учитывая то, что его не было дома до пяти утра, он готов был убить любого, кто украл сладкий сон.

Дверь открылась, вошел отец и распахнул полностью шторы.

— Что ты делаешь? — требовательно спросил Фаррелл.

— Хватит лентяйничать. — резко ответил отец. — Это продолжается слишком долго. Вставай.

— Встану, когда выплусь. Не сейчас.

— Тебе нужно начать думать о своем будущем, Фаррелл.

Тот откинулся на подушки и посмотрел в потолок.

— Сегодня?

— Этот год был трудным. Для нас всех. Но пришло время стать мужчиной, время начать брать на себя ответственность.

Сейчас он не мог справиться с этим.

— Как насчет того, что я начну брать ответственность через несколько часов?

Отец подошел к кровати и одним быстрым движением сдернул одеяла с сына.

— Вставай. Или...

Слова «Или что?» готовы были сорваться с губ, но он сдержал их, прежде чем произнести вслух. Ну что, что? Они собираются отказаться от него? Выбросить на улицу без единого гроша, пока ему не исполнится двадцать один и он не получит наследство? Маловероятно.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? — спросил он.

— Учеба или работа. Выбирай что-то одно, но тебе нужно сделать этот выбор.

— И я должен выбирать прямо сейчас?

— Нет. Но на данный момент ты можешь быть полезным, поговорив с братом. Он в своей комнате, утверждает, что болен. Он не хочет идти в школу. Это неприемлемо.

— Если он болен...

— Нет, не болен. — губы отца сжались. За бурей, бушевавшей в его глазах, Фаррелл видел беспокойство. — Он не принял события субботней ночи так хорошо, как я надеялся.

Это Фаррелл понял и выругался про себя.

— И, что это значит?

— Это значит, что он нуждается в брате.

Адам замкнулся в себе еще в воскресенье, а Фаррелл отсутствовал большую часть дня и ночи, гуляя с другом, который приехал домой из колледжа на выходные.

Большинство друзей Фаррелла уже уехали из города, рассеявшись по колледжам по всему континенту, оставив его в основном самому находить новых друзей каждую ночь, когда он гулял и которых он обычно забывал к утру.

Фаррелл не побеспокоился даже одеться. Одетый только в просторные черные пижамные штаны, затянутые шнуром на талии, он босиком вышел из комнаты и направился к Адаму. Игнорируя пульсирующую головную боль, постучал в дверь брата.

— Кто там? — спросил Адам угрюмо.

— Это я. Можно войти?

— Нет.

Фаррелл толкнул дверь.

— Спасибо большое. Доброе утро, солнечный свет.

— Я сказал нет.

Фаррелл пожал плечами.

— А я — мятежник.

Адам сидел на стуле возле окна на другой стороне дорогой комнаты, обставленной в стиле остального поместья Грейсонов — дорого и по вкусу их матери, то есть ее любимого дизайнера. Только пара постеров рок — групп, прикрепленных к золотисто — бронзовой дизайнерской стене указывали, что это комната Адама.

— Итак, в чем проблема? — спросил Фаррелл, присаживаясь на край беспорядочной огромной кровати Адама.

— Я не знаю. — Адам провел рукой по светло-коричневым волосам. У Фаррелла волосы были на несколько оттенков темнее и всегда в беспорядке — но, к счастью, его вид ничто не могло испортить, он всегда выглядел модным.

На фото прошлого года в журнале «Фокус Торонто» Адама представили как «ангела» семьи Грейсонов из-за его невинного, мальчишечьего вида и вежливого поведения. Коннор был «одаренным художником». О Фаррелле не говорили ничего, кроме как «средний сын» одного из самых богатых людей города. И эта публикация стерла его отличие, наследуемое от рождения, без вопросов и консультаций. «Придурки».

— Давай, — подтолкнул Фаррелл, когда Адам замолчал. — Поговори со мной. Что-то же происходит.

— Я не могу перестать думать о моменте, когда Маркус вонзил кинжал в того парня. Я не хочу, чтобы отец знал, что это все еще беспокоит меня, но... Я не знаю. Я не знаю, что думать.

— Тот человек был убийцей. — резонно сказал Фаррелл. — Наркобароном. Кто знает, сколько еще людей он убил бы, если бы его не остановили?

— Ладно. Возможно, ты прав, но просто... — Адам со свистом выдохнул. — Почему бы не вызвать копов? Устроить настоящий суд? Жизнь в тюрьме?

— Общество так не работает. — спокойно объяснил Фаррелл. — У всего есть причина, малыш. Поверь мне в этом. Как сегодня твоя рука?

— Болит. — Адам провел пальцами по предплечью, нахмурясь. — Что это был за символ, который он вырезал на мне? Что он означает? Что он делает?

Фаррелл развел руками.

— Это защита — он оберегает нас от болезней. Ни рака, ни диабета, ни опасных изнурительных болячек. Это его подарок нам, точно как он и сказал тебе.

— Кто он? Я имею в виду, что в нем такого, что он может делать подобное?

Предполагалось, что они не будут обсуждать подобные вещи вне встреч в обществе, но Фаррелл чувствовал, что должен убедить Адама, что все в порядке.

— Тебе не нужно беспокоиться обо всем этом, Адам. Маркус тот, кем является на

самом деле.

— Что!? Кто? Волшебник?

— Я не думаю, что он посещал Хогвартс, нет.

— Поверить не могу, ты еще и шутишь по поводу всего этого.

Фаррелл замолчал, затем снова сел на край кровати Адама.

— Послушай. Я не знаю наверняка, что в этом миф, а что реальность, но история гласит, что у первоначального сооснователя общества было видение о боге смерти. Он счел видение предзнаменованием, начал охотиться на убийц и других плохих парней и нести справедливость на их задницы. Затем он встретил Маркуса, так похожего на бога из его видения. Они стали партнерами, основали общество как организацию и завербовали членов общества — богатых, так как оба знали, что должны говорить деньги, когда они пытаются изменить этот мир.

Адам уставился на него, будто видел впервые в жизни.

— То есть ты утверждаешь, что Маркус Кинг — бог.

— Я не знаю. Ты видел его. Видел своими глазами, на что он способен... Неужели ты не допускаешь, что подобное возможно?

— Я не знаю, о чем и думать сейчас. Как ты так спокойно относишься ко всему, будто в этом нет ничего такого, будто так и должно быть? Ты же всегда задавал вопросы обо всем! Почему в этот раз все по-другому?

Фаррелл потер голыми ногами одна об одну, чувствуя себя крайне некомфортно. Спокойно ли он относится к этому? Пожалуй... да. Он давно примирился с тем, что происходило на встречах, потому что искренне верил в миссию Маркуса — защищать мир от зла. Но на то, чтобы принять это, как что-то правильное и хорошее, у него ушло три года. А для Адама не прошло еще и двух дней.

— Ты скоро привыкнешь к этому. — сказал он. — Я обещаю, привыкнешь.

— Но я не хочу привыкать видеть, как на моих глазах убивают людей, и не имеет значения, кто делает это или почему.

Фаррелл пытался оставаться спокойным, но мысль о том, что младший брат был таким впечатлительным и ранимым, сильно обеспокоила его. Это могло вызвать серьезные проблемы не только для Адама лично, но и для всей семьи Грейсонов.

— Я понимаю, что тебе не по себе. — сказал Фаррелл, заставляя себя говорить спокойно. — Я чувствовал практически то же самое после моей первой встречи. Но внимательно послушай, что я скажу. Ты слушаешь меня?

Адам повернул свое бледное лицо к Фарреллу.

— Да.

— Ты согласился. Когда Маркус дал тебе право выбора уйти или остаться, ты выбрал остаться. Ты подошел к точке, от которой нет возврата, и ты шагнул за нее, малыш.

Слабость была неприемлема. Слабые долго не выживали — ни в обществе, ни в мире в целом. Он ненавидел то, что отношение Адама ко всему происходящему вновь взбудоражило почти давно забывшиеся вопросы, кружившие в его голове, вопросы, которые так цепко таились в нем с момента посвящения. Кто такой Маркус Кинг? Кто он на самом деле? Откуда он прибыл? И как он может делать то, что делает? Возможно, он узнает правду, когда войдет во внутренний круг Маркуса. От этой мысли дрожь предвкушения пробежала по его позвоночнику.

— Всегда четко помни одно, Адам. Магия, которой обладает Маркус — во имя добра.

— Хороша магия, даже сказать нечего... Публичные казни... Предсказания... Боги смерти... — боль и сомнения на лице Адама сменила ярость. — Да ты слышишь себя, Фаррелл? Брать закон в свои руки и просто размахивать магическим кинжалом, ну уж нет, — это вовсе не хорошо! Это мерзко и просто отвратительно! И эти страшные по своей сути поступки не делают его лучше и совсем, слышишь, совсем не оправдывают этого человека, который напыщенно стоял с уверенностью в собственной правоте на той сцене.

Фаррелл потерял виски. Было слишком рано для подобных разговоров, и он чувствовал, что от похмелья ему стало еще хуже. Этот разговор пока не имел никакого смысла, но он должен был попытаться. Он не хотел, чтобы у младшего брата появились проблемы из-за того, что тот задает слишком много вопросов. Он сузил глаза и направил свою ярость на брата.

— Разговор окончен. Тебе нужно принять то, что ты дал свое обязующее согласие человеку, подарившему тебе это. — он так крепко сжал предплечье Адама, так что тот открыл рот от боли. И хотя там не было ни шрама, ни какой-либо отметины, Фаррелл помнил как чрезвычайно чувствительна была его рана в течении нескольких недель.

— Ты все испортишь для себя и всех нас, если не возьмешь себя в руки. Слышишь меня? Лицо Адама сильно побледнело, его темные глаза сверкали как угольки.

— С меня довольно разговоров об этом.

— Сейчас ты можешь сердиться на меня, но я здесь, рядом с тобой, когда бы ни понадобился тебе. Я — твой брат. И всегда останусь им. Помни об этом, хорошо? А теперь заканчивай с этим актом болезни и отправляйся в школу, пока сюда не пришел отец, и не задал жару похлеще, чем я.

Фаррелл вышел из комнаты, чувствуя ярость и беспомощность, словно он только что сделал Адаму хуже, чем было до этого. Он шел по коридору, затем застыл, когда приблизился к закрытой двери в конце коридора. Секунда он секунду изучал ее, затем взялся за ручку. Она была не заперта. Парень толкнул дверь, открывая, и посмотрел внутрь, на старую спальню Коннора. Он нащупал на стене выключатель и включил его. Во рту сразу пересохло.

Именно Фаррелл нашел его лежащим на кровати. Сейчас она была застелена, простыни и одеяло в идеальном порядке и нетронуты. Год назад все было в крови. Помимо этого, комната выглядела также. Даже вещи Коннора для рисования, включая незаконченную картину маслом, стоявшую на пюпитре и смотревшую на сад на заднем дворе их поместья Форест Хилл, не тронули. Это была святыня перворожденного Грейсона. Идеальный сын. Талант, внешний вид, ум — тройная угроза. Таким был его старший брат. Он подошел к пюпитру и посмотрел на последнюю картину Коннора. Если и был у старшего сына Грейсонов недостаток, так это тщеславие. Его картины почти всегда были автопортретами. Коннор рисовал себя, как будто на заказ в стиле эпохи Возрождения, королем или богатым лордом.

Точеная линия подбородка, вычерченные губы, прямой нос и волосы такого же коричневатого-черного оттенка, что и у Фаррелла — только Коннор носил длинные волосы, достававшие ему до плеч. Черные брови обрамляли ореховые глаза, хоть они и были созданы легкими мазками краски, казалось, ранили Фаррелла прямо в сердце.

— Скучаю по тебе, брат. — прошептал он. — Так сильно тебя не хватает.

— Я всегда думала, что это его лучшая работа. — голос сзади испугал Фаррелла, он обернулся и увидел как мать входит в комнату, ее взгляд был прикован к полотну. — Чем

больше смотришь на него, тем больше он кажется живым, не правда ли?

Он был удивлен тем, что она заговорила с ним так, вместо привычных резких слов о том, как он посмел войти сюда, в ее святыню к потерянному первенцу.

— Он был талантливym. — сказал он. — Я знаю, он бы стал очень знаменитым художником.

Брови сошлись на мгновение, но она слегка тряхнула головой и холодная улыбка появилась на ее губах. Внимание оставалось на картине, будто она могла дотянуться и взъерошить волосы на лбу старшего сына.

— Год. Поверить не могу, что уже прошел целый год. Я чувствовала его глубокую печаль, после того как они разошлись с Маллори. Если бы я знала, что его сердце разбито настолько, я бы назначила встречу для него с моим терапевтом. Я могла бы удержать его от такого фатального поступка.

Поход к терапевту был обычным решением матери на любую эмоциональную неурядицу.

— Почему он не закончил ее? — спросил Фаррелл. За нарисованной фигурой не было фона, только белое полотно. наброски карандаша показывали, что он собирался рисовать. Окно. Небо. Стену. Она нахмурилась.

— Что ты имеешь в виду?

Он уставился в нарисованные глаза брата.

— Коннор Грейсон, которого я знал, всегда заканчивал то, что начинал. И тот Коннор никогда бы сам не ушел из жизни. Он любил жизнь.

Она остро взглянула на него.

— Пока не перестал любить ее. Мы меняемся, также как меняются времена года. И он не был другим.

— Ты никогда не думала, что всему случившемуся может быть другое объяснение?

— Нет. — сказала она, показывая, что этим заканчивает их разговор. — Он был чувствительным художником, которому разбили сердце. Он выбрал отречение от жизни, когда впал в отчаяние. За этот год я приняла все, что случилось. Но ты все спрашиваешь об этом... — она слегка поджала губы. — и это слишком больно.

Чувство вины заполнило душу.

— Мне жаль, прости.

Он не очень хорошо ладил с матерью, но не хотел ранить ее. Он скрестил руки на голой груди и заставил себя увести тему от, того, что до сих пор было еще болезненным.

— Сегодня утром со мной разговаривал отец.

— Об Адаме?

Он кивнул утвердительно.

— Я пытался поговорить с ним. Он расстроен.

— Надеюсь, он быстро примирится с тем, что видел на встрече.

— Примирится. — сказал Фаррелл с уверенностью, которую совсем не ощущал.

— Хорошо.

Это был, по сути, самый длинный разговор с матерью за последний год. «Можно заносить в рекорд.» — подумал он

— Папа также сказал мне, вы хотите, чтобы я начал думать о своем будущем. — сказал он. — И я согласен. Я должен решить по поводу учебы. Либо я запишусь куда — то и буду посещать курсы, либо начну работать с ним.

Если Фаррелл не пойдет за дипломом, он рано начнет работать на Grayson Industries. Строгий костюм, затянутый галстук, нудные бизнес — ланчи, симпатичный секретарь. Покупать и продавать бизнес. Быть беспощадным. Создавая миллиарды. Нет, это не для Фаррелла. То, что относилось к секретарше, звучало правильно, но все остальное не интересовало его ни в малейшей степени. Как бы он хотел знать, что же ему делать!

Изабелла Грейсон все еще улыбалась.

— На самом деле, твой отец настаивает на подобном решении. Для меня это не имеет никакого значения.

— Правда? — внезапно в нем затеплилась надежда, что между ним и матерью не лежит такая пропасть, как он думал. Возможно, она поняла его, поняла, через что он прошел. Поняла его ночные кошмары, преследовавшие его каждую ночь с того момента, как он нашел тело Коннора.

— Да, правда. Коннор... у меня были большие надежды на Коннора — что он станет знаменитым художником, что вскоре женится и подарит мне внуков. Что гордо будет нести фамилию Грейсон на своих плечах. Об Адаме учителя говорят, что у него блестящий ум, способности к медицине, юриспруденции, бизнесу. Что бы он ни выбрал, они верят, что он преуспеет. Но ты... — ее пронизательный взгляд прошелся по нему с головы до пят. — У меня нет ни одной причины думать, что ты стоишь даже хоть какого-нибудь малейшего упоминания. Кроме того, ожидаю от тебя совсем немного, или даже вернее сказать не жду ничего... ни-че-го... Слышишь?

От ее речи в горле Фаррелла стоял ком.

— Спасибо большое за то, что все так четко прояснила для меня, мама.

Он стоял оглушенный, пока она выходила из комнаты. Он не был уверен, почему ее слова так поразили его. Он практически знал, что она думает о своем среднем сыне, вернее она не думала о нем вообще. И эти слова только доказывали это. Он в последний раз прошелся взглядом по комнате Коннора, прежде чем пойти в свою.

— О чем я беспокоюсь, черт побери? — пробормотал он сам себе, теперь уже злой. — Ее мнение ничего не значит для меня.

Вернувшись в комнату, он проверил телефон и увидел сообщение от Лукаса. «Маркус встретится с тобой сегодня вечером в 8.» Внутренний круг Маркуса. Наверняка, это секрет внутри тайны, но это было нечто особенное и эксклюзивное. Это было доказательством, что Фаррелл отнюдь не являлся ничем и никем. Он был избран могущественным, таинственным человеком, чтобы стать вовлеченным во что-то невероятное. Что-то, частью чего являлся Коннор перед своей смертью. Что-то, что покажет его матери, что он не такой никчемный, как считала она.

Мэддокс

Пощечина и ощущение острой боли вытянули его из темноты. Он вдохнул полной грудью воздух и резко сел. Кто-то держал его за шиворот рубашки. Другой удар привнес больше ясности. Ливиус... Тот, кто отвесил ему пару тумачков, был Ливиус.

— Просыпайся, — прорычал мужчина. — Просыпайся и посмотри, во что ты нас втянул.

Мэддокс огляделся вокруг: маленькая темная комнатка и воспоминания о том, что случилось на празднике, всплыли в памяти не хуже ударов.

— Где мы?

— А ты как думаешь, где мы? В темнице дворца.

Он сказал так, словно это был известный и понятный для всех факт, но Мэддокс никогда ранее не был в темнице. Помещение, где он сейчас находился, было темным, вонючим и мерзко сырým до дрожи в теле, с каменными холодными стенами и черной металлической дверью. Но если быть справедливым и честным с самим собой, то в дворце он тоже никогда не был, только видел его на расстоянии, эту массивную и не предвещающую ничего хорошего черную гранитную структуру, возвышавшуюся над землей как гигантский хрустальный осколок, видимую на много — много миль вперед.

— А почему ты тоже здесь? — спросил оторопело Мэддокс.

— Потому что Кена сказал им, что я твой отец. Потому что я, как мог, протестовал против твоего ареста. И вот мы здесь. Из-за твоей дурачности. Все из-за тебя!

Мэддокс открыл было рот, но Ливиус снова резко поднял руку так, будто собирался ударить.

— Хватит. Помолчи. Просто помолчи. Ты достаточно уже сделал сегодня. Теперь уж позволь мне говорить, когда придет время.

— Когда придет время для чего?

— Чтобы представить колдуна, то есть тебя, богине.

Мэддокс внутренне содрогнулся от страха.

— А что если я...

— Заткнись, идиот. Я не желаю даже слышать произнесенное тобой еще одно слово, или я за себя больше не ручаюсь, лично, слышишь, лично вырву тебе язык.

Мэддокс интуитивно сжал губы.

— Ты можешь вытащить нас отсюда с помощью своей магии? — спросил Ливиус, когда между ними повисло молчание на некоторое мгновение.

— Не отвечай ему, не отвечай, он не достоин этого. — ответила Бэка и взгляд Мэддокса метнулся в угол, где она стояла в тени и нервно теребила свое милое ожерелье с розой в руке. — Он же сказал, что вырвет тебе язык, если ты снова заговоришь. Я даже боюсь это представить, а тем более увидеть. Кстати, он безоружен, но все равно опасен, оружие у него отобрали еще на празднике.

Мэддокс был поражен тем, что увидел ее снова так быстро, но именно ее внезапное появление и заботливые слова будто пролили свет в этой мрачной темнице.

— Ты все еще здесь. — сказал он, еле сдерживая улыбку.

— Что? — огрызнулся Ливиус. — Конечно, я еще здесь, ты, тупица.

Бэッカ передернула плечами.

— Я же сказала, что буду охотиться на тебя вечно, разве нет?

Мэддокс проигнорировал своего стража и сконцентрировался на девушке

— Ты сказала, что сделаешь так, если я не помогу ведьме.

Она подошла ближе, обеспокоенно смотря на него.

— На мгновение я подумала, что мне просто снится кошмар, и что я наконец — то проснулась, но это все реально. И ты реален. Он реален... — она взглянула на Ливиуса с кислым выражением лица. — Кстати, он полный отстой. Как ты можешь позволять ему так плохо обращаться с тобой, неужели тебе не надоело и не хочется дать ему хотя бы под зад? Тебе же не пять лет. Ты... ты моего возраста, мне так кажется, по крайней мере.

«Дать ему под зад?». Представив на секунду выражение лица Ливиуса, получающего пинок от Меддокса, он ответил невольным смехом. Да Ливиус не заслужил даже пинка!!!

— Ты говоришь сам с собой. — Ливиус всматривался в него здоровым глазом. — Парень, ты сошел с ума?

— Это было бы неплохим объяснением. — сказал Мэддокс, кивая в знак согласия.

— Или возможно... — Ливиус осмотрел темницу. — Ты видишь здесь духа, не так ли?

— О да, он видит, ты, подонок, — сказала Бэッカ, уперевшись руками в бока. — Клянусь, если бы я могла, я бы так врезала тебе в твой...

— Не вижу здесь никого, кроме тебя. — быстро сказал Мэддокс Ливиусу, прежде чем Бэッカ смогла договорить.

Тот указал на дверь.

— Сломай ее и вытащи нас отсюда.

— Ты же знаешь, я не могу с легкостью контролировать свою магию. И даже если бы мог, то не думаю, что смог бы использовать ее, чтобы взломать тяжелую дверь темницы.

— Если ты контролировал ее на празднике, значит, можешь контролировать и сейчас.

— На случай, если ты удивишься, — вставила Бэッカ, — тот страж очнулся. И скажем прямо, он был действительно зол.

Она одарила его улыбкой, которая исчезла так же быстро, как и появилась.

— Но я не осознавала, что произошедшее повлечет так много проблем. Когда тот страж ударил тебя... — она осмотрела его висок и на ее лице отразилась боль. Он слегка коснулся виска, чувствуя под пальцами запекшуюся кровь. — Я...я думала, они убьют тебя, а все, что я могла сделать — это стоять и смотреть.

— Все же они не убили меня. — «Во всяком случае, пока.» — подумал он.

Она рассеянно играла со своей косой медового цвета, будто не могла держать руки спокойно.

— Тетя когда — то научила нас с сестрой некоторым приемам защиты. Я пыталась пнуть его, но это не сработало. Мои руки прошли сквозь его уродливую рожу. Я так испугалась, что ты умрешь.

Никто прежде не боялся за его жизнь. И его как — то странно порадовало то, что эта загадочная и красивая девушка беспокоилась о нем. Он уцепился за эту мысль.

— Почему тебе напугало, что я могу умереть? — начал он. — Потому что, если я умру, то не смогу тебе помочь вернуться домой?

Ее озабоченное выражение лица сменилось на раздражение.

— Это не то, что я имела в виду.

— Я думал, это все, чего ты хочешь от меня.

Она скрестила руки на ярко-розовой тунике.

— Конечно, все так. Но ты никогда не соглашался помочь мне. Помнишь?

— Если бы я был мертв, я не мог соглашаться с чем-либо. Я просто был бы мертв.

Она бросила на него колкий взгляд.

— Если ты пытаешься шутить сейчас, то я не в настроении смеяться.

Он бросил такой же взгляд в ответ.

— Я не думаю, что это смешно, в общем — то.

Ливиус кисло посмотрел на него.

— Или ты сошел с ума, как ночная птица, или ты разговариваешь с духом в весьма странном дружественном тоне. Так что из двух, парень?

— Сумасшествие или сумасшедшие духи. Ни первое, ни второе не поможет нам сейчас. — Мэддокс наконец оторвал свой взгляд от Бэки и подошел к двери, в которой маленькое, размером с кулак, окошечко позволяло увидеть лишь маленький пролет темного коридора. Он мог слышать стоны других узников.

— Здесь есть дух или нет? — тон голоса Ливиуса стал ледяным. — Ты избегаешь моих вопросов.

Раздражение внутри Мэддокса от того, что он заперт в темнице с двумя самыми раздражающими людьми в его жизни, возросло.

— Я? Ливиус, я избегаю твоих невероятно важных вопросов, которые совсем нам не помогают? Ну что ты, я бы никогда не сделал подобного.

— Ах ты маленький наглый выродыш! — Ливиус схватил Мэддокса и ударил его головой об тяжелую металлическую дверь. Новый взрыв боли пронизал парня. — Да если бы я не появился в твоей жизни, ты был бы никем. У тебя не было ничего. Да вы бы подошли от голода.

— Ошибаешься. Моя мама могла достать нам пропитание до того, как ты появился.

— Ха! До того как она перестала хорошо выглядеть, она зарабатывала свои деньги в основном в постели. Думаю, твой отец был всего лишь очередным заработком на ночь.

От последних слов Ливиуса кровь прилила к сужившимся глазам Мэддокса.

— Моя мать не проститутка!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ливиус оскалился, белые зубы неприятно сверкнули.

— Если веришь в это, то ты еще больший дурак, чем я думал. А как ты думаешь, мы встретились? Она предложила себя мне за две серебряные монеты. Весьма хорошее предложение, подумал я. Она стоила по меньшей мере трех.

Мэддокс яростно смотрел на него и потом, как будто большая невидимая рука отбросила Ливиуса и он отлетел назад, ударившись о каменную стену. Он с трудом вдохнул и схватился за горло.

— Видишь? — сказал Ливиус, кашляя и хрипя, пока приходил в себя от удара магии Мэддокса. — У тебя есть, есть контроль над ней...и намного больше силы, чем я предполагал. Возможно, эта твоя магия не поможет с дверью, но точно сработает на стражниках. Когда они вернутся, сделай с ними то же, что сделал и со мной, только сильнее. Убей их.

Мгновение яростных эмоций вызвали эту вспышку, так же как и на праздновании, но это не означало, что он может сделать это по команде. А ловля теней, его самый простой

тряк, сегодня не работает.

— Даже если бы я мог, — прорычал он, — я бы не стал. Я — не убийца.

Бэка молча наблюдала за всем, затем спросила:

— Какой магией ты обладаешь, что можешь делать подобное?

Его челюсть сжалась.

— Я честно не знаю.

Через несколько мгновений стражи вошли в темницу, и повели Мэддокса и Ливиуса во дворец. Бэка шла рядом с ними, оставаясь все время в поле зрения Мэддокса.

Ему не хотелось показывать ей, насколько ему страшно, поэтому он сконцентрировался на болезненной хватке, в которой стражи держали его руки и примерился к их быстрому шагу, так как местами они буквально волочили его по черному каменному полу. Он пытался вновь использовать свою магию, но страх был единственным, что он ощущал, и это не помогало, а только делало слабее. Наверху, пока они шли к тронному залу, во дворце все казалось высеченным из черного гранита: пол, потолок, стены, лестницы. Здесь не было картин, украшений, статуй или гобеленов. Ничего, что бы делало резиденцию богини или черную сокровищницу Северно — Митиканского пейзажа более привлекательным.

По спине Мэддокса пробежал холодок. Солнечный свет пробивался через маленькие окна на пол высоких и широких коридоров как призрачные копья. Они подошли к большим черным дверям. Два солдата стояли перед ними, каждый открыл по одной половине, впуская узников и их молчаливый эскорт в тронный зал.

— Так, теперь все по-другому... — сказала Бэка напряженным голосом. И это еще было мягко сказано, кстати. Тронный зал был в сотню шагов в ширину и длину, и вдвое больше в высоту, потолок из мозаичного цветного стекла. Пол был сделан из плотно спрессованной земли.

— Богиня земли и воды... — задумчиво выдохнул Ливиус, осматривая комнату с явным настороженным благоговением. — Невероятно.

Это было похоже, будто они вошли в экзотический лес — что-то наподобие далекого и чужеземного, о котором Мэддокс слышал разные истории. Внутреннее тепло нахлынуло на них волнами. Деревья росли из земляного пола, достигая тридцати, нет пятидесяти футов к потолку, густые и ветвистые, с листьями размером с тело Мэддокса. Большие, яркие насекомые с прозрачными крылышками вились и жужжали, кружа в воздухе. Цветы — красные и желтые, с фиолетовыми бутонами, красивые и манящие — росли рядом.

Бэка подошла ближе к одному цветку и хотела понюхать его медовый аромат поближе, но прежде чем она смогла сделать это, его густые лепестки поймали и проглотили пролетающую мимо бабочку, как пасть отвратительного чудовища. «Цветок, поедающий бабочек» — подумал Мэддокс, и у него замутило в желудке. Лучше бы он не знал, чем еще живятся эти растения. Путь из дюжины шагов, пролегающий через цветения жизни и смерти, вел к идеально высеченному черному возвышению. На верху был черный трон из обсидиана. На троне сидела богиня. Валория.

При виде ее у Мэддокса перехватило дух. Слухи о ее красоте были правдивы. Женщина выглядела безупречно, волосы, черные, как смоль, и кожа как светлое золото. Глаза были зелеными камешками изумруда, того же цвета, что и листья и кроны деревьев, окружавших ее. Ее платье, настолько длинное, что спускалось на несколько ступенек, было темно-красного цвета.

Глаза Мэддокса заметили внезапное движение под шелковым шлейфом платья. Затем

он увидел, как нечто выползает из-под него. Он резко втянул воздух.

— Да. — сказала Валория и Мэддокс почувствовал как ее голос пробирает его до костей. — Именно так обычно реагируют мои пленники на Аэгуса. Но не бойся. Он кусает только по моему приказу.

Сердце сильно стучало в груди. Он ранее никогда не видел настоящую кобру. Только в книгах — картинки невероятных существ, найденных в других землях, других королевствах — он встречал таких чудищ. Эта змея была намного больше, чем он мог себе представить, не менее шести футов в длину.

Он слышал, что богиня питала слабость к змеям. Она использовала магию земли, чтобы повелевать созданиями, которые проводят всю свою жизнь, ползая на брюхе в грязи. Ящерицы, жуки, грызуны...но змеи были ее любимыми. Кобра смотрела на него, ее язык быстро мелькал в воздухе, затем она отвернулась от него и медленно, грациозно извиваясь, поползла снова под платье Валории.

— Добро пожаловать в мой дворец, молодой человек. — промурлыкала Валория.

Ее руки, украшенные кольцами и золотыми браслетами, обхватывали подлокотники черного трона.

— Я слышала некоторые интересные истории о тебе.

Он держал свой взгляд прикованным к мшистому полу.

— Единственный вопрос — это правда или нет?

Она встала и медленно спустилась по ступенькам к Мэддоксу, которого силой опустили на колени пред ней. Она взяла его за подбородок, пальцы были такими же холодными, как мрамор, несмотря на тепло комнаты. По его лбу стекал пот, когда он поднял свои глаза, чтобы встретить ее взгляд.

— Ты боишься меня? — спросила она.

«Да, очень-очень боюсь». — подумал он. Но удивился, какой ответ она хочет услышать.

— Нет, моя богиня.

— Хорошо. — улыбнулась она. — Я не хочу, чтобы ты боялся. Я хочу, чтобы мы стали друзьями.

Бэкка стояла в стороне, скрестив руки вместе.

— Я здесь. — прошептала она. — И никуда не уйду.

Удивительно, но несмотря на всю мощь ужасающей магии, Валория не заметила потустороннее присутствие в одной комнате с ними. Присутствие Бэкки рядом помогало ему оставаться храбрым.

— Нам оказана большая честь от встречи с Вами, Ваше Сиятельство. — сказал Ливуис. Он также был поставлен на колени возле Мэддокса.

— Ты — отец этого мальчика. — сказала она.

— Нет, я его лишь охраняю. — отметил Ливуис. — Но он как сын мне.

— Я вижу. — красный подол платья Валории растекался за ней, как неиссякаемый густой поток крови. Ее стражи отступили назад, давая ей возможность двигаться свободно. Большая кобра снова начала сползать по ступенькам, подбираясь к Мэддоксу, ее язык мелькал словно маленький, но смертельный хлыст. Наконец она подобралась к нему, поднялась, раздув капюшон, и уставилась на него.

Если бы Бэкки не было рядом, он бы завизжал как маленькая девченка.

— Не двигайся. — предупредила Бэкка.

«Хорошее предложение» — подумал он. — «Спасибо большое»

— Страх. — сказала Валория с улыбкой в голосе. — Он так вдохновляет, не так ли? Человек видит змею и пугается. Но, поверь мне, змеи не более пугающие, чем другие создания. Укусу кролика может и не хватает смертельного яда, но он может быть таким же глубоким и опасным, как и укус Аэгуса. Но если человек видит что-то приятное, страх исчезает, защита слабеет. Внешность может быть обманчива.

Так же, как и красивая богиня. Она может подчинить себе своих подданных привлекательной внешностью, но каждый знал, что она также смертоносна, как яд в красивой бутылочке. Мэддокс посмотрел на ее руки и увидел символы земли — круг в круге — и воды — параллельные волнистые линии. По одной на каждой ладони, как будто впечатаны в кожу. Она протянула ему свои руки.

— Интересно, да?

— Да, Ваше Сиятельство. — согласился он быстро.

— Я — бессмертное воплощение магии земли и воды. Но ты... Мне сказали, у тебя больше мистические способности. Способности, выходящие за пределы элементарной магии. Ты обладаешь другой формой магии, прежде никогда не виданной в этом мире.

— Расскажи ей. — сказал Ливиус. — Поделись с богиней тем, что ты можешь делать, сынок.

— Нет, не говори ей ничего. — возразила Бэッカ, наклоняясь к нему. — Оставайся безмолвным. Ее стражи собирались казнить ту девочку на празднике только за то, что ее обвинили в использовании магии. Как думаешь, что она сделает с тобой, как только ты покажешь ей, что умеешь?

Трудный вопрос. Стоило ли ему делать то, что вечно оскорбляющий манипулирующий им «папаша» Ливиус говорит? Или сделать, как предложила Бэッカ Хэтчер, красивая девушка, которой его сердце хотело верить всего лишь после нескольких минут?

— Боюсь, здесь произошло недоразумение. — сказал Мэддокс, стараясь прибавить уверенности своему голосу. — Мои искренние извинения, Ваше Сиятельство, но я не тот, кем, вы верите, я являюсь.

— Мэддокс. — проворчал Ливиус. — Ты что говоришь? Моя богиня, он боится. Слова отказывают ему, поэтому позвольте мне рассказать Вам все, что Вы желаете знать о моем юном подопечном.

Она поджала губы и прямо посмотрела на Ливиуса.

— Это правда, что он может вызывать духов мертвых из темноты?

Ливиус кивнул. — Он может.

Ложь. Мэддокс никогда прежде не вызывал духов — во всяком случае, не целенаправленно. Он только мог притянуть дух поближе к себе, который уже находился в мире смертных.

— И он может заключать их в серебро. — продолжал Ливиус. — Он также может обезоружить и удушить человека вдвое сильнее его одной лишь силой своей мысли. Это невероятно.

— Действительно, невероятно. — сказала Валория с возрастающим интересом.

Мэддоксу стало плохо от этих слов, тошнило так, что хотелось вырвать. Открывались его самые сокровенные секреты и он стал ненавидеть все происходящее.

— Единственные ведьмы, которых я знала, все женщины. — сказала Валория. — Но ты определенно не девушка, не правда ли? Меня удивляет, почему ты так отличаешься от других?

По холодному и спокойному тону Валории было понятно, что это не вопросы, скорее ее размышления. Мэддокс не сказал ни слова в ответ.

— Его навещал дух и сегодня ранее, когда мы были в темнице. — сказал Ливиус. — Он довольно долго разговаривал с ним.

Сердце Мэддокса упало, и он обменялся коротким и тревожным взглядом с Бэккой.

— Это правда? — спросила Валория.

— Чего Вы хотите от меня, Ваше Сиятельство? — спросил Мэддокс, избегая разговора с Бэккой. Он, возможно, не сможет ей помочь вернуться домой, но хотя бы попытается защитить ее от этой могущественной богини, которая могла причинить вред. Брови богини поднялись.

— Какая прямота... Какая дерзость... Но мне приятно видеть, что у тебя такой твердый характер. Это начинает удивлять меня.

Он сжал челюсти крепче и изучал землю под ее ногами, ощущая себя бабочкой, которую собирался поглотить один из голодных, плотоядных цветков в этом саду.

— Я хочу мало. — сказала Валория. — Всего лишь две вещи смогли ускользнуть от меня за время моего правления. Я ищу девушку, лет шестнадцати, обладающую огромной магией, но ни одна моя попытка не увенчалась успехом. Возможно, она спряталась на Юге, или в другой стране далеко отсюда. Но именно недостаток сведений и выводит меня из себя.

Найти потерявшуюся девушку? Почему она думает, что он может помочь в этом?

— Что вы хотите от нее? — осмелился спросить Мэддокс.

— Ее магию. — сказала Валория ровно. — Мне нужно найти кое-кого еще, кое — кого, потерянного для этого мира много лет назад. Кто-то украл кое — что очень важное у меня, то, что я хочу вернуть.

— Не знаю, как могу Вам помочь, Ваше Сиятельство.

— После столь долгих поисков, не увенчавшихся успехом, я стала верить, что эта девушка могла и умереть. И если так, я хочу, чтобы ты вызвал ее дух, и она ответила на мои вопросы, помогла в поиске вора. Ты мог бы сделать это, если то, что твой попечитель говорит о тебе, правда.

Что он слышит!? Юная ведьма и вор, достаточно глупые что ли, чтобы украсть у самой богини. И оба как — то достижимы только с помощью магии Мэддокса.

Через густые заросли растений к ним подошел один из воинов, его тяжелые каблуки сапог утопали в мшистой поверхности с каждым шагом.

— Простите, Ваша Светлость, но я хочу доложить, что мы наконец — то поймали того сумасшедшего и бросили его в темницу.

Выражение лица Валории стало суровым, словно никогда и не выражало мягкости.

— Почему ты прерываешь меня сейчас?

— Я хотел, чтобы Вы знали. Он больше не беспокоит дворец.

— А как насчет тебя? — резко спросила она у воина. — Ты будешь беспокоить?

— Нет, Ваше Сиятельство. — он поклонился так низко, что его лоб коснулся маргариток, пока он пятился назад.

Валория помолчала немного, прежде чем повернулась, поднялась по ступенькам и снова села на трон. Змея, Аэгус, прополз по ее юбкам и устроился на коленях. Она рассеянно погладила его по голове, пока рассматривала Мэддокса, оценивая с ног до головы.

— Говори. — наконец велела она. — Скажи, что тебе оказали честь, предоставив возможность помочь мне.

Но Ливиус заговорил первым.

— Он в Вашем распоряжении, как и я, моя богиня. Как и все, что мы можем сделать. Чтобы Вам не было необходимо, мы — Ваши самые преданные слуги.

Ее глаза сузились.

— Я говорила с молодым человеком, не с тобой.

Ливиус склонил голову.

— Мои покорнейшие извинения...но будет намного лучше, если Вы возьмете мое слово относительно способностей парнишки. Он всего лишь молодой глупец, который нуждается в моей постоянной помощи. Я признателен за каждый день, когда был в состоянии сопровождать его, в то время как сам он глупый, безответственный и, честно говоря, если не учитывать его магию, то совершенно бесполезный. Я помог наполнить его жизнь смыслом, дать что-то, за что он мне должен быть безмерно благодарен. Мы здесь, чтобы служить Вам, Ваше Сиятельство. Уверяю Вас, это правда.

Повисло еще более неловкое молчание, когда Валория смотрела в упор на Ливиуса. Затем она подняла голову Аэгуса и что-то ему прошептала, прежде чем поцеловать в чешуйчатую голову.

Змея сползла с колен, затем по ступенькам вниз, направляясь к Ливиусу.

— Это весьма великолепная змея. — сказал Ливиус напряженным голосом.

— О, да. — согласилась богиня. Ее глаза стали ярче, как будто в них зажглись изумрудные искорки.

Аэгус поднялся, надул свой капюшон, качая головой вперед и назад, будто прислушиваясь к еле слышной мелодии. В считанные секунды перед глазами Мэддокса змея выросла втрое больше своего привычного размера.

Ливиус затаил дыхание, когда гигантская змея поднялась по его коленям, обвила плечи и вонзила свои зубы ему в шею. Он закричал и начал отбиваться от хладнокровного животного, прежде чем его глаза закатились и он упал на бок, сильно дергаясь.

Кобра отцепилась, уменьшилась до своих прежних размеров и вернулась на колени к хозяйке. Валория погладила Аэгуса по голове, как гладят котенка.

— Этот человек сильно раздражал меня. А мне это совершенно не нужно.

Мэддокс знал, его колени откажут ему на месте, где он стоял. Зрение поплыло, пока он смотрел, как стражи уносят уже мертвое, но все еще бьющееся в конвульсиях тело Ливиуса.

Бэкка зажала обеими руками рот, как будто подавляя крик. Ему хотелось встать и сделать что-то, сказать что-нибудь, чтобы успокоить ее. Но он не смел даже шевельнуться.

— Эта женщина — воплощение зла. — голос Бэкки дрожал. — Она — убийца.

Однозначно, она пришла из места, далекого от Митики. Хотя Мэддокс был потрясен тем, что увидел здесь, внезапная и жестокая смерть была здесь нормой. Ожидаемой действительностью. Каждый день и каждый миг. Выживание непосредственно зависело от того, что ты всегда начеку.

— Хотел бы, чтобы я сохранила жизнь твоему сторожу? — спросила Валория, изучая его с безмятежным видом.

— Нет. — ответил Мэддокс глухо.

— Ты ненавидел его. Я видела это в твоих глазах всякий раз, когда он открывал рот.

Он судорожно выдохнул.

— Он не был добр ко мне.

— Теперь его нет и ты свободен от тех неприятных моментов, за которые он в ответе.

Мэддокс удивился, ожидала ли она благодарности.

— А сейчас, — сказала она, — ты ответь мне. Ты можешь помочь вызвать духа молодой ведьмы? Правда ли все то, что было рассказано о твоей магии?

Он быстро соображал, как получше ответить на ее вопрос.

— Духи... они притягиваются ко мне, — начал Мэддокс. — Но в отличие от того, что утверждал Ливиус, я целенаправленно никогда не вызывал их из мира духов. Но те духи, которые находятся вблизи, находят меня сами. И да, я могу ловить их, когда они подходят. Но это действительно все, что я знаю о своей магии.

Он предпочел не утверждать, что смог сразить человека на расстоянии, если для этого причины были более чем достаточные.

Богиня осмысливала услышанное в молчании.

— Как ты думаешь, ты смог бы призвать дух ведьмы, если бы попытался?

— Скажи «да», — настаивала Бэка. — Она не хочет другого ответа. Мы можем разобраться с этим позже. Я имею в виду, мы даже не знаем, мертва ли девушка.

Он медленно кивнул.

— Да, Ваша Светлость. Конечно, я могу попробовать.

— Хорошо. Я дам тебе отдохнуть до завтра и восстановить свои силы, а потом ты сделаешь, как я прошу.

— Да, но...простите, моя богиня, но что случится, если у меня не получится? — осмелился он спросить.

— Если у тебя не получится, мне от тебя в дальнейшем нет никакой пользы. — она улыбнулась, пока продолжала гладить Аэгуса по шершавой голове. — И ты последуешь за своим охранником в могилу.

Кристал

Когда Крис требовалось время подумать, она уходила в ванную проявлять пленку. Что-то в этой темной комнате, пока она соединяла проявитель, стоп-ванну, фиксаж, да и если быть до конца честной, то все эти хитрости при точно рассчитанном времени, а именно моменты извлечения пленки из емкости, сматывания в рулон в полной темноте, помещения ее в катушку и прочее, помогали прояснить мысли.

Сегодня она проявила двенадцать рулонов пленки и напечатала любимые фотографии.

Отвратительный старик, за которым она кралась, чтобы сфотографировать, получился великолепно на снимке, как будто девушка знала, что так и получится. Она решила назвать его Ральф. Сердитый Ральф. Имел ли Ральф малейшее представление о том, каким интересным было его лицо в тот момент? На последнем снимке, сделанном на этой пленке, была сфотографирована Бэкка, прямо перед тем самым моментом, когда книга все изменила. Он был слегка расплывчатым, так как сестра двигалась, пытаясь закрыть лицо, прежде чем Крис смогла щелкнуть затвором.

Темно-голубые глаза Бэки — на черно-белой пленке темнели угольками — вспыхнули от раздражения, и половина ее лица была в тени. Толстая светлая коса взметнулась тогда, как вспышка молнии. Она выглядела так, словно могла покорить мир.

«Хватит смотреть на мир сквозь этот объектив», — казалось, говорила Бэкка. — «И поговори со мной. Снова стань мне другом, а не незнакомкой. Прекрати отталкивать меня. Ты нужна мне.» Чувство вины захлестнуло Крис. Почему она сейчас не в больнице? Почему она теряет время здесь, когда должна быть возле сестры?

Девушка быстро навела порядок, так как эта комната также была семейной ванной, и Крис знала, что не может держать свои реактивы в ванной. Затем она направилась в больницу.

Оказалось, что Крис не единственная, кто подумал об этом. Она зашла в комнату и увидела, что мама подставила стул к кровати Бэки. Джулия собиралась почитать ей книгу — одну из любимых книг младшей дочери, четвертое издание «Убить пересмешника». Если бы у них было первое издание, определенно она бы держала его под стеклом, чтобы сохранить ценность. Крис читала эту книгу по меньшей мере раз пять в те времена, когда являлась таким же ненасытным читателем, каким стала Бэкка сейчас. Она прекратила читать в свободное время после ухода отца, ассоциируя его с их магазином, так как он всегда находился в нем от открытия и до закрытия.

«Как глупо бросать любимое занятие только потому, что тот, кого люблю я, ушел от нас!»

— Ты покормила Чарли? — спросила мама вместо приветствия.

Крис не разговаривала с ней с субботы. Она не сказала ни слова о том, что ходила в галерею, ощущая необходимость сохранить весь разговор с отцом в секрете.

— Да. — кратко ответила она. — У него пиршество на несколько дней. Он будет толстеньким и хорошеньким.

— Четверть мисочки в день — вот его норма для этого возраста.

— Да я шучу, конечно. — Крис вздохнула и посмотрела на бледное лицо Бэки. Глаза

сестры были закрыты сегодня, поэтому Крис попыталась убедить себя в том, что ее сестра просто спит.

— Есть какие — нибудь изменения?

— Нет.

Крис пыталась внушить Бэкке, чтобы та очнулась. Пусть бы она широко открыла свои глаза цвета индиго, провела руками над головой и спросила:

— Почему все такие обеспокоенные?

Но нет, она продолжала неподвижно лежать. Эта книга — чем бы она там ни была, ввела сестру в такое состояние. То есть сделала что-то, отчего та часть Бэкки, которая делала ее Бэккой, исчезла из этого мира, оставив здесь только оболочку.

— Что это было, мам? — спросила Крис.

Та положила книгу и посмотрела на дочь устало.

— Было что, Крис?

— Та книга.

Джулия Хэтчер напряглась и встала. Она прошла к окну и отодвинула занавески, чтобы посмотреть на облачное небо, серые стены высоких городских зданий и людей, спешащих по тротуарам внизу, так похожих с высоты на муравьев.

— Даже не упоминай об этом здесь. Кто-то может услышать.

У матери был талант вызывать раздражение в Крис, как у медиума — блуждающих духов.

— О, да, ты права. Конечно, кто-то может услышать, как я говорю...о книге! Уверена, подобный разговор поразит любого. Какая же странная тема для разговора между владелицей книжного магазина и работающей там же дочерью.

— Тебе лучше поехать домой.

— Но я только приехала.

— Крис, пожалуйста... Я устала...

— Но я просто хочу понять, что происходит. Ты точно знаешь больше, чем говоришь. Что с Бэккой?

— Я не знаю.

— А я не верю тебе!

Мама вздохнула с раздражением.

— Мне кажется, тебе нравится изводить меня. Ты любишь спорить также, как твой отец.

При этих словах Крис больше не смогла сдержать встречу с ним в секрете. В противном случае, она бы просто взорвалась, а здесь это было бы не очень красиво. Поэтому она подтянула очки повыше на нос и просто сказала:

— Я вчера разговаривала с ним.

В ту же секунду в комнате похолодало градусов на десять, когда Джулия повернулась к дочери.

— Ты что сделала!?

Крис ненавидела образовавшийся в горле комок. Она хотела быть сильной, чтобы противостоять в этом разговоре.

— Почему ты не сказала, что он еще в Торонто?

— Поверить не могу. — мама потерла лоб, будто у нее начиналась мигрень. — Ты подслушивала наш ночной разговор с Джеки?

— Нечестные методы, мам, я знаю. Но иногда они необходимы.

— Замечательно. Да, ваш отец в Торонто, но он может быть и за множество миль отсюда. Он не хочет видеть тебя или Бэкку...

— Перестань, я видела его! Мы встретились вчера в художественной галерее.

Мама уставилась на нее, и ее лицо стало таким же бледным, как лицо Бэкки.

— Не знаю, что сказать тебе на это. У меня нет слов.

— Зато у меня есть. И много. — наружу вырвался гнев, горячий, словно внутри у нее жгло маленькое солнце. — Ты поставила ему ультиматум. Именно ты заставила его выбирать между нами и этим обществом.

— Да, заставила. — сказала Джулия, вздергивая подбородок. — А он сделал неверный выбор.

— Но почему он должен был выбирать? Разве нельзя...

— Нет, он не мог быть с нами и с ними одновременно. — прервала она Крис резким тоном. — Ты не представляешь, во что сунула свой нос, юная леди. Не имеешь ни малейшего представления.

— Правда? Это я не имею? — Крис указала на Бэкку. — Я, я была там, когда все произошло! Не ты! И я прекрасно понимаю, что происходит что-то ненормальное, о чем ты знаешь, но не говоришь мне ни черта!!

— Следи за языком. — прогремела мама. Но если она хотела, чтобы Крис была чопорной и приличной леди, которая никогда не ругалась, то они жили не в том столетии. — Какой ложью отец забил тебе голову, Кристал? Он пытался настроить тебя против меня?

— Нет. Но сейчас, когда я услышала и его версию произошедшего, я удивляюсь, не лучше бы мне было жить с ним.

Мама побледнела как мел.

— Через мой труп. Если бы ты знала правду о нем...о нас...

— Старо предание, да верится с трудом, мама. Правда лежит в том, что я пытаюсь раскопать. — Крис рассмеялась сухим, горьким смехом, в котором совсем не было веселья. — Неужели тебя заботит, останусь ли я? Да ты едва замечаешь меня. Ты даже не заметила, что я изменила прическу.

— Конечно я заметила. — мама потрясла головой. — Ты иногда бываешь такой глупой. Чертовски глупой.

— Следи за языком. — ответила Крис, подражая матери, так как ее слова были словно удар под дых. — А знаешь что? Пусть будет так, хорошо. Тебе не надо мне что-то рассказывать. Я узнаю все сама и без тебя. Может быть...хм, не знаю... От этого могущественного лидера загадочного общества отца? От самого Маркуса Кинга?

На этот раз дернулась Джулия, словно от толчка. Ее глаза расширились.

— Нет, Крис. Ни за что. Я запрещаю тебе когда — либо встречаться с этим человеком.

— А, хорошо, если уж ты запрещаешь. — Крис пожала плечами, выдавив из себя улыбку. — Понятное дело, я доверяю тому, что ты говоришь мне, раз уж ты мне так много поведала. Клянусь, я впредь никогда не буду пытаться сделать то, что могу, чтобы получить ответы, которые ты не хочешь мне дать.

В мгновение лицо Джулии Хэтчер из белого стало ярко-розовым. У нее дрожали руки.

— Тебя невозможно урезонить.

Крис указала на себя.

— Это меня невозможно урезонить?

— Оставь все это, Кристал. Предупреждаю тебя.

— Или что?

— Мне... мне нужно подышать свежим воздухом. — Джулия направилась к двери и, не взглянув больше ни разу на Крис, вышла из комнаты.

Крис смотрела перед собой, онемев от злости, чувствуя желание выйти за ней и продолжить спор, заставить ее раскрыться. Заставить ее говорить и поделиться всем, что она знала. Заставить маму доверить ей правду. Но нет. Так было всегда. Мама никогда ей ничего не доверяла и не рассказывала.

Она опустилась на брошенный стул и уставилась на лицо Бэки, практически такое же белое, как и больничные простыни, окружающие ее. На мониторе мелькала частота пульса, сопровождаемая мягким непрерывным гудком. Крис потянулась и взяла сестру за руку, на ощупь рука была холодной.

На глаза нахлынули непрошеные слезы, в глазах пекло, но девушка приказала себе не плакать. Она отказывалась чувствовать себя беспомощной, абсолютно одинокой и безнадежной.

— Пожалуйста, Бэка, вернись. — прошептала она. — Мне очень жаль, что в последнее время я вела себя так низко с тобой. Я не этого хотела, правда. И виновата во всем не ты, а я. Знаю, звучит это как то, что ленивые люди говорят в извинение, но это правда. — она вдохнула судорожно. — Я всегда думала, что буду ненавидеть папу вечно и что если когда —нибудь увижу его снова, то выплесну это ему в лицо. Но вышло все наоборот. Он не хотел уходить от нас. Мама заставила его сделать это. Он сказал, что в своем обществе он делает что-то хорошее для всего мира. И что это значит? Что Маркус какой — то святой, помогающий людям в нужде? Сможет ли он помочь тебе?

Грудная клетка Бэки поднялась слегка, и мягкий выдох скользнул по ее губам, более бледным чем обычно. Сердце Крис пропустило удар, надеясь, что это будет тот самый драматичный момент, о котором она мечтала, когда Бэка откроет свои глаза. Она крепче сжала руку Бэки.

— Если ты слышишь меня...открой глаза. Проснись, сейчас. Пожалуйста.

Еще один вдох дал Крис раздражающую вспышку надежды, но ресницы Бэки не шевельнулись ни разу. И ее глаза не открылись. Пальцы не сжались и не обхватили пальцы Крис крепче.

Зазвонил телефон, его пронзительный звук врезался в Крис, как стрела. Она подпрыгнула, обернулась в поисках источника шума и увидела телефон матери, запавший за сиденье стула сбоку. Крис посмотрела на дисплей, затем ответила, пока он не перешел в режим голосового сообщения.

— Джеки. — выдавила она, словно у нее перехватило в горле.

В трубке повисла длинная пауза.

— Крис? Это ты?

— Да, это я.

— Рада слышать твой голос, детка. Где мама?

— Она вышла подышать свежим воздухом. Мы в больнице.

— Бэка... — голос Джеки прервался, затем стал очень мягким. — Как она?

— Без изменений.

Джеки выругалась про себя.

— Я не представляла, что книга подействует на нее — или вообще на кого-либо — подобным образом. Зачем я отправила ее прямо в магазин? Я не считала ее... Я не думала, что...

— Что это было, Джеки?

Вместо того, чтобы избежать этой темы или сменить ее, как это делала мать, Джеки вздохнула.

— Что тебе уже известно?

— Не много, спасибо маме. Она не хочет, чтобы я узнала что-нибудь.

— Конечно, она не хочет. Она защищает тебя.

— От чего? Все, что я знаю это то, что папа является членом секретного общества, странная старая книга повергла мою сестру в кому, а босс по имени Маркус, которого вы, кстати, считаете монстром, находится в центре всего этого.

— Крис...

— Даже не пытайся напутствовать меня, типа я должна обо всем этом забыть, Джеки. Я не отступлюсь. Я, как питбуль, вцепилась в это. Буду цепляться и не отпущу, пока не доберусь до правды. До всего, что мама умалчивает от меня — о папе, о книге, обо всем.

— Не все питбули такие, знаешь. Все дело в воспитании. Такая хорошая метафора, когда я раздумываю о том, что ты сказала.

— Ты меняешь тему. Ты — как мама.

Джеки вздохнула.

— Как ты смеешь!

Она сказала это так театрально, в такой добродетельно — жизнерадостной манере Джеки, что все между ними снова наладилось. Джеки и Джулия отличались друг от друга, как Крис — от Бэки.

— Послушай, сладенькая, я не во всем согласна со своей старшей сестрой. Ты больше не ребенок. Ты — молодая девушка, и, честно говоря, я считаю, что ты во многом можешь нам помочь.

— Помочь в чем?

— В моем плане уничтожить Маркуса Кинга. — последовала многозначительная пауза и Крис не была уверена, настроена Джеки серьезно или это очередной театральный выпад. — Это прозвучало слишком мелодраматично, правда?

Крис пыталась остаться спокойной потому, что это действительно прозвучало как призвание воина из книги, идущего на сражение с драконом.

— Ну, если верить папе, то Маркус — из хороших парней. Он основал свое общество, чтобы помочь спасти мир.

— О Боже мой! Пристрелите меня! Ты говорила об этом с отцом?

— А-га. Но не беспокойтесь. Я не сказала ни слова о Бэкке или книге.

— И что этот болван наплел тебе?

— Джеки... — Крис неожиданно рассмеялась.

— Ладно, ладно. Прошу прощения, что сказала это вслух. — произнесла Джеки. — Но он — болван, и я еще мягко выражаюсь на своем языке. Он сказал тебе, что Маркус — пай — мальчик, так?

— Да. Только не такими словами.

— Не удивлена, он все еще полностью поглощен в команде Маркуса, но он ошибается. Поищи «зло» в словаре и там ты увидишь лицо Маркуса. — она замолчала на мгновение. —

Я знаю, твоя мама тоже иногда глупит и мы не всегда соглашаемся — скажем так, по меньшей мере. Но поверь мне — она чудит только потому, что любит тебя. Она хочет защитить тебя от этого.

«Поверь мне».

— Если ты хочешь, чтобы я доверяла тебе, расскажи мне все, что ты знаешь о книге. Что это за книга? Откуда она? И почему вы считаете, что Маркус так хочет ее заполучить?

Крис потянулась к руке Бэки снова, прижимая телефон к плечу.

— Много рассказывать, а времени на рассказы нет.

— Это мне не особо помогает.

— Ты — умная девочка, знаешь?

— Унаследовала эту черту от любимой тетушки.

Джеки рассмеялась, ее смех был искренним и глубоким.

— Слушай, я пытаюсь вернуться в Канаду, но у меня есть небольшие проблемы с выездом из Парижа.

— Какие проблемы?

— А — а, скажем так, меня разыскивают некоторые влиятельные люди.

Брови Крис взметнулись вверх.

— Потому что ты украла книгу?

Повисла небольшая пауза.

— Потому что я много чего украла. Некоторые из этих вещей ценнее, чем другие. Оставайся в школе, милая. Получи хорошее образование, и ты не закончишь, как твоя сумасшедшая тетка.

— Слишком поздно для подобного совета.

Джеки застонала.

— Еще один пункт для детального обсуждения, когда я наконец перетащу свой зад через океан. А я это сделаю. Тем временем — и знай, что я теперь в трудном положении, так как твоя мама убьет меня, если узнает, что я втянула тебя в это — тебе необходимо сходить завтра к одному человеку, которого зовут Др. Урия Вега. Он — профессор антропологической лингвистики в университете Торонто и мы старые знакомые. Упомяни ему мое имя и скажи, что я просила дать тебе полную информацию о книге. Он поймет, что рассказать тебе, чтобы прояснить несколько вещей. Иди после обеда, так как у него занятия утром.

Имя и место. Это была лучшая ниточка, за которую она могла взяться.

— Спасибо. — сказала Крис. — Сделаю это.

— Эй...помнишь, я давала вам с сестрой уроки по самозащите? — спросила Джеки.

— Это вроде было прошлым летом. — и действительно это было так. — А что? Они мне понадобятся?

— Этого никогда не знаешь. Просто помни мой урок номер один, потому что он самый важный и самый полезный из всех. — она снова громко выругалась. — Прости, мне нужно уходить. Я снова позвоню, как только смогу, хорошо?

Но Крис не могла вспомнить, какой урок был первым. В этот момент все, что она могла вспомнить, это колено в пах и палец в глаз, как одни из самых эффективных методов противостояния нападающему. «Что за первый урок?»

— Подожди, Джеки...

Но связь уже прервалась и Крис недоверчиво уставилась на трубку. Через несколько

минут вернулась Джулия и остановилась в дверях.

— По — моему, я слышала, как ты говорила по телефону? Кто это был?

— Джеки. — ответила Крис приглушенным тоном. — Но сейчас связь прервалась.

Мама вырвала телефон из ее руки и посмотрела на дисплей с тревогой.

— Что она сказала?

— Не доверять никому, кроме тебя и нее.

— Хороший совет, кстати. — сказала Джулия, хотя то, как она смотрела на Крис, подсказало, что она подозревала, что Джеки могла поведать что-то тайное Крис. — Поехали домой. Мы больше ничего не можем сделать для Бэки сегодня.

Мама взяла ее за руку и Крис не протестовала и не пыталась вырваться. Они в основном не ладили, но Крис всегда считала, что по меньшей мере знает свою мать. Джеки сказала, что мама скрывает правду просто потому, что любит ее. Но Крис теперь удивлялась: была ли это любовь? Было ли это доверие?

Честно говоря, она не была уверена, кем эта женщина, выводящая ее из палаты Бэки и садящаяся на парковке в серебряную Мазду с открывающейся вверх задней дверью, была на самом деле. У Джулии Хэтчер было больше секретов, чем Крис могла бы разгадать.

Что ж, в эту игру могут играть и двое.

Фаррелл

Фаррелл пытался читать, пока ожидал звонка от Лукаса. Он купил полную серию комиксов «Ходячие мертвецы», но понял, что пролистывание мелькающих образов зомби и изобилие крови, прочих внутренностей, страшных историй вовсе не отвлекало его.

— Фаррелл... ты занят?

Он взглянул на дверь и увидел Адама, застывшего на пороге. Тогда он отложил книги на кровать и закинул руки за голову расслабленно.

— Входи, входи.

Адам присел на край кровати, посматривая на книги.

— «Ходячие мертвецы»?

— Можешь взять.

— Ты уже прочитал их?

— Эти две.

Он подтолкнул первые две к брату, Адам сразу же схватил их, уставившись с интересом на обложки.

— Впечатляюще. — прокомментировал Адам. Спустя минуту он оторвался от пролистывания книг и посмотрел на брата. — Слушай, я знаю, что утром я вышел из себя и выплеснул все на тебя. Извини.

Фаррелл нахмурился.

— Погоди. Ты сейчас правда извиняешься?

— Я много думал о том, что случилось в субботу ночью и ..., понимаешь, я просто был просто в шоке. Вот и все.

— Я знаю.

— Я совсем не ожидал такого, особенно того, что я буду лично участвовать в этом так близко, на сцене. Но тот парень был опасен. Если бы мы отпустили его, он бы ушел и стал причиной смерти многих — многих людей. Если бы он сел в тюрьму, то, скорее всего, просидел бы там недолго. Другого ответа нет.

Но все еще его лицо оставалось бледным и напряженным от такого сурового понимания.

— Я тоже прошел через это, малыш. Так же как и ты.

Фаррелл потянулся вперед и взял брата за плечо.

— И тебе не нужно извиняться предо мной за что-то. Никогда. Хорошо? Мне тоже следовало проявить больше понимания.

Адам моргнул удивленно.

— Ух ты! Это что, сентиментальная братерская минута? Теперь нам нужно нежно обняться?

Фаррелл рассмеялся.

— Я не обнимаюсь по своей воле, особенно с семьей.

На губах Адама заиграла мальчишечья улыбка, и Фаррелл понял, что она была искренней.

Зазвонил телефон, прерывая редкий мирный момент между братьями. Звонил Лукас.

— Мне нужно ответить, братишка. — сказал Фаррелл, поднося телефон к уху.

— Слушаю.

— Время пришло. — сказал Лукас.

Фаррелл прикрыл динамик рукой.

— Адам, может ты возьмешь все книги? Они мне скоро не понадобятся.

— Правда? Спасибо.

Адам собрал книги и направился к двери. Он замешкался на мгновение в дверях, как будто собирался что-то сказать. Но, передумав, вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

— Значит, время пришло? — спросил Фаррелл. — Как загадочно! Есть ли у вас секретноежатие рук, которое мне следует запомнить, прежде чем я выйду из дома?

Лукас коротко рассмеялся.

— Шутишь, как всегда. Но я бы придержал немного эту тенденцию на твоём месте. У Маркуса... прямое чувство юмора.

Что бы это значило?

— Буду вести себя очень смиренно, торжественно обещаю. — сказал Фаррелл.

— Тебе не о чем беспокоиться.

— Ты слышишь беспокойство в моём голосе?

— На твоём месте я бы беспокоился. — и Лукас сказал ему, где они должны встретиться через пол часа.

Фаррелл покинул особняк и направился с водителем к месту встречи, которым оказался огромный собор в западной части города; он казался похожим на дворец с высокими шпилями, башнями и застывшими стеклянными окнами, сверкающими, несмотря на уходящий день.

— Мне подождать вас здесь? — спросил Сэм, его водитель.

Фаррелл очень пытался не испытывать симпатии к нему, или узнать его получше. Сэма, которому было приблизительно двадцать пять лет, приняли на работу временно, пока Фаррелл был лишен водительских прав. Но ему вернут его Порше последней модели в тот момент, когда юристы утрясут эту ситуацию и тогда Сэм будет не более чем далекое воспоминание.

«Не води дружбу с прислугой». — настойчиво повторяла ему мать лет десять назад, когда застала его играющим с ребенком горничной. Но Сэм во многом помог за последние несколько месяцев, и было тяжело думать о нем не как о друге, а просто о постороннем, которому его родители платили за то, чтобы он везде его возил. Фаррелл улыбнулся, вспомнив их разговор недавно.

«Вы думали когда-нибудь о том, чтобы не пить? — спросил Сэм, остановившись на обочине и ожидая, пока Фаррелла не перестанет тошнить.

— Я подумывал об этом. — ответил Фаррелл, вытирая рот. — И...нет.

— Я так, просто спросил. — Сэм улыбнулся и покачал головой. — Это же ваше печенье.»

Сэм был дружелюбен, надежен и даже больше, вытаскивал его из различных трудных ситуаций. Фаррелл ценил это больше, чем мог высказать вслух.

— Нет, Сэм. Не беспокойся и не жди меня, так как я не имею ни малейшего представления, насколько задержусь. — сказал Фаррелл. — Иди, поужинай где-нибудь, а я позвоню, когда освобожусь.

Не опоздав ни на минуту после отъезда Сэма, рядом с Фарреллом на тротуаре появился Лукас. Он протянул ему руку, приветствуя, и Фаррелл сжал ее в ответ.

— Готов к встрече? — спросил Лукас.

— Да, черт возьми. — Фаррелл изучал взглядом замысловатое здание и указал на него.

— Может, мне нужно исповедоваться во всех своих грехах вначале? Признаюсь, давно не исповедовался и несколько грехов у меня поднакопилось.

Лукас ухмыльнулся.

— Следуй за мной.

Он повел Фаррелла к тыльной стороне собора, где обнаружился вход, напоминающий вход в метро, только неотмеченный и заблокированный строительной лентой и деревянными досками. Он отодвинул панель, за которой оказалась опускающаяся дверь.

— После Вас. — сказал Лукас, поднимая дверь.

Заинтригованный, Фаррелл приподнял бровь.

— Там внутри темно.

— Конечно. Очень темно. — Лукас терпеливо ожидал, будто бросал невысказанный вызов. «Ты трус, Грейсон? Или ты стоишь чего-то?»

— Пошли. — пробормотал Фаррелл, затем ступил через дверь в крошечную темноту, пытаясь нащупать ступеньки. Он натолкнулся рукой на холодную бетонную стену, когда начал спускаться. Дверь вернулась на место, и Лукас спустился за ним.

— Мне нужно несколько секунд, чтобы адаптироваться к темноте. — сказал Лукас. — Затем я быстро проведу нас в назначенное место.

— Да, конечно. Моим глазам тоже необходима минута.

— Но не так, как моим. Во всяком случае, пока.

— О, я люблю, когда ты говоришь загадками. Это меня раздражает. — Фаррелл продолжал спускаться по лестнице, двигаясь медленно, чтобы не упасть и не подвернуть лодыжку. Наконец он дошел до чего-то, что определенно можно было назвать первым этажом. Он видел отблеск флуоресцентного света примерно в пятидесяти шагах впереди и последовал за Лукасом в том направлении.

— Итак, сколько человек входит в этот круг? — спросил Фаррелл, пытаясь начать беседу, чтобы отвлечь самого себя от всяких мыслей и предстоящей неизвестности в конце пути перед ним.

Лукас покачал головой.

— Я не могу посвятить в детали, пока тебя официально не примут.

— И что произойдет потом? Я получу приз? Тату на груди... я не знаю, ну что там еще... может ястреба и копьё?

Перспектива получить очередную татуировку не волновала его. У него уже было две. Одна — цитата из его любимого корейского боевика (на корейском, конечно) — «Свет-жизнь. Тьма-смерть.» — на левом боку над ребрами. И на внутренней стороне бицепса правой руки он вытатуировал корону, напоминая себе, что он — властелин собственной жизни, и никто его не контролирует.

— Никаких тату. — ответил Лукас. — Сам увидишь.

— Ты так мне помогаешь. Во всяком случае. — начал Фаррелл, игнорируя то, что Лукасу запрещено отвечать на его вопросы. — кто вошел в круг первым? Ты или Коннор?

— Я. Меня пригласили за два месяца до Коннора. И кстати, это я предложил его, но Маркус уже фактически сам рассматривал его кандидатуру.

— Он нормально справился с этим? Тем, что его вот так выбрали?

— Я думал, да.

— Он стал настоящим придурком перед... — Фарреллу пришлось заставить себя сказать это вслух. — перед своей смертью. Он очень изменился, стал противоположным тому, каким был до этого.

— Правда? Я не заметил ничего.

— Да, он из чудесного парня превратился в полного идиота. Могло ли на это повлиять посвящение в ваш тайный круг? Сделали ли там что-нибудь с ним?

— Например, что? — Лукас искоса поглядывал на него. — Заставили его убить себя? Ты на это намекаешь?

— Ты прав. Это не имеет смысла. Я просто пытаюсь выяснить.

— Поверь мне, Фаррелл. Никто из нас не хотел больше чем я, чтобы твой брат жил дольше. Я был его лучшим другом. Но я не увидел никаких изменений, даже когда Малори порвала с ним. А если бы я заметил что-то, я, черт возьми, сделал бы все, слышишь, все, чтобы остановить его.

Эти слова, именно эти слова Фарреллу было необходимо услышать от Лукаса. Но тон, каким он говорил, был ровным. Лукас говорил без единой эмоции, как будто ему было все равно. Как будто сказал это, делая одолжение и чтобы Фаррелл замолчал. Ужасная мысль прокралась Фарреллу в голову. «Ты причастен как — то к смерти моего брата, Лукас?»

— Я полагаю, ты и я могли бы стать друзьями, тем более что вскоре у нас будет больше общего. — добавил Лукас. — Что интересно, я всегда считал тебя придурком.

— Взаимно. — Фаррелл не знал, как понимать этот разговор, но знал, что не хочет отталкивать Лукаса далеко. Лучше будет подружиться с ним, чтобы добраться до реальных событий в последние дни жизни брата. Ему требовалось вытрясти правду — если и была хоть какая —нибудь правда, о которой ему могли рассказать — из этого парня так непринужденно, как он только мог. — Но мне нужны друзья по жизни. Я практически сбежал от людей, чтобы позаплетать косички и потолковать с забавными парнями.

Они оба рассмеялись, Фаррелл пытался, чтобы его смех звучал, как можно более естественно, пока они двигались по лабиринту тоннелей. Проходы теперь были освещены, но все же намного слабее, чем в тоннелях под рестораном, ведущим к театру Маркуса.

— А эти все тоннели связаны? — спросил он.

— Я не знаю. Возможно.

Фаррелл пристально посмотрел на него, получив еще один не — ответ.

— Как насчет того, что я задам все эти вопросы уже после того, как меня примут?

В бледном свете он увидел, как дернулись губы Лукаса.

— Хорошая идея.

Они прошагали в тишине какое-то время, Лукас шел впереди по тоннелям, становившимся то уже, то шире, затем все уже и уже с каждым поворотом. Наконец Фаррелл решился заговорить снова.

— Дашь какой —нибудь совет по поводу моей встречи с Его Величеством?

— Конечно. Будь честен. Отвечай на его вопросы честно, и только честно. Он узнает, если ты солжешь.

— Хм, не знаю. Обычно я вру очень убедительно.

— Он узнает. Также будь честен с тем, чего ты хочешь. Если ты не хочешь входить...

— Хочу. — перебил Фаррелл, прежде чем Лукас смог закончить предложение. Провал был не для него. Он зашел так далеко и отказывался уйти, не будучи принятым в круг. Каждый шаг, сделанный им, был похожим на то, что делал его брат. Так или иначе, Фаррелл

поставил цель выяснить правду.

Лукас передернул плечами.

— Тогда я не вижу проблем.

Фаррелл рассеянно повертел золотой знак общества, который он приколот к лацкану голубой рубашки под кожаным пиджаком. Невероятно, но тайный круг существовал годами, и все же он ничего не слышал о нем до субботней ночи.

— Как долго он присматривался ко мне?

— Год. — ответил Лукас.

«С тех пор как не стало Коннора.» — подумал Фаррелл. От этой мысли мускулы на его лице дернулись, но также всплыл другой вопрос.

— То есть я займу место брата?

— Я тоже так думал вначале, но однозначно, нет. Маркус верит, что видит в тебе что-то особенное.

Фаррелл обдумывал такой ответ. «Особенное, значит?» Это стало бы новостью для его матери.

— Что в нем привлекает тебя? Что ты имеешь из этого, являясь членом круга Маркуса?

— Я служу Маркусу. — сказал Лукас так, словно это было очевидным.

— И все? А почему не работать в клубе Red Lobster тогда? Поменьше крови и смерти, которые нужно убирать. Больше чаевых, кстати.

Зубы Лукаса сверкнули в улыбке в свете факелов.

— Иди, иди, Грейсон.

Они прошли еще немного, минуя мерцающие лампочки в потолке каждые двадцать шагов. Там было сыро и холодно, как зимой, словно идешь через морозильную камеру. Пол был скользким, покрытым тонкими пластинками льда. Наконец они достигли витой железной лестницы, выглядевшей практически один в один с той, у театра, за исключением, что эта была выкрашена в красный цвет, а не черный.

— Поднимаемся вверх. — подсказал Лукас.

Дрожа, Фаррелл оглядел лестницу, ведущую в еще большую пустоту.

— Если бы я знал, что это будет альпинистский подъем, я бы одел спортивку «Найк».

Лестница все вела вверх, пока воздух вокруг не стал снова теплым. Наконец они достигли серебристой двери с изображением герба общества Хокспизэ. Лукас постучал. Три быстрых удара и четыре медленных: другая последовательность, чем та, возле театра. Фаррелл отметил это в своей голове на будущее.

Дверь открылась и человек, внимательно оглядевший их, был знаком Фарреллу: он принимал участие во встречах общества. Он не был уверен, что знает, как его зовут, так как раньше никогда не обращал много внимания на особенности уклада общества.

— Мы пришли. — сказал Лукас.

Мужчина открыл дверь шире, чтобы впустить их, и внезапно Фаррелл обнаружил, что он уже не на темном лестничном проходе, а внутри теплого здания, которое находилось, судя по тому, сколько они прошли по тоннелям, по меньшей мере, в миле от собора. Должно быть, есть секретный ход, ведущий к театру и ресторану, подумал Фаррелл.

— Сюда. — указал Лукас, провожая Фаррелла через тусклый интерьер.

Место было огромным, во всяком случае, такое же большое, как и поместье Грейсонов.

Полы были каменные, а стены — оштукатурены, с настоящими картинами, написанными маслом, выглядевшими так, словно они висели здесь столетие. Через арку в

конец коридора взгляд Фаррелла натолкнулся на массивную библиотеку, где все стены от потолка и до пола были заполнены полками с книгами в кожаных переплетах. Напротив двери в центре комнаты под застекленным сводом стоял большой деревянный, выглядевший тяжелым, стол.

За столом сидел Маркус, одетый в черный деловой костюм, белую рубашку и красный галстук. Его локти лежали на столе, и скрещенные пальцы сжато лежали перед ним.

— Входите, мистер Грейсон. — сказал он, его голос был чистым и ясным. — Спасибо, мистер Баррингтон. Вы можете подождать снаружи.

— Да, сэр. — Лукас склонил голову, а затем вышел, закрыв за собой дверь.

Фарреллу не было страшно. Лишь слегка напуган. Да, определенно, напуган. Он не видел Маркуса так близко после их первой встречи три года назад, когда он стоял на сцене перед публикой, прямо как Адам в ночь посвящения, и свет бил ему в глаза.

Маркус никогда не общался с членами общества после собраний. Он не посещал благотворительные фонды и не участвовал в политических ралли, организованных его последователями, чтобы придать Торонто лучший вид.

Он только возвышенно обращался ко всем собравшимся со сцены театра, куда приводил узников и проводил суды над ними. Как только вина была установлена — а она всегда устанавливалась — Маркус лично осуществлял казнь с помощью золотого кинжала, пока остальные оставались молчаливыми свидетелями.

Затем он исчезал из виду, как тень, пока его последователи задерживались еще на некоторое время, обмениваясь шепотом той информацией, которую не рассказали бы при свете дня. Вокруг этого человека витало бесчисленное количество слухов о том, что он живет в уединении, что он — гений, бог и.... Фаррелл не мог и сосчитать всего, что болтали в кулуарах, а тем более помнить все слухи и старался отделять их от того, что знал точно является правдой.

— Спасибо за то, что пришли. — сказал Маркус. — Это честь принимать вас в своем доме.

— Это большая честь для меня, сэр. — тысячи вопросов роились в голове, но он не задал ни единого вслух. Не сейчас. Временами он мог быть пренебрежительным и безответственным — впрочем, так он вел себя в основном — но знал, когда нужно молчать.

Он не был уверен на сто процентов, кем являлся Маркус на самом деле и что давало ему такую силу, но он не недооценивал этого человека ни на миг.

— Я уверен, Лукас дал понять, я верю, что вы прекрасно дополните мою небольшую элитную группу.

Фаррелл утвердительно кивнул, желая, чтобы его сердце перестало стучать так быстро.

— Да. И если есть что-то, что мне необходимо сделать, чтобы подтвердить свою верность вам, сэр, я сделаю.

— Пожалуйста, называйте меня Маркус. Ваше пребывание здесь гарантирует много привилегий, не распространяющихся на других членов общества. Это делает вас моим другом. Вы бы хотели этого? Быть моим другом?

— Я хотел бы...Маркус. — он мудро решил не болтать ни о заплетании волос, ни о других мальчишеских сплетнях. «Без шуток.» — напомнил он себе.

— Как вы считаете, вы являетесь особенным, мистер Грейсон?

Это был провокационный вопрос, он ранее вряд ли сталкивался с таким, особенно сейчас, когда ему все еще было больно после разговора с матерью. Фаррелл замолчал на

мгновение, прежде чем ответить этому могущественному человеку.

— Да, считаю. — наконец сказал он, надеясь на простоту ответа.

Никаких сложностей, только уверенность. И он надеялся, что его тон звучал уверенней, чем он ощущал на самом деле.

— Хорошо. — на губах Маркуса появилась улыбка. — Я согласен. Ваш брат также был особенным. Какое же несчастье, что он оказался в конечном счете недостойным.

На щеке Фаррелла задергался мускул, но он сжал губы, чтобы ничего не произнести, боясь того, что может выпалить в ответ. И вероятнее всего с его стороны не слишком умно вступать в полемику с потенциальным претендентом в боги смерти.

— Я знаю, — продолжил Маркус, — что мои слова о вашем покойном брате кажутся вам весьма непочтительными. Тем не менее, несмотря на все родственные чувства, которые охватывают вас, вы должны признать, что Коннор выбрал весьма трусливый способ попрощаться с единственной, драгоценной жизнью.

Такие слова обжигали душу Фаррелла.

— У него были свои проблемы.

«И был ли источник этих проблем в твоём тайном круге?» — подумал Фаррелл.

— Конечно. Как и у всех нас. Но то, как мы справляемся с жизненными трудностями — внутренними и внешними — определяет нас. Встречаем ли мы их без страха, мужественно и с чувством справедливости? Или мы бежим от них, выискивая легкий выход, чтобы спрятаться от резкой правды жизни? Мы все разные, но трудно сказать, кто мы есть на самом деле, пока мы не пройдем испытание. К какому типу людей принадлежите вы, по вашему мнению?

«Тот, который слишком любит водку для своей пользы.» — подумал он. — «Но ты использовал бы это как отказ для меня.»

— Я ни от чего не прячусь. — сказал он вслух.

— И что бы вы хотели, чтобы вам дали в этой жизни, мистер Грейсон? — спросил Маркус. — Многие утверждают, что они просто хотят счастья. Некоторые говорят, что хотят мира и безмятежности. Другие хотят денег. Власти. Страсти. Удовольствий. Так чего хотите вы?

Вначале Фарреллу пришлось признать, что он не особенно задумывался о будущем. Он разглядывал полки, нагруженные самой огромной коллекцией книг, которую видел в своей жизни, пока формулировал ответ.

— Я хочу, чтобы меня уважали. Хочу быть могущественным. И да, я хочу быть особенным. Я хочу оставить след в этом мире, чтобы никто не забыл, кто я.

Он даже не осознавал, что говорил правду, пока не произнес ее вслух. И почувствовал, как дал чему — то темному и холодному внутри него право говорить.

Маркус молчаливо рассматривал его.

— Есть ли у вас какие-либо сомнения по поводу того, как я обращаюсь со своими пленниками?

Фаррелл вспомнил спор с Адамом о том, что быть судьей, присяжным и палачом преступников не делает тебя добрее тех приговоренных.

Конечно, вначале у Фаррелла были сомнения, но потом он принял тот факт, что у них не было другого выхода. Миссия Маркуса, в какой — то степени крайняя мера, была важна для мира. Четыре казни за год — не так уж и много. И они были символичны. Они что-то значили. Они мотивировали общество выходить и делать добро окружающему миру там, где

это было возможным.

— Мне не обязательно любить наблюдать, как умирают люди, — ответил Фаррелл, — но я знаю, что это важно и нужно, поэтому то, что мне дали шанс быть частью подобного — честь для меня.

Лукас предупредил, что Маркус почувствует ложь, поэтому Фаррелл не пытался лгать. Он не представлял, о чем сейчас думает Маркус или как Маркус оценивает его. Говорил ли он правильные вещи?

Когда Лукас впервые сказал ему о тайном круге, он не был уверен, что хочет участвовать в подобном. По большому счету рассматривал это как способ проследить за последними днями Коннора, тщательно изучив его действия. Но находясь лицом к лицу с человеком, который излучал волны власти, где бы он ни находился, Фаррелл осознал, что это рискованное начинание было чем — то большим, чем просто расследование самоубийства брата. Он определенно хотел всего того, о чем упомянул для себя. Он нуждался в этом. Мать считала его пустым местом, особенно в сравнении с идеальным гением Коннором, которым тот являлся, или с потенциальным ангелом Адамом. Но Фаррелл не был ничтожеством, и эта встреча отчетливо подтверждала это. Это была его судьба.

«У меня нет ни одной причины, чтобы подумать, что ты стоишь даже хоть какого-нибудь малейшего упоминания. Кроме того, ожидаю от тебя совсем немного, или даже вернее сказать не жду ничего... ни-че-го...»

Однажды он заставит Изабеллу Грейсон забрать назад каждое свое слово, проглотить их, как ингредиенты испорченного суфле.

— У вас есть ко мне вопросы? — спросил Маркус.

Возможно, ему следовало сказать нет, но Фаррелл не мог удержаться от возможности разузнать побольше информации.

— Сколько человек в вашем тайном круге? — спросил он.

— Шесть, включая тебя. Они — мои глаза и уши в мире за этими стенами. Мне нужны те, кому я могу доверять, кто поможет мне без вопросов.

— Их всегда шесть?

— Сейчас да. — сказал Маркус. — Когда — то, несколько лет назад, их было восемь, но двое решили покинуть общество и вернулись к обычной жизни. Я требую довольно много преданности от членов общества и еще больше от тех, кто входит в мой круг доверенных лиц, но это не является пожизненным назначением, пока человек сам не захочет этого. Он может уйти, если хочет.

Фаррелл обдумывал сказанное.

Почему — то он испытал странное чувство облегчения, узнав, что участие в обществе не было вечным, если ты решил выбрать другой путь.

— Значит, вы доверяли моему брату.

Еще один согласный кивок.

— Доверял.

Сердце заняло от воспоминаний о Конноре, от того, что ему предстояло идти по стопам старшего брата.

— Как долго он состоял в вашем круге?

— Боюсь, всего несколько месяцев.

Фаррелл отогнал воспоминание о том, как брат лежал на простынях, залитых кровью от порезов на его запястьях.

— И что же доверенные люди для вас делают такого, чего не делают остальные?

Маркус сложил руки на столе.

— Их самая важная задача — разыскивать по городу тех преступников, которые предстанут на собраниях. Эти поиски иногда занимают определенное время, так как зло иногда предпочитает прятаться в тени, вдали от взора правосудия.

Маркус остановился, как бы давая Фарреллу время осознать важность сказанного.

— И, конечно же, мой круг также выполняет и другие мои задачи и поручения, когда это необходимо.

Он не углублялся в детали, но Фаррелл понял, что ему не следует больше задавать вопросы, он узнал достаточно на сегодня. Если он станет участником этого круга, то должен будет ловить преступников и приводить их в театр, полностью осознавая, что он ведет их на смерть. Он будет в ответе за то, что забрал жизнь, чтобы общество становилось сильнее в своих попытках наблюдать за городом — миром — сохраняя его от зла. От этой мысли он почувствовал всплеск силы, подобной той, которую он ощущал каждый раз, когда Маркус проливал на сцене кровь.

— Вы и вправду бог смерти, как утверждают? — спросил Фаррелл еле слышно, прежде чем осознал, что сказал это вслух. В нем теплилась надежда, что Маркус не услышал этого.

— Да. — Маркус ответил сразу, просто и без колебаний.

Фаррелл смотрел ему прямо в глаза. Он не ожидал ответа от этого загадочного человека, сказанного так чисто и ясно, и это подтверждало, что Маркус был кем — то большим, чем просто лидером секретного общества с парой магических трюков в рукаве.

— Зная правду, примете ли вы предложение стать одним из моих доверенных людей в этом круге? — последовал вопрос Маркуса. — И будете ли вы выполнять беспрекословно мои поручения, когда бы я ни попросил что-либо?

— Буду. — слова легко сорвались с губ, прежде чем Фаррелл успел обдумать их, эхо его истинного обязательства перед обществом.

— Хорошо. Ваше согласие означает, что вы получите весьма щедрый дар от меня, и он поможет вам служить мне.

Затем Маркус замолчал на минуту, рассматривая Фаррелла своими черными глазами. Наконец он поднялся из-за стола. И вытащил кровавый золотой кинжал из коричнево-красной коробки на столе, на ее крышке был выгравирован узором герб Хокспизэ на фоне гор и покрыт золотом.

— Дайте мне свою руку.

Он что, собирался нанести Фарреллу еще одну метку? Это Лукас имел в виду во время их разговора про татуировки?

Первая метка наделила Фаррелла отменным здоровьем — он не болел ни одного дня за последние три года (хотя, к сожалению, у Маркуса не было никакой власти над похмельем.) Какой дар даст ему вторая метка? Он хотел было спросить, но знал, что время неподходящее для расспросов. Вместо этого он расстегнул и закатал рукав рубашки, затем протянул левую руку Маркусу.

«Не дергайся.» — напомнил он себе.

Маркус взял его за запястье, затем нанес глубокий порез на предплечье Фаррелла, водя острием ножа по плоти. Фаррелл сжал зубы, заставляя себя не реагировать на боль, пока смотрел, как течет из раны кровь, капает на пол и заполняет символ, который Маркус вырезал на коже.

Когда все закончилось, Маркус положил кинжал на стол и прижал свою руку к его ране. Исцеляющий белый свет начал исходить из раны и Фаррелл ощутил как он жжет — очень болезненное ощущение, такое же, как и сам разрез.

Через несколько мгновений Маркус отодвинулся от него. Рана была исцелена, и на коже Фаррелла не осталось никаких следов.

— Чувствуете что-нибудь? — спросил Маркус.

— Чувствую что?... — начал спрашивать Фаррелл, затем прикрыл рот. Он действительно все ощущал.

Он слышал, как тикают часы в соседней комнате. Он слышал Лукаса, который стоял, ожидая его с той стороны двери и клацая своим телефоном, пока он печатал сообщение или отвечал на электронное письмо. Он ощущал запах хлеба, выпекаемого на кухне где — то в доме. Он мог видеть с идеальной четкостью каждое название на позолоченных, серебристых и бронзовых корешках книг через всю комнату.

— Мои чувства.... — выдохнул он в неверии.

— Намного улучшились. — закончил фразу Маркус. — Это поможет вам несметное количество раз.

Так вот как Лукас мог видеть почти в полной темноте тоннелей, не боясь споткнуться. Теперь Фаррелл также обладал всеми этими способностями.

— Спасибо вам, Маркус. — сказал он, склоняя голову в знак уважения.

— Как вы чувствуете себя, мистер Грейсон?

— Невероятно. — и это была правда. Ему никогда не было так хорошо, он никогда не чувствовал себя настолько здоровым за всю свою жизнь.

Маркус еще раз кивнул головой.

— Хорошо. Я официально принимаю вас в мой круг этой второй меткой. Если вы докажете мне, что я могу полностью вам доверять, я дам вам и третью.

«Третью?» И какой же дар она даст ему?

— А теперь у меня есть для вас поручение, мистер Грейсон.

«Мое первое поручение? Уже?» Фаррелл едва начал привыкать к потрясающим последствиям новой метки. Ему хотелось пить. Сделать большой глоток. «Стой прямо». Но ясность ума разгоняла туманное состояние. Помимо всего прочего он хотел показать себя этому могущественному богу — и чем быстрее, тем лучше.

— Какое? — спросил он.

— Есть одна девушка, которая, как я считаю, пытается разузнать информацию обо мне и обществе Хокспиэ. Я чувствую, что ее частное расследование может принести проблемы, по многим причинам мы не можем быть вовлеченными в это. Я хочу, чтобы вы познакомились с ней, нашли общий язык, заставили ее доверять вам, узнали, что она скрывает, что знает о нашем обществе и что она хочет от меня в частности. И я хочу, чтобы вы докладывали мне обо всем, что узнаете.

Фаррелл моргнул удивленно.

— Вы хотите, чтобы я шпионил за девушкой.

— Да. Сделаете это для меня?

А он надеялся на какое — нибудь героическое задание, которое даст ему возможность доказать, что он достоин. Шпионство за какой — то девушкой, игравшей в Нэнси Дрю, звучало слишком просто и не ново. К тому же существовал единственный ответ, который он мог дать, и он знал об этом.

— Конечно, Маркус, сделаю.

Мэддокс

Охранники зашвырнули его обратно в темницу, захлопнув со смехом дверь за собой. Мэддокс лежал на грязном полу, изучая низкий каменный потолок, не в силах пошевелиться от сильного удивления после всего увиденного.

— Мэддокс... — Бэッカ нагнулась к нему и посмотрела в его лицо с тревогой. — Ты слышишь меня?

— Нет. Я больше не способен слышать.

— Определенно ты слышишь меня, если отвечаешь.

— Она приказала змее убить Ливиуса. Большая змея с клыками...которая увеличивается в размерах. Ты видела, как она выросла?

— Видела. — кивнула она. — Итак, она действительно является богиней?

Наконец Мэддокс посмотрел на нее в ответ.

— Ты воспринимаешь все это намного спокойней, чем я ожидал.

— Я выгляжу невозмутимой? Но это не так. Мой внутренний голос кричит, и я стараюсь сохранять спокойствие, потому что сумасшествие не поможет нам сейчас. — она прерывисто выдохнула. — Мне жаль, что Ливиус погиб.

— А мне нет.

— Он ужасно обращался с тобой, но никто не заслуживает подобной смерти.

Он приподнял бровь.

— Ты слишком добрая. Ты и правда не из Митики, я прав?

— Нет. — ответила она. — Да, я правда не из Митики.

Он с трудом сел, опершись спиной о твердую стену, молча разглядывал девушку — духа в течении долгого времени — так долго, что она начала от напряжения накручивать кончик косы на указательный палец.

— Что? — не выдержав, спросила она.

— Я думаю.

— И смотришь в одну точку. Такой твой взгляд заставляет меня нервничать. Я не люблю быть в центре внимания. Я даже бросила театральный клуб в прошлом месяце из-за страха сцены, что в принципе странно, потому что в основном я очень уверенный в себе человек.

Он моргнул.

— Ты сказала много слов, значения которых я не понимаю.

— Прости, но ваше туристическое бюро не снабдило меня словарем по прибытии сюда.

— Что такое словарь?

— Это книга, в которой...ой, это совсем не важно сейчас. — она встала и прошла к двери, чтобы выглянуть в крохотное окошечко, ведущее в коридор. Из других темниц были слышны стоны, кашель и случайный вскрик.

— Мы должны выбраться отсюда.

— Мы? — повторил он. — Я даже не знаю, почему ты до сих пор еще здесь. Ты могла пройти сквозь стену и уйти далеко отсюда.

— Но это ничего не решило бы, согласен? Мне нужно, чтобы ты тоже выбрался отсюда.

Ты единственный, кто может мне помочь. Пока... по крайней мере.

Душу захлестнула волна разочарования.

— Почему ты так уверена, что я могу тебе помочь?

— Потому что ты единственный, кто видит меня и говорит со мной! И ты обладаешь своеобразной магией духов.

Он взялся руками за голову, и взглянул на нее.

— Ты уверена, что хочешь так это назвать?

— Уверена. Да, назовем это магией духов. И должна быть причина, почему я с первого раза появилась в том же месте, что и ты. Это все связано. Мы связаны, я уже уверена в этом, Мэддокс. Не спрашивай меня, откуда я знаю это. Просто я знаю. Ты можешь помочь мне вернуться домой.

— Тебя вскоре ожидает разочарование.

Бэッカ ничего не ответила и вместо этого придвинулась к нему ближе — так близко, что их отделяли всего несколько дюймов, она вглядывалась, изучая его лицо. Теперь занервничал он и все же старался не отвести глаза. Пытался выдержать ее пытливый голубой взор. В тусклом свете темницы ее глаза напоминали ему чистое ночное небо. А ее розовые губы были так близко...

— Ты не веришь в себя. — сказала она, разрушая его сосредоточенность. — Но тебе следует. Я видела, что ты сделал на празднике. Я видела, что ты сделал с Ливиусом здесь в темнице.

— Мое проклятие, ты это имеешь в виду. — так он привык думать о своей магии в течении многих лет.

— Это не проклятие. Это дар. Есть ли другие здесь, которые могут делать то же, что и ты?

Он отрицательно покачал головой. Ведь действительно это так, никогда ему не приходилось слышать о ком-нибудь в Митике, обладающим таким же видом магии, что и он.

— Есть ведьмы, о которых говорят, что в них течет кровь бессмертных. Они могут владеть элементарной магией в малых количествах. Кровь может усиливать их силу, когда они ослабевают. Но я никогда не встречал настоящую ведьму и поэтому многого не знаю, все, что я знаю, исходит из слухов, сплетен, чьих-то рассказов или преданий.

— Ведьмы, в которых кровь бессмертных? Да ты что!? Это все серьезно? Ты не шутишь? — спросила она, затем подняла руку, когда Мэддокс открыл рот, чтобы объяснить и дальше о золотых созданиях, ходивших, как утверждалось, среди смертных до его рождения. — Нет, это все очень интересно, но давай оставим на время и сфокусируемся на тебе. Хорошо? Я хочу знать все, что касается тебя.

То, что она находилась так близко от него, вызывало в нем чувство неловкости, смешавшейся с радостью. Если бы она была сейчас из плоти и крови, он легко мог бы вытянуть руку и прикоснуться к ней. Ее странная шерстяная туника интриговала его. Она выглядела такой мягкой. Он сглотнул.

— Да особо нечего и рассказывать. Ливиус всегда говорил, что я тупее червяка.

— Что ж, Ливиус ошибался. Для меня ты — какой угодно, но только не тупой. Ты... очаровательный.

И она улыбнулась ему красивой улыбкой, которая вызвала в нем дрожь.

— Раньше никто не называл меня очаровательным. — признался он.

— Ух ты! Нам действительно нужно поработать над твоей уверенностью в себе, не так

ли? У нас есть хорошая подборка книг для наработки уверенности в себе в магазине. Как бы я хотела, чтобы у меня с собой была парочка, и я что-то могла процитировать тебе.

Мэддокс нахмурился.

— Ты тратишь свое время, Бэка Хэтчер. Когда богиня узнает, что я не контролирую свою магию и не способен вызвать дух того, о котором она лишь догадывается, что он мертв, то приговорит меня к смерти. У меня остался всего лишь день жизни, вот и все.

Ее улыбка исчезла.

— Если бы я могла врезать тебе прямо сейчас, то точно сделала бы это. С силой. Наверняка, со всей силой, которая у меня есть, чтобы это привело тебя в какое-то другое чувство и вывело из ступора.

Подобная реакция вызвала у него нервный приступ смеха.

— Прошу прощения, если прозвучало мрачно, но это правда. Реальная ситуация, очень даже реальная. Я умру, и никто не поможет мне. Посмотри правде в глаза, Бэка. Без Ливиуса я одинок.

— Ты не одинок. У тебя есть я, и я никуда не уйду. — сказала она решительно, даже сердито. — Когда ситуация усложняется, я верю в одно, Мэддокс. Мою интуицию. Она подсказывает мне, какую книгу прочесть, даже если отзывы о ней плохие, какой фильм посмотреть, даже если никто не хочет его смотреть, с какими друзьями дружить, не зависимо от того, популярны они, или одиноки, умны или глупы, как пробки. И именно она подсказывает мне, что ты не умрешь. Ты важен для этого мира. И дорог мне. Понимаешь? Ты и я, мы теперь друзья. А друзья помогают друг другу в эти ваши плохие, пугающие змеями — монстрами и богинями, всякими там ведьмами, времена.

Друзья. Он повторил это слово. Конечно, он знал, что оно значит. Тем не менее, раньше у него никогда не было настоящего друга. Такого, на которого можно было бы положиться или доверить секрет. Секрет всей его жизни.

— Теперь перестань трусить. — продолжила Бэка. — и давай разработаем план, как, черт возьми, вытащить тебя отсюда.

Он вскочил на ноги, его глаза загорелись — в них мелькнула неловкость, сменившаяся яростью в один момент.

— Трусить? Я не трус. Как ты могла сказать, что я...

— Наконец — то немного эмоций! Рада видеть это. — теперь она улыбалась. — И кстати, я не считаю тебя трусом. Я сказала это, чтобы ты как — то отреагировал. Любой, кто встретится с этой женщиной, Валорией, и ее магической змеей и не разразится испуганными рыданиями, уже храбрец. Ты — храбрый, Мэддокс.

Момент ярости прошел так быстро, как и нахлынул. Он не был храбрым, ну не совсем храбрым, если честно, и стоило в этом самому себе признаться, но в эту минуту предпочел не исправлять ее, так как сам твердо считал, что трусом он все же никогда не был. Если она действительно верила в него, может, он попытается сам в себя поверить. И если каким — то чудом сможет помочь ей, как она и предполагала, тогда он сделает это без возражений.

— Расскажи мне больше про книгу, о которой ты упоминала раньше. Та, которая, как ты веришь, отправила тебя сюда.

Бэка начала рассказывать о переплетенном в кожу манускрипте с незнакомым, черно — золотым письмом, которое невозможно было прочитать, и которое было украшено рисунками, но их прервал звук металлического ключа в замке. Дверь в темницу широко открылась. Два охранника втокнули внутрь грязного мужчину в рваной одежде. Его лицо

было в крови, как будто его только что били, и воняло от него так, словно он постоянно купался в коровьей моче.

— К тебе компания, колдун. — сказал ухмыляющийся стражник Мэддоксу. — Если выживешь, проведя ночь с таким, богиня увидит тебя завтра в первую очередь.

— Подождите, не... — начал Мэддокс, но они закрыли дверь, и маленькая камера погрузилась снова в темноту.

Человек стоял в центре, разглядывая Мэддокса, его глаза ярко выделялись на фоне грязного, окровавленного лица. Мэддокс обменялся враждебно — настороженным взглядом с Бэккой.

— Сегодня. — проговорил человек. — Завтра. Вчера. Они все. Все подряд. И вот тут ты, и мы начнем. Будем танцевать. Счастливо и весело, ла-ла-ла.

Мэддокс услышал, как охранники загоготали снаружи, затем увидел налитый кровью глаз, появившийся в окошке и смотрящий на них.

— Наслаждайся обществом нового друга, колдун. — сказал страж. — Возможно, сумасшедший Барни разорвет тебя на части и сожрет кусок за куском до рассвета, обглодав твой череп. Спокойной ночи!

— Да, череп, — повторил сумасшедший Барни, запуская пальцы, черные от грязи в длинные спутанные волосы. — Моя любимая часть. — при этом он издал звуки напоминающие чавканье — Съесть все до конца!

Мэддокс, извернувшись, прошмыгнул мимо него к двери и замолотил в нее кулаком так, что был уверен, там точно появится синяк.

— Выпустите меня отсюда!

Стражи только рассмеялись. На цыпочках он выглянул в окошечко, увидев, как они уходят прочь, посматривая на других узников.

— Не паникуй. — сказала Бэка, обратив все свое внимание на нового сокамерника. — Отсюда есть выход.

— Да? Может, выскажешь пару предположений, пожалуйста?

— Та — а — к, есть тот отталкивающе — душащий магический прием, который ты использовал до этого. Я знаю, ты говорил, что не можешь контролировать его, но может быть, если твоя жизнь в опасности....

Он прикусил нижнюю губу.

— А есть еще идеи, которые не работают?

— А, он говорит с духами. — сказал сумасшедший Барни, уставившись в потолок, который был выше их всего на пару дюймов. Он вытянул руки в другую сторону ладонями вверх. — Духи, придите к нам. Вы скажите нам ваши предложения. Мы примем их с благодарностью.

Затем он медленно покружился, маниакально смеясь. Мэддокс уставился на него. Сумасшедший Барни перестал кружиться и бросил на Мэддокса любопытный взгляд.

— Они ушли....те, кто подслушивают? Те, кто наострили уши в нашу сторону и получают удовольствие от нашего дискомфорта? Глупые они, глупые мы. — он покачал головой. — я очень голоден. А скоро подадут ужин?

Мэддокс оперся спиной о стену.

— Уверен, они вернутся через минуту с подносом.

— Да, да. Да. Конечно, придут. Не захотят позволить своему главному узнику разговаривать слишком долго с таким как я без чего-то, удовлетворяющего мой аппетит.

— Разговоры — это хорошо. — встала Бэка, у нее был брезгливый вид. — Поддерживай его болтовню. Он выгляди и вправду сумасшедшим.

Да, казалось, сумасшедший Барни честно заслужил свое прозвище.

— Мы можем разговаривать столько, сколько ты хочешь... Барни. Могу я называть тебя Барни? Я — Мэддокс.

— Я знаю, кто ты. — Барни направился к двери и Мэддокс отпрыгнул, уступив ему. Мужчина посмотрел через крохотное окно.

— Это честь познакомиться с вами. — сказал Мэддокс. Бэка была права, поддерживать разговор — возможно, самый лучший способ. Если Барни будет занят болтовней, его не будут заботить мысли об обглаживании костей.

— Расскажите мне о себе. Откуда вы родом? Отсюда, из Севера? Или из-за моря, я предполагаю?

— Нет времени на неважные вопросы. — Барни обернулся и впери взгляд в Мэддокса, рассматривая его с ног до головы.

— Твоя магия? — Бэка стояла за ним, кулаки сжаты по бокам, как будто она была готова помогать ему в драке. — Сейчас была бы кстати.

— Я пытаюсь. Она не работает. — пожаловался Мэддокс. Его сердце начало болеть от попыток сконцентрироваться.

— Попробуй снова. — настаивала она.

И он пытался. Пытался собрать свою внутреннюю силу, чтобы оттолкнуть сумасшедшего Барни назад, надеясь перекрыть ему дыхание, пока не вернутся стражи.

— Ничего не чувствую. — сказал Барни, поднимая голову. — Но ты очень молод. Твоей магии еще предстоит проявиться в полную силу. Тебя дух пытается наставлять?

— Да. Сказал Мэддокс медленно. — Красивая девушка — дух подсказывает мне. И она говорит мне, что ты очень особенный, Барни. Весьма и весьма особенный.

— Ты сказал «красивая»? — спросила Бэка.

«Проклятие». Мэддокс пытался сфокусироваться только на безумце.

— Ты и я, мы проведем время вполне прекрасно. Мы будем хорошими друзьями. И м-м-м друзья не едят друзей.

Барни терпеливо выслушал, поглядывая на него.

— Давай проясним кое — что сразу, друг. Я не сумасшедший. Меня зовут Барнабас, так что кратко ты можешь называть меня Барни. И ты поможешь мне выполнить две очень важные задачи.

«Что происходит?»

— Прошу прощения?

— Первое — ты вытащишь нас из этой темницы. И второе — мы используем твою магию, чтобы уничтожить Валорию и спасти мир.

Кристал

Университет Торонто находился так близко от их магазина, что через несколько считанных минут Крис оказалась среди зданий и резиденций обширного кампуса Св. Георга, который гармонично соединялся с центром города словно еще один район, окруженный зелено — голубым футбольным полем. Джеки дала ей не так много информации о нужном человеке, только имя и факультет, поэтому все остальное Крис довольно быстро узнала сама.

Но вскоре ей пришлось признать, что она подустала. Ее школа выглядела как кукольный домик по сравнению с этим корпусом и его коридорами. Ее чувство направления никогда не было превосходным, так что даже со знаками «Вы находитесь здесь», она с трудом нашла путь среди запутанных улочек и переходов.

— Подскажите, где я могу найти доктора Вега? — спросила Крис у студентки, которая полностью проигнорировала ее вопрос, уткнувшись в телефон. Тогда она спросила то же самое еще у одной.

— Кого? — спросила вторая рассеянно.

— Д-р Вега. Он с факультета антропологии.

Студентка махнула рукой, но не приостановилась ни на секунду.

— Я думаю, это где — то там.

— Где — то там...это где? — начала Крис, но девушка уже ушла.

Она остановилась и попыталась собраться, сделав несколько снимков витиеватой мультирельефной арки в романском стиле, венчавшей вход с южной стороны в главное здание университета.

Арка была очень красивая, такую можно было бы увидеть только в Европе, а она здесь — всего в нескольких шагах от ее дома. Но любование красивой каменной аркой не поможет в нынешнем положении.

— Дыши, — приказала она себе. — Ты не потерялась и не думай, что не справишься, просто ты имеешь дело с мимолетным препятствием. Еще один снимок, затем найду одну из этих карт снова.

Другой студент попал в объектив как раз, когда она фотографировала.

— Эй! — она запротестовала сердито.

— Извини. — парень приподнял бровь. — Ты заблудилась? Может, я помогу тебе?

Крис опустила камеру. Парню было лет двадцать на вид, нет, скорее, двадцать — один. Светлые волосы, мечтательные голубые глаза, он весь был великолепный, как модель или актер. Она рассматривала его лицо, но не нашла ни одного изъяна.

— Это что, так очевидно, что я заблудилась? — она пыталась говорить как можно спокойней. — Вега, я имею в виду д-ра Вега. Я ищу его кабинет на факультете антропологии. Ты можешь помочь?

— Конечно, могу. — ответил он.

— Мой герой. — она простонала про себя. Если бы она не следила за собой, то через минуту захихикала бы. Но Кристал Хэтчер не свойственно хихикать.

Он повернулся и показал.

— Пройди здесь вперед, затем поверни налево на улицу Св. Георга, а затем направо на

Рассела. Здание факультета антропологии будет с левой стороны. И там ты найдешь кабинет д-ра Веги.

Он широко улыбнулся, показывая безупречные белые зубы.

— Это ближе, чем ты предполагала, да? Никогда не теряй надежду.

Она облегченно вздохнула.

— Большое спасибо.

— Для такой красивой девушки, как ты, могу быть героем в любое время, для меня это честь. Хорошего дня.

С очередной улыбкой он повернулся и зашагал в другом направлении.

«Красивой девушки, как я?» Никто еще прямо не называл ее красивой, такой комплимент обычно получала ее сестра. Она сделала еще один снимок парня, отметив, что выглядели у него хорошо как лицо, так и спина.

Возможно, ей следует снова подумать о начальном решении не идти в университет. Крис тряхнула головой, отбрасывая ненужные мысли. Обычно парни не производили на нее такого впечатления одной лишь приятной внешностью.

«Все равно» — сказала она себе, затем уверенно зашагала в указанном направлении.

В здании антропологии она наконец нашла список кабинетов. Д — р Юрайя Вега находился на третьем этаже. Она сделала глубокий вдох, прежде чем зайти в лифт, затем прошла по серому коридору, пока нашла дверь, на которой было указано его имя. Немного поколебавшись, она постучала. Когда единственным ответом послужила тишина, она постучала снова.

— Да — да, входите, — сказал недовольный голос, — и побыстрее.

Она повернула ручку и легко открыла дверь.

За столом у старого компьютера, облепленного цветными бумажечками с записками и заваленного бумагами, сидел мужчина. У него были светло — рыжие волосы, редящие у макушки, круглые очки в тонкой оправе и недружелюбный сердитый вид.

— Если вы о сегодняшних ведомостях, я не принимаю ничьих извинений. Если вы опоздали, будете наказаны.

Сердце громко стучало в ее груди.

— Доктор Вега?

— Кем еще я могу быть? И напоминаю вам, что студентам необходимо записываться, чтобы увидеть меня после лекций. Все указано на двери.

— Я — не студентка.

Его лицо еще больше стало сердитым.

— Тогда кто вы и что здесь делаете?

— Джеки Кенделл сказала мне, что я могу обратиться к вам.

Его глаза мгновенно округлились. Секунду спустя он выпрыгнул из-за стола и достиг двери в три больших шага, заталкивая ее вглубь комнаты.

— Вас послала Джеки?

Это было как Д-р Джекил и М-р Хайд: полное перевоплощение в считанные секунды.

— Да, я... Я — Крис Хэтчер, ее племянница. Она сказала, мы с вами можем поговорить.

— Так почему не начать с этого? — он притянул дверь и закрыл дверь на замок, затем прижался к ней спиной. — За вами следили?

Этот вопрос вызвал у нее внезапный приступ слабости.

— А-а, я не думаю.

Он подошел к маленькому окну за столом и выглянул наружу, просматривая окрестность, затем закрыл жалюзи.

— Вы должны знать о таких вещах. Вы всегда должны быть бдительны.

Джеки ничего не говорила про то, что нужно смотреть, не идет ли кто за ней, хотя она упоминала о самозащите. Был ли д-р Вега полным параноиком, или он просто осторожный, как и Джеки? Непонятно. Она снова одела очки.

— Запомню это на будущее. Обещаю.

Он тяжело плюхнулся за свой стол и знаком пригласил ее присесть на довольно неудобный на вид деревянный стул напротив него. Профессор напомнил Крис молодого Альберта Эйнштейна: растрепанные волосы, большие глаза, эксцентричный вид. Подающий большие надежды, почти гений.

— Где Джеки? — спросил он.

— В Париже, я думаю. Она приедет сюда, как только сможет.

— Правда? Она приедет? — он откинулся на спинку стула, теперь его лицо стало задумчивым. — Я не видел ее год после нашей последней встречи в Лондоне. Красивая женщина, ваша тетья. Она...довольно яркая и запоминающаяся. Я просматриваю каждое письмо, которое она присылает мне.

Крис практически уже начала видеть маленькие сердечки из мультфильмов вокруг его головы. И он не будет первым или пятнадцатым мужчиной, влюбленным без памяти в ее свобододлюбивую тетку. Вега медленно нахмурился, сердечки от его вида сразу лопнули как мыльные пузыри.

— Джеки всегда сообщает мне о любых новостях или изменениях. Но она ничего не упоминала о вас.

И он скептически посмотрел на Крис.

— Сколько вам лет?

— Семнадцать.

— Покажите мне ваши документы. У меня нет доказательств, что вы являетесь той, кем себя называете.

Определенно, он настоящий параноик. Она покопалась в сумке и выудила оттуда ученический билет из школы Сандерленд.

— Этого достаточно?

Он поджал губы, пока изучал ее свидетельство.

— Хмм... Полагаю, да. — затем он снова откинулся на стул и посмотрел на нее сдержанно. — Чего вы хотите от меня?

И как она должна получить информацию от человека, настроение которого скакало от одного к другому за минуту?

— Джеки сказала, что вы предоставите мне, — неужели ей действительно придется сказать это вслух? — полную инфу по книге.

Его глаза снова стали большими. Он сдернул очки и протер стекла о подвернутый рукав.

— Она так сказала? Именно этими словами?

— Ну да.

— Значит ли это, что она у вас? — спросил Вега, его голос понизился до хриплого шепота.

— Что у нас?

— «Бронзовый Кодекс»

Он словно заговорил на другом языке, и она попыталась сдержаться.

— Что такое «Бронзовый..»? — и затем ее осенило. — Книга так называется, правильно?

Он закивал, неровно дыша.

— Так она у вас?

Но она не собиралась ничего подтверждать. Не сейчас.

— Я этого Вам не говорила. Джеки только сказала, что вы расскажете мне, что это за книга и что она может делать. Так вы можете сказать? — Джеки не была так точна и утвердительно, если честно, но он — то не знал этого.

— «Бронзовый Кодекс» — это работа всей моей жизни. Конечно, именно я смогу что-то сказать о ней. — он смотрел пронзительно и прямо взглядом сверлил ей глаза, она подумала, что еще немного и он увидит ее мозги. — Хорошо, ну если Джеки сказала, чтобы я все рассказал, я расскажу.

Он встал и прошел к книжным полкам, затем снял целый ряд книг со средней полки, бережно положил их на пол. За ними находился потайной сейф. Он набирал комбинацию цифр, пока не раздался щелчок, затем открыл дверь и вытащил толстую черную переплетенную папку, в которой на вид не было ничего экстраординарного, такую точно она могла тоже носить по школе. Он принес ее к столу и бережно положил.

— Джеки прислала мне фотографии каждой страницы, когда она получила ее.

Он листал фотографии, и Крис с удивлением смотрела, как снимки страниц, врезающихся в ее память, проплывали мимо ее взора черно — белыми снимками.

— Невероятно, не правда ли?

— Вы сказали, это работа всей вашей жизни.

Профессор кивнул.

— Вначале это была одержимость моего отца. Ему принес Кодекс ее настоящий владелец много лет назад для определения языка и происхождения. Мой отец назвал ее «Бронзовый Кодекс» из-за бронзового ястреба на ее обложке, символ, который повторяется на двадцати — четырех страницах.

Он листал папку, касаясь указательным пальцем каждого изображения ястреба, которое попадалось ему.

— Значит, ваш отец видел книгу вживую. Кто же был ее владельцем? Кому она принадлежала?

Брови Веги сошлись на переносице, пока он изучал Крис, будто раздумывая, как много информации ему в действительности следует открыть ей. И что можно ей сказать, а о чем лучше промолчать, утаить.

— Женщина из Торонто, одноклассница моего отца. Она доверяла ему больше, чем кому бы то ни было. Именно он убедил ее впоследствии избавиться от книги.

— Почему?

— Потому что, хоть он сам и не мог перевести ее, но знал точно, что она опасна. Так что, да, книга была утеряна для нас на более чем двадцать лет.

— А разве ваш отец не знал, куда пропала книга? Или женщина, которая принесла ему книгу, в конце концов? Разве вы не могла спросить об этом?

— Они умерли пятнадцать лет назад.

В груди Крис что-то сжалось.

— Они умерли... — она ненавидела задавать подобные вопросы, но должна была. — естественной смертью?

— Нет. Женщина... — он с трудом сглотнул. — она выпала с двадцать- пятого этажа высотного здания. Мой отец...он утонул. Подозрительно, учитывая то, что он получил серебряную медаль по плаванию в канадской Олимпийской сборной в молодости.

По телу Крис пробежала дрожь.

— Вы утверждаете, что они были убиты из-за этой книги.

— Да. Я верю, что они были убиты человеком по имени Маркус Кинг.

У нее перехватило дыхание. Д-р Вега приподнял густую бровь.

— Вы знаете это имя, не так ли?

Все, что она могла сделать, это кивнуть.

— Но вы знаете лишь то, что ваша тетя хочет использовать книгу, чтобы выманить Кинга из места, где он прячется — где бы он ни был. Чтобы заставить его заплатить за многочисленные преступления.

— Я не знаю всех деталей, но да.

Она пожевала нижнюю губу, пристально смотря на черно — белое изображение ястреба, несущего цепь неразличимых слов на своих широких крыльях.

— Как же она нашла ее спустя столько времени?

— Только благодаря везению. — услышала она в ответ. — Мы нашли ее в электронных списках одного эксклюзивного аукциона. Я получил подсказку — цитату «книга, которую невозможно прочесть», узнал, что книга была тайно продана для одной частной коллекции в британскую семью, ее члены не имели ни малейшего представления о том, что они приобрели. Семья просто поместила ее как редкую антикварную вещь, как будто она не более чем ценное издание для показов в их библиотеке. Там она и находилась по меньшей мере лет десять, потерянная для мира, пока Джеки не нашла способ забрать ее у них.

— Вы имеете в виду, она украла ее.

Он пожал плечами.

— Забрала. Украла. Какая теперь разница? У вашей тети свои способы получать желаемое.

Крис легко могла представить симпатичную светловолосую тетку входящей в величественный британский дом, изучающей полки, пока она флиртовала с тем, кто стоял на ее пути, одетая в короткую юбку и высокие каблуки, подчеркивающие длинные ноги. Затем, как только они отвернулись, Джеки исчезла из дома как клубок дыма, с книгой под мышкой.

— Но что это за книга, д-р Вега? — спросила Крис, понимая, что она еще не узнала самую важную информацию о ней. — Что такое «Бронзовый Кодекс»?

Она ожидала, что он отмахнется от подобного вопроса, также как мама сменит тему на что-то более безопасное и отвлеченное. Но вместо этого он рассматривал ее секунд пять, прежде чем вытащить научный журнал из нижнего ящика стола, пролистал его страницы и повернул к ней, чтобы она могла прочитать заголовок. «Обсидия: Магический язык из другого мира. Д-р Юрайя Вега.»

На статье была дата пятнадцатилетней давности.

— Я написал ее вскоре после того, как закончил докторскую. — объяснил он. — Так глупо было ожидать признания и похвалы, игнорируя потенциальную опасность, которую может вызвать в обществе подобная информация.

Крис трижды прочитала название, не понимая его значения.

— Пятнадцать лет назад. То есть приблизительно в то время, когда ваш отец и эта женщина были убиты.

Его лицо помрачнело.

— Совершенно верно. Поэтому я чувствую личную ответственность за их смерти и поэтому я никогда не прощу себя.

Эта статья привела к тому, что два человека, которые непосредственно знали о книге, были убиты. Возможно, это просто совпадение, подумала Крис. Или нет, Маркус Кинг причастен к этому. Но тогда кто же этот человек, которому так предан ее отец?

— Обсидиа — это язык книги?

— Мой отец называл ее «Обсидиа». Я оставил это название, когда пытался переводить ее. Должен признать, что большинство моих учеников, которые прочитали статью, посмеялись над моей гипотезой.

— Ваша гипотеза в том, что Обсидиа — это магический язык из другого мира.

— Да.

По правде говоря, сказанное прозвучало как сумасшествие.

— Это то, во что я верю, мисс Хэтчер. — сказал он веско. — Вы готовы к моей теории — теории, в которую верит и ваша тетя?

— Более чем готова.

— Шестьдесят лет назад эта книга появилась в Торонто из ниоткуда. Вследствие других... странных обстоятельств жизни, женщина, которая нашла ее, верила в то, что ее необходимо скрывать от других людей, разыскивающих «Кодекс». Поэтому она и спрятала книгу, годами храня секрет, прежде чем достаточно поверила моему отцу и поделилась с ним. Отец рассказывал мне, что в момент, когда он увидел Кодекс, когда прикоснулся к нему, он осознал, насколько это невероятно редкая и ценная книга. Он работал с редкими книгами — так называемыми гримуарами — и читал книги разных культур и эпох, но никогда не сталкивался с чем — то, что бы притягивало его так сильно с первого взгляда, как эта. И он верил, что этот язык мог, вероятно, открыть загадки вселенной, и подарить величайшую силу тому, кто сможет прочесть и понять его. Это ... «Бронзовый Кодекс» — это книга заклинаний из совершенно другого мира, мисс Хэтчер. С другой параллели, пространства.

Крис чувствовала, как бледнеет с каждым словом профессора. Ее руки стали холодными и потными. Книга заклинаний. Настоящая магия... из другого мира. И он что верит во все это? Невероятно... Просто невероятно и непостижимо для ее сознания.

— Что Маркус Кинг хочет сделать с этой книгой? — спросила она, затаив дыхание.

Д-р Вега положил одну ладонь на папку, другую — на бумагу, на которой ранее писал.

— Что я могу сказать? Я знаю только, что он хочет получить ее, и готов даже больше чем на убийство ради этого.

Когда она не сразу ответила, слова, казалось, застряли где-то в горле от подобного простого утверждения, он полистал папку до иллюстрации, на которой было изображено что-то напоминающее узорчатое каменное колесо.

— Какая деталь! Невероятно, не находите?

Крис облизнула пересохшие губы кончиком языка, прежде чем к ней вернулся голос.

— Вы сказали, что книга не из этого мира.

Вега серьезно кивнул.

— Такова теория моего отца и моя, да.

Крис поняла, что она тербит лямку сумки, все еще висевшей на плече, так сильно, что занемели пальцы. Она ослабила хватку.

— Вы говорите о внешнем космосе и, например, межгалактическом путешествии?

Он потряс головой.

— Никаких зеленых человечков, мисс Хэтчер. Многие верят, что наш мир единственный, но так думать — невежество. И потом есть те, чей ум открыт к более гибким вероятностям и возможностям. Для вас будет лучше и понятней, если вы представите эти другие миры как параллельные измерения. И я верю, что Кодекс... — он погладил папку, как щеку любимой девушки. — Должен объяснить способы создания магических ворот между мирами, то есть, как перенестись сюда в первую очередь.

— Магические ворота? — она не смогла сдержать неверие в своем голосе. — Вы же знаете, что это звучит как сумасбродство, да?

Он снова закивал головой, будто отчасти соглашался с ней.

— Мне об этом говорили многие, но это не меняет моего мнения. — он открыл середину папки. — Я изучал записи своего отца и наброски годами, и я внимательно изучал фотографии, с тех пор как Джеки выслала их мне, давая возможность составить свое мнение о книге. Этот язык, как ранее утверждал мой отец, — то, что я никогда не встречал до этого. Никакой другой и близко не похож на него. А я знаком с сотней языков, современных и древних. Я целый месяц изучал Вавилонский. Я могу переводить египетские иероглифы, жуя жвачку и стоя на голове. Но этот? Этот — величайшее дело всей моей жизни. Это великая тайна и загадка.

— Потому что вы не можете расшифровать его.

— Не делайте поспешных выводов, мисс Хэтчер. Ваша тетя верит в мои возможности, иначе она никогда не доверила бы мне столько своих секретов. Я верю, что пройдет еще немного времени, и я взломаю этот код. Вот. — он коснулся страницы, на которой было что-то написано, и эти буквы окружали ястребы и рисунок луга с чем-то наподобие стеклянного города издалека. — Это слово. Я считаю, что его можно перевести как «вечнозеленый». А возможно «непрекращающийся...бесконечный...» — его взгляд встретился с ее. — «бессмертный».

— Бессмертный, — повторила она следом и во рту внезапно стало сухо. — Может... может это все лишь своего рода мистификация. На протяжении истории человечества всегда были мошенники, которые пытались создать ложные и единственные в своем роде артефакты, правильно?

Он улыбнулся какой — то маниакальной улыбкой человека, который мало спит и ежедневно компенсирует это литрами кофеина. Быстрый взгляд на стол профессора подтвердил догадку Крис: на нем стояли кофейные стаканчики, а одноразовые чашки стояли по всей его поверхности.

— Правильное утверждение, но на этот раз я прав. И в глубине души я это знаю. Я уверен. Бесповоротно и окончательно.

Он снова полистал и указал Крис на рисунок существа чем-то напоминающего белку, но с очень длинными ушами.

— Например, такие особенные виды не существуют и не существовали никогда в нашем мире.

— Но это просто рисунок. Кстати, Микки Маус тоже не настоящая мышь, вы же знаете.

В его глазах плеснулось раздражение:

— Вы хотите отрицать все, о чем я говорю, но в ваших глазах я вижу, вы верите в то, что это может быть правдой.

— Если это так, — предположила она, — вы считаете безопасным держать копии в вашем кабинете? Я имею в виду после всего, что случилось с вашим отцом?

— Посланники Маркуса Кинга не навещали меня уже более десяти лет. Я не напечатал ни единого слова о Кодексе после той статьи, и я уверен, они хорошо осведомлены, что мои любые малейшие попытки пролить свет на это дело были высмеяны на каждом этапе. И предприняты все попытки дискредитировать любую мою работу. Они верят, что мои труды в этой области прекращены. Что я всего лишь скромный университетский профессор с эксцентричными фантастическими теориями.

— Но они ошибаются. — подытожила она.

Он согласно кивнул.

— Самое лучшее, что они думают, я просто дурак.

— Не думаю, что вы — дурак. — она должна была ему верить. Если Джеки доверяла ему, значит, она тоже будет доверять. — Д-р Вега, вы должны помочь мне. У моей сестры Бэки проблема.

— Что вы имеете в виду? Что за проблема?

— Кодекс...она видела его. Она касалась книги.

— О Боже... — вырвалось у него, он поерзал на стуле. — Значит, Джеки сумела вернуть Кодекс в Торонто. Она — женщина, которую не следует недооценивать.

Так много еще неясностей. Д-р Вега соображал намного лучше, чем казалось на первый взгляд. Он не недооценивал Джеки, а Крис не будет недооценивать его.

— Бэка впала в кому после того, как прикоснулась к книге. Началось все с частичной неподвижности, но сейчас она полностью погрузилась в кому. — по позвоночнику пробежала дрожь. — Это с ней сделала книга. Мне необходимо знать, как разбудить ее.

Он нахмурил брови.

— Мне жаль, что вам приходится иметь со всем этим дело в столь юном возрасте.

Крис отбросила его сожаления.

— Я держала книгу столько же, сколько и она, но со мной ничего не произошло. Почему она так повлияла на нее, а не на меня?

Он поджал губы.

— Честно, я не знаю. Я уверен, многие люди контактировали с книгой в прошлом, но я впервые слышу о таком реальном негативном эффекте на того, у кого она в руках.

— Так что же нам делать?

Д-р Вега порылся в верхнем ящичке стола, вытащил полосатую записную книжку и записал что-то туда синей ручкой. Его почерк был таким же непонятным, как и Кодекс.

— Я поспешу в своих попытках перевести эти страницы. И в тоже время, я сделаю все, что смогу, чтобы выдвинуть несколько теорий о том, что случилось с вашей сестрой.

Тревога захлестнула душу Крис.

— Вы сделаете все, что можете? Я думала, вы — эксперт в этом. Вы должны дать мне больше, чем «может быть».

— Я — эксперт. Но это не означает, что я знаю все об этом, особенно имея на руках только копии, и то меньше чем две недели. Я, возможно, не смогу разгадать загадку, подобную этой, за такое короткое время. — выражение его лица смягчилось. — Мне жаль, мисс Хэтчер. Как бы я хотел сказать что-нибудь, что успокоит вас.

Крис встала, ноги будто не слушались ее.

— Я тоже.

Конечно, она не найдет ответ так быстро. У д-ра Веги может быть целый букет теорий о книге, но если он не знал, что она способна на подобное, он, возможно, не будет таким полезным, как она надеялась.

И снова при разговоре о книге всплыло имя Маркуса Кинга. То, как говорили о нем Джеки и д-р Вега представляло его ужасным дьяволом во плоти, но это не имело никакого смысла. Почему тогда отец не просто доверял ему, а считал, что тот способен спасти мир, если он такой монстр? Что-то не сходилось.

— Обещаю, что позвоню, как только у меня появится какая —нибудь информация. — заверил д-р Вега.

Все, что она могла сделать — это кивнуть в ответ. Затем постучали в дверь. Д-р Вега с опаской подошел к двери, повернул ключ в замке и выглянул наружу. Там стоял очередной студент, просящийся поговорить с ним по поводу подписания какой-то бумаги. Не сказав больше ни слова, Крис прошла между ними и покинула кабинет, в голове был туман.

Она получила так много информации, и все без толку. Магический язык. Книга заклинаний из другого мира. Бессмертные. Если бы она услышала подобное неделю назад, то рассмеялась бы над всем, что ей рассказал д-р Вега, считая это смехотворными рассказами — очередной фантазией одной из любимых книг Бэки.

Она толкнула главную дверь и вышла из здания антропологии на прохладный воздух. Небо снова затянуло тучами, голубого краешка нигде не было видно. Город казался серым и блеклым. А подумать только, всего неделю назад повсюду появлялись зеленые ростки на деревьях и цветах. Казалось, зима грозиться вернуться в город.

Поток ее мыслей прервала чья —та рука. Кто-то схватил ее за руку, она повернулась и увидела парня в черной кожаной куртке с красным шарфом.

— Знаешь... — сказал он. Каптановые волосы в модном беспорядке, глаза цвета виски и убийственная улыбка. — Твое лицо мне кажется знакомым. Я знаю тебя?

— Не думаю. — хотя она вынуждена была признать, что его лицо показалось ей знакомым тоже.

Он подловил ее в тот момент, когда в ней кончалось всякое терпение, но она не хотела выплескивать свое раздражение на незнакомца.

— Я думаю о том, чтобы посетить здесь несколько лекций. — сказал парень. — Я мог бы воспользоваться подсказкой от того, кто знает. Ты свободна сейчас? Это возможно прозвучит слегка сумасбродно или импульсивно, но могу я угостить тебя чашечкой кофе? Так бы мне представился шанс поговорить с тобой.

Его кривая улыбка была очаровательной. Под правым глазом она заметила маленькое родимое пятно, которое, как многие посчитали бы, портило его вид, но Крис нашла это интригующим. Его нос казался слегка с горбинкой, как будто был сломан раз или даже дважды. В сочетании с родимым пятном это делало его лицо идеальным, симметричным.

Сравнивая его с предыдущим золотоволосым парнем, она сочла этого гораздо более интересным и стоящим ее камеры. Ей бы понравилась возможность пофотографировать его. Но не сейчас. И не потом — у нее есть более насущные нужды, на которых нужно сконцентрироваться.

— Я не учусь здесь — сказала она. — Извини.

— Но...

— Кто-нибудь другой поможет тебе, я уверена. Удачи.

Прежде чем Крис повернулась, чтобы уйти, она заметила, как его дружелюбный и

флиртующий вид помрачнел. И тогда она поняла, откуда знает его. Фаррелл Грейсон — средний сын одного из самых богатых людей в Торонто. Она вспомнила, как листала журнал «Фокус Торонто» в прошлом году и рассматривала черты лиц семейства Грейсонов, их трех великолепных сыновей.

Но что — то в нем было не так... Родинка под глазом. Ее не было на фотографиях.

«Поверить не могу, я помню такое!» — подумала она.

Фаррелл Грейсон, сверхпривилегированный богатый сын, чьи аресты и драчливые выходки выходили прямо на первые полосы всех газет Торонто. Да, она определенно знала его по репутации. Крис оглянулась и посмотрела на парня в черном и красном, стоящего на том же месте, где она его оставила. Возможно, ей следовало принять как комплимент то, что он хотел угостить ее кофе, даже для того, подобраться к ее мозгам.

Но впереди у нее были более важные вещи, чем обращать внимание на парней. Особенно на тех, на которых написано «ходячая проблема»!

Фаррелл

Подкуп старшеклассников для получения необходимой ему информации обошелся не очень дорого. Шестьдесят долларов — и Фаррелл узнал все, что ему было нужно. Во вторник утром он пошел в школу Сандерленд и узнал, что Кристал Хэтчер умудрилась (хоть и с трудом) сдать все предметы на проходные баллы, несмотря на то, что пропустила почти три ценных недели занятий с января. Ее любимым и лучшим предметом было рисование, а самым худшим и нелюбимым — математические расчеты и вычисления.

Он узнал, что она жила с сестрой и матерью в квартире над книжным магазином «The Speckled Muse» — маленьким семейным бизнесом, которым семья Крис владела несколько поколений. Магазин славился у туристов популярностью не только потому, что являлся одним из самых старых зданий в Эннексе, но еще и таинственными легендами и поверьями, что он посещался призраками. За последние несколько лет продажи слегка упали из-за возрастающей популярности электронных книг, а также более низких цен и широкого выбора в больших книжных и онлайн — магазинах.

На личном уровне среди ее одноклассников было несколько предположений о том, видела ли Кристал отца после того, как ее родители развелись два года назад. Из шести старшеклассников, у которых Фаррелл все разузнал, двое считали Кристал приятной знакомой, но только не близким другом. Две ее лучшие подруги недавно переехали в Ванкувер и Майами. Еще три информатора признались, что не знают ее вовсе. И одна — девушка с насмешливым и сердитым выражением — поведала, что Крис — «полная стерва».

Противоречие услышанного пробудило в нем интерес. Итак, что же он узнал? Кристал Хэтчер оказалась стервозной одиночкой, любящей искусство и, по большому счету, больше никаких других сведений о том, что его так интересовало. Опять же судя по рассказам ее дружелюбно настроенных ровесников, у нее не было парня, но одна девушка отметила, что та упоминала кого-то по имени Чарли с большой нежностью в течении последних недель.

Но никто не видел ее в школе с прошлого четверга. Фаррелл без труда нашел в ежегоднике фото, на котором была изображена неулыбающаяся серьезная девушка с черными смоляными волосами и необычайно светлыми глазами. Он быстро оторвал его и положил в карман, затем неторопливо прошел по улице Баттерст, немного северней от улицы Блур, чтобы затаиться и ждать за магазином, пока вдруг не увидит ее выходящей.

Внешний вид девушки сильно отличался от фото из ежегодника. Длинные волосы были неаккуратно собраны в хвост, спадавший на спину, и он был сильно осветлен, даже казался белым. Очки в черной металлической оправе, которые были уж слишком велики для ее лица. Выцветшая джинсовая куртка, черная юбка по лодыжки, черные ботинки со стальными носками. И фиолетовая сумка, выделяющаяся ярким пятном.

Когда она прошла мимо, даже не взглянув в его сторону, он ощутил исходивший от нее нежно — сладковатый запах свежей клубники. Клубника была его любимой ягодой. Этот аромат придал ему уверенность в себе, он шел за ней следом до университета Торонто, затем ожидал, пока она выйдет из здания, где пропала прежде, чем он успел перехватить ее. Когда наконец она появилась, он предстал перед ней со своей лучшей улыбкой и весь искрился обаянием. Ощущение удачи наполняло его полностью от предвкушения легкой победы и

удовольствия...

И был быстро отвергнут, как вчерашние новости. Такого раньше с ним не случалось никогда! И поэтому он не был уверен, что ему делать с этим, в неверии стоял и смотрел ей вслед, пока она уходила прочь.

Внутри него всколыхнулась тьма в ответ на его неудачу, а запах клубники преследовал его еще несколько часов, после того как он пытался понять, что же сделал не так.

— Ты слушаешь меня?

Фелисити Ситон вглядывалась в него за столиком ресторана «Scaramouche» — ресторан экстра-класса в стиле Франции с великолепным видом на город — она пристально вызывающе смотрела на Фарелла через свой бокал клубной содовой и клубничного сока.

— Да, конечно. — немедленно отозвался он, показывая жестом официанту, чтобы ему подали еще водки со льдом. Это будет уже третья порция с начала этого свидания вслепую. Он уже начинал жалеть, что не отменил его. Не потому что он бы разочаровал мать больше, чем она уже разочаровалась в нем.

По некоторым причинам это казалось хорошей идеей. Свидание с подходящей девушкой, которая могла бы окружить его ореолом респектабельности, в котором он мучительно нуждался, чтобы выглядеть лучше в глазах своих родителей и всех остальных жителей города.

Фелисити подняла тонкую, подведенную карандашом бровь.

— Тогда о чем я говорила?

— Ты собираешься поехать во Францию на следующей неделе.

Она улыбнулась.

— Верно. Ты, конечно же, был там?

— Еще ребенком. Я помню мало, за исключением того, что меня таскали по художественным галереям, и я ел много сыра.

— Ты должен съездить туда снова. Марсель в это время года — просто сказка.

— Верю тебе на слово. — он даже улыбнулся ей в ответ, правда эта улыбка была лишь поверхностной, а он пытался игнорировать напористый аромат ее духов. Скорее всего, парфюм стоил несколько сотен долларов за пару граммов, но Фаррелл считал, что ей следует сохранить деньги и купить какие —нибудь духи дешевле и не такие приторно агрессивные. Что-то более...фруктовое, ненавязчивое и легкое.

Была ли Фелесити хоть немного так красива, как утверждала его мать? Конечно. Хотя ее точеные черты напоминали ему лисицу. Фелисити стала моделью в шестнадцать лет, но решила, что ее это не особенно интересует. Вместо этого она хотела посвятить свою жизнь благотворительности. У нее были идеальные светлые волосы до плеч с тонкими прядями, которые скорее появились в салоне, чем от солнца, а ее макияж был таким тонким, что создавалось впечатление, будто от природы ее лицо было безупречным.

Черное сатиновое платье было чуточку слишком элегантным для восемнадцатилетней девушки для свидания во вторник вечером, но о вкусах не спорят. Пока они приятно беседовали, Фаррелл ощутил, что он удобно попрिдержит конец этого дела из-за матери, хотя его мысли были за миллион миль отсюда. Наконец они закончили с ужином, и перешли к десерту.

— Если я съем еще хоть один кусочек, я лопну, — пожаловалась его спутница.

Едва ли она съела пару устриц. Фаррелл положил кредитку на тарелочку со счетом, не беспокоясь даже взглянуть на сумму на чеке.

— Так замечательно было познакомиться с тобой. — сказала она.

Он с трудом подавил желание зевнуть.

— Больше и не скажешь. Надеюсь, мы увидимся снова.

— Да, конечно.

Он выдавил еще одну холодную улыбку, пока подвозил ее до Роздейла — поместья ее родителей.

— До следующей встречи. — попрощался он.

— До встречи. — согласилась она.

— Или же, — начал он, — ты не хочешь, чтобы эта ночь заканчивалась так скоро?

Она повернулась и встретила его взгляд с интересом.

— Тебе нельзя оставаться здесь сегодня. Родители с ума сойдут, если застанут парня в моей комнате — кем бы он ни был. Нам пришлось бы снять номер в отеле.

Он широко распахнул глаза.

— Да вы что, мисс Ситон, по — вашему, что я предлагаю вам?

Ее щеки покраснели.

— Я...я имела в виду, я..

Он придвинулся ближе и невинно поцеловал ее в щеку.

— Я думаю, пусть все развивается медленно, своим чередом. Если тебя это устраивает.

— Конечно, меня это более чем устраивает.

Он проводил ее до двери, пожелал еще раз по — джентельменски спокойной ночи, а затем быстро ушел. Девушки все одинаковы. И было так весело играть с ними. Неожиданная испорченная мысль, пришедшая на ум, вызвала у него хищную улыбку.

— Она кажется чудесной девушкой. — сказал Сэм, открывая ему заднюю дверь лимузина.

— О да, она просто прелесть. — Фаррелл устроился на заднем сидении. — Поехали, выпьем где-нибудь.

— Я не могу пить, сэр. Я за рулем.

— Тогда ты будешь пить молочный шоколадный коктейль, и смотреть, как я пью водку.

— Ладно. — согласился Сэм. — Молочный коктейль в самый раз.

По пути в клуб «Рейвен» Фаррелл решил проверить, как там его младший брат, узнать, захочет ли он посмотреть ночной сеанс какого-нибудь фильма. Он позвонил дважды, прежде чем Адам ответил.

— Але? — прокричал парнишка. На том конце провода музыка была такой громкой, что Фаррелл едва слышал его.

— Ты где? — спросил Фаррелл.

— Что? — проорал Адам в ответ и Фаррелл раздраженно выдохнул.

— Ты — где?

— «Firebird»! Я здесь со своими новыми друзьями! Они — чудесные ребята! — слова Адама были невнятными.

«Firebird» был новым танцевальным клубом на бульваре Лейк Шор Восток возле площадки с выставкой, и Фаррелл точно знал, что там не обслуживают несовершеннолетних. Он крепче сжал телефон.

— Ты пьян!

— Ты что, телепат? Ей, слушайте все, мой брат — телепат. Он знает, что я пьян!

— Я еду к тебе.

— Ой, умоляя-я-ю. Серьезно собираешься набрасываться на меня? Из-за того, что я пропустил пару стаканчиков и, не знаю, может одну или две дорожки! Я веселюсь!

«Одну или две дорожки?»

Фаррелл потянулся вперед и постучал в перегородку, которая сразу же опустилась.

— Сэм, гони в «Firebird».

— Да, сэр.

— Адам, что бы ты сейчас ни делал — прекрати. — сказал Фаррелл в трубку. — Выйди на улицу и жди меня там.

— Ни за что! — ответил Адам. — Я никуда не собираюсь. И почему ты ведешь себя как полный кретин относительно всего этого? Сам пропадаешь на вечеринках все время. Я всего лишь следую твоему примеру. Тебе следует гордиться мной!

В начале звонка Фаррелл думал, что он разъярится на своего брата, но вместо этого его заполонило какое — то холодное чувство. Спокойствие, которое замедлило биение сердца, но обострило восприятие. Он ощущал запах бензина, резины шин лимузина. Он мог различить отдельные голоса за ревом музыки.

— Я ожидал лучшего от тебя, и мать с отцом тоже.

Адам просто рассмеялся в ответ и повесил трубку, не сказав ни слова. Фаррелл и Сэм прибыли в танцевальный клуб пятнадцать минут спустя.

— Вам нужна помощь? — спросил Сэм.

— Нет, оставайся здесь. Это не займет много времени.

Фаррелл вошел в клуб, поморщившись, когда после тишины, царящей снаружи, орущая музыка ударила по его обостренному слуху. Дизайн клуба соответствовал названию. Везде, куда бы он ни взглянул, он видел искры — нарисованные на стенах, мерцающие в гигантских экранах, свисающих над баром, вышитая ткань на стульях и диванах. Под вспыхивающими лампами танцевальная площадка, казалось, была вся огненно мерцающей, блики света отражались на мозаике, выложенной в виде феникса, а его перья — сделанными из огня в момент, когда он восставал из пепла.

Место было многолюдным, запах тела и дешевого одеколona бросились в чувствительный нос Фаррелла. Он изучал людей, пытаясь услышать голос брата и засечь его лицо в толпе. А вот и он — в центре танцевальной площадки, танцевал напротив какой — то неприятной на вид девушки, на вид старше его в два раза. Он напрямик направился к Адаму и схватил его за руку.

— Пора уходить, малой.

Брат повернул к нему мутный, не сфокусированный взгляд и выдернул руку.

— Я не ребенок.

— Ты прав. Сейчас твое поведение больше напоминает лепет младенца.

— Мне весело.

— Мне все равно.

— Ты не можешь заставить меня уйти.

— Уверен в этом? — он схватил руку Адама снова и потащил его из танцплощадки.

Адам ругался и вырывал руку, но не смог ослабить хватку.

— Ты делаешь мне больно. — воскликнул он.

Тогда Фаррелл отпустил, заметив, что его пальцы оставили красные отметины на руке брата.

— Извини.

Адам потер пятна.

— Я не знаю, почему ты ведешь себя как последний дурак. И делаешь это все время. Ты делал то же самое, когда тебе было столько, сколько мне сейчас.

— Может, я хочу лучшего для тебя.

— Может, меня не волнует, чего хочешь ты.

Фаррелл изучал его. Лицо парня было красным и потным, а зрачки — расширенными. Он был не просто пьян; он был под кайфом.

— Кто дал тебе кокс? — спросил он низким и монотонным голосом.

— Какое это имеет значение? Я мог достать его где-угодно, когда-угодно, если захотел. Пока Маркус не убил каждого дилера в городе.

Фаррелл оглянулся по сторонам убедиться, что никто не подслушивает.

— Я знаю, ты еще не свыкся с увиденным на встрече, но это не повод терять контроль над собой и вести себя так безрассудно.

— Это не связано.

— Нет?

Люди всегда тянулись к порокам, чтобы сбежать, забыть. Фаррелл знал это лучше, чем кто бы то ни было. Очевидно, Адам был в большом смятении после того, как увидел казнь. Фаррелл понимал, что причина в этом, но не представлял, почему это задело брата так глубоко, больше, чем его самого. И ни один член общества, насколько он знал, не реагировал так на суд и на отметины, наносимые кинжалом Маркуса. Адам чихнул.

— Вот что происходит, когда вдыхаешь порошок в нос. — отметил Фаррелл.

— Нет, я думаю, я простудился. Или это грипп. Что-то вроде того.

Фаррелл пристально посмотрел на него в замешательстве.

— Это невозможно.

Адам получил дар первой метки Маркуса, это означало, что теперь он должен иметь отменное здоровье. Отныне он не может заразиться обычной простудой.

— И что здесь происходит? — к ним присоединился парень, которого Фаррелл раньше никогда не видел, его широкая улыбка была неприятной.

— Ты кто? — спросил Фаррелл

— Хороший друг Адама. Майкл. — улыбка стала еще шире. — Ты — Фаррелл, брат Адама. Рад встретиться с тобой. Я много о тебе слышал.

— Сколько тебе лет? — спросил Фаррелл, игнорируя то, что парень представился.

— Двадцать один.

— И ты зависаешь тут с шестнадцатилетками?

Майкл пожал плечами и обнял Адама за плечи.

— Адам — свой человек. Теперь он — со мной.

— Неужели?

— Да ладно тебе, парень. Давай вернемся к моему столу. Я получил такую конфетку, которой рад поделиться с друзьями.

— Конфетку. — уточнил Фаррелл

— Лакомка для носа. Ты же знаешь, что я имею в виду.

— Конечно, знаю.

Фаррелл схватил Майкла и ударил его коленом в живот. Майкл от боли испустил какой — то звук, похожий на хрюканье, его взгляд затуманился. Разум Фаррелла покинули все мысли, осталась только холодная определенность. Этот парень дал Адаму наркотики,

подбил его, чтобы тот сам принял их. Для вечеринки. Чтобы было веселее. И Фарреллу захотелось убить его.

— погоди, что ты...? — начал Майкл, но Фаррелл уже дернул его, подымая вверх.

— Держись, черт возьми, подальше от моего брата. Услышал? — и Фаррелл ударил его в кадык.

Майкл засипел и выругался, схватившись за горло. Когда Фаррелл шагнул к нему снова, Майкл попытался нанести ответный удар, но явно проигрывал. Осязание, сила, ясность. И холодная точная цель: защитить Адама.

Фаррелл отбросил Майкла на танцевальный пол, который в мгновение ока опустел. Визги и крики эхом отдавались в ушах Фаррелла. Его кулак обрушился на нос Майкла, и он ощутил, как тот сломался под его костяшками. Майкл закричал.

Еще несколько ударов и парнишка осел на пол. Фаррелл бросился на него сверху и наносил удар за ударом, пока перед его глазами не оказалось ничего, кроме крови. Кто-то крепко схватил его за руки, пытаясь остановить.

— Ты убьешь его!

Это был вышибала из клуба. Он был сильным и сумел поднять Фаррелла на ноги. Майкл просто лежал на полу, дергаясь и хныча.

— Не вставай. — предупредил его Фаррелл.

— Поверь мне, дружище, — сказал вышибала. — Он так быстро не встанет.

Фаррелл обратил свой изучающий и холодный взгляд на вышибалу. Тот был больше и выше Фаррелла, выглядел как проблема, если Фаррелл попытается продолжить.

— Вот. — Фаррелл вытащил кошелек и сунул пять столларовых чеков в нагрудной карман парня. — Позаботься об этом вместо меня, ладно, друг?

Вышибала сжал их в руке, нахмурясь при виде чеков.

Фаррелл не стал ждать, пока все устроится. Деньги делали разговор результативным, так было всегда. Он схватил Адама и поволок его из клуба, игнорируя взгляды тех, кто наблюдал за этой односторонней битвой. Он не выпускал брата, пока они не вышли наружу.

— Садись в машину.

Но Адам только смотрел на него.

— Что, черт побери, это было?

— Что ты имеешь в виду?

— Ты...то, что ты сделал там. Тебе не нужно было забивать его до полусмерти.

— Он дал тебе наркотики.

— И что? Он не впихивал их в меня. Он предложил — я взял. Я хотел попробовать, что это такое.

— Так все и начинается.

Глаза Адама расширились.

— Да что с тобой такое?

— Ничего. Я чувствую себя превосходно. Кстати, никогда не чувствовал себя лучше. — он изучил свой кулак, ожидая увидеть сбитые и окровавленные костяшки, но его рука была невредимой.

— Это был не ты, — сказал Адам, потрясая головой. — Это был...монстр!

— Хватит мелодрамы. Иди. — он шагнул к Адаму, который отпрянул от него, как будто не мог вынести его прикосновений.

— Кто ты? — прошептал он.

— Я — твой брат. — ответил Фаррелл, отпуская холодное чувство внутри него, которое позволяло видеть мир настолько четко. — И я всего лишь хочу защитить тебя.

Мэддокс

Когда охранники прибыли в темницу, чтобы отвести его на вторую аудиенцию с богиней, он был готов.

— Он идет со мной. — настаивал Мэддокс, показывая головой на Барнабаса.

Светловолосый стражник взглянул на «сумасшедшего Барни» и расхохотался.

— Ночью привязались друг к другу, так что ли?

— К вашему удивлению.

— Он не может пойти с тобой.

— Богиня хочет, чтобы я использовал свою магию и помог ей. А моя магия — она весьма непредсказуема. Но когда Барни рядом, ее намного легче контролировать. Как же мне это объяснить?

Мэддокс потер подбородок, как будто сильно задумался.

— У тебя когда —нибудь была вещь на удачу?

Темноволосый страж кивнул.

— У меня была куриная косточка, однажды ее дал мне дедушка. Я носил ее с собой на удачу, пока не потерял.

— Вот, именно. Он и есть моя куриная косточка. — подхватил Мэддокс, соглашаясь. — Если он не в одной комнате со мной, у меня может и не получиться высвободить свою магию. Не думаю, что богине понравится, если я скажу, как вы отвергли мою скромную просьбу.

Ответом ему послужили стоны протеста и мрачные взгляды охранников, но после длинных споров они решили взять Барнабаса с собой, привести его в цепях в тронный зал.

«Это прошло гладко.» — отметил Мэддокс. Возможно, Ливиус научил его врать лучше, чем сам понимал. Барнабас отказался посвятить его во все детали своего плана.

— Проведи меня в тронный зал и будь готов к нашему предстоящему побегу. — предупредил он ранее. — И еще у меня есть задание для твоего друга — духа, пока мы все равно будем заняты.

Потом, когда он заснул и начал похрапывать, Бэッカ недоверчиво смотрела на Мэддокса.

— Я не верю ему. — сказала она. — Он — сумасшедший.

— Это притворство.

— Да кто согласится попасть в темницу, даже чтобы добраться до тебя?

— Сумасшедший.

— Вот именно! Он слишком много знает о том, на что ты способен. Он лишь хочет использовать тебя.

— Если он может вытащить меня отсюда живым, то я к этому отношусь спокойно.

И теперь Барнабас шагал рядом с ним, позвякивая цепями при каждом шаге.

— Люблю приятные прогулки — сказал он, возвращая Мэддокса к действительности. — Хорошо для костей. Хорошо для мозгов. От этого они светятся ночью как искорки, которые, откровенно говоря, вкусное угощение с кубком хорошего вина, оно помогает тушить искры.

— Искорки? Замолчи, ты, сумасшедший выродок. — проворчал светловолосый страж. — Или я прирежу тебя там, где стоишь.

— Нет. — быстро возразил Мэддокс. — Никаких прирежу. Мне нужно его присутствие, он — мой талисман, моя куриная косточка. Успокойся, Барни.

— Да, мой юный друг. Я буду тихо себя вести. Прошло так много времени с тех пор, как я в прошлый раз смотрел на золотую плоть Ее Светлости. Трепещу весь при этой мысли.

— Заткнись! — рявкнул страж, пинками заставляя его шагать вперед.

Сейчас Мэддокс не был уверен в искренности Барнабаса, но так как рядом больше не было никого, кто помог бы ему в нынешнем положении, у него не было другого выбора, кроме как относиться ко всему с надеждой и оптимизмом.

Он хотел, чтобы Бэкса шла рядом с ним, это значительно помогало укрепить его мужество и придавало храбрости. Но Барнабас дал ей задание проникнуть в определенную комнату во дворце.

«Мы могли бы сделать это сами, но лучше, если твой невидимый друг поможет нам. — сказал он.»

Поэтому она ушла в противоположном направлении.

Их снова привели в зал, заполненный деревьями и растениями, поставили на колени перед ступеньками, ведущими к Валории, которая сидела на троне.

— Это что? — недовольно просила богиня — Что это за отвратительное создание вы привели ко мне?

— Примите мой поклон, о, лучезарная. — Барнабас низко поклонился, лбом он касался моха. — Это честь для меня дышать тем же светлым воздухом, что и вы в это чудесное, переплетенное виноградными лозами утро.

— Сумасшедший. — объяснил светловолосый. — Колдун утверждает, что он нужен ему здесь, чтобы творить свою магию, как знак доброй удачи.

— Утверждает, значит. Теперь, — она посмотрела на каждого из них по очереди. — я полагаю, это не имеет значения. Его вонь испарится отсюда мгновенно. Итак, мальчик, ты можешь сделать то, о чем я прошу тебя?

Из — под платья Валории выполз Аэгус. Сегодня ее длинные юбки были черными и отделаны малиновой тканью.

— Какое прекрасное создание! — воскликнул Барнабас. — Никто бы и не догадался, насколько оно хладнокровно.

Губы Мэддокса искривились в полуулыбке, так как он понял, что Барнабас говорит не только о змее. Аэгус зашипел, высунув свой раздвоенный язык.

— Говори, мальчик. — приказала Валория, проигнорировав Барнабаса. Он провел большую часть ночи, переживая о том, как ответит ей. Как дать такой ответ, который удовлетворит невозможную задачу богини? Солгав столько раз, сколько потребуется, конечно же.

— Да, Ваша Светлость. Я помогу Вам. Все, что Вам необходимо. Мы найдем дух этой девушки и вернем ее из лона смерти, если она именно там.

— А ты можешь извлечь ее магию? Чтобы мы могли использовать ее, призвав то, что было у меня украдено?

Еще одно дополнение в ее невыполнимых заданиях.

— Мне бы очень помогло, если бы я знал, что за украденную вещь Вы ищете. — сказал Мэддокс.

— Кинжал. — ответила она. — Очень особенный золотой кинжал, который уже долгое время не в моих руках. Я также, естественно, хочу, чтобы его вор дорого заплатил за свои

преступления.

Золотой кинжал. И все, что произошло, из-за кинжала!?

— Эта молодая ведьма, — продолжал Мэддокс, желая удостовериться в своих словах. Он снова вспомнил Ливиуса. Он ненавидел его те три года, что они путешествовали вместе, обманывая богатых лордов за деньги, но тот был великолепным мошенником. — Как она выглядит? Как ее зовут?

— Ее внешность? Ее имя? — глаза Валории сузились. — Если бы знала, я бы и сама могла найти ее. Все, что я знаю наверняка, в то время когда она умерла, если она вообще мертва, она была красивой и очень могущественной молодой ведьмой. Она — дочь моей умершей сестры, в конце концов.

Глаза Мэддокса расширились.

— Дочь.... — он сглотнул.

Он не знал, что у бессмертной богини может быть мертвая сестра. Барнабас стоял неподвижно за ним, спокойно наблюдая за всем и не спуская глаз с Валории.

— Делай, что можешь сделать, чтобы помочь Ее Сиятельству, мой юный друг. — сказал он. — Сделай это сейчас, чтобы она могла получить то, что заслуживает.

— Хорошо. — Мэддокс закрыл глаза и поднял руки ладонями вверх. — Нас все время окружают духи. — врал он. — Сейчас я буду умолять, просить их дать мне информацию о этой ведьме.

Валория кивнула.

— Очень хорошо. Продолжай.

— Духи, придите ко мне. Дайте ответ на мой вопрос. — Мэддокс открыл глаза и осмотрелся вокруг на высокие деревья, достигающие потолка и на чудовищные цветы, хватающие любых насекомых, попадающихся им. — Да, да, они здесь. Духам интересно, что вы ищете. — он вдруг резко выдохнул. — О, о нет.

Валория подалась вперед.

— Что такое? Что ты видишь?

— Здесь есть дух, которые предостерегает других, чтобы они не помогали Вам.

— Кто этот дух? — прошипела она.

— Король Тадеус. — это было имя бывшего короля Митики, доброго и великодушного человека, который принял богинь с распростертыми объятиями, желая поделиться властью в королевстве с ними. Но как гласит история, долго это не продолжалось, и Валория превратила его в комок грязи с помощью своей магии земли.

— Изгони его! Отправь обратно в царство тьмы! — приказала Валория. Она не казалась особо обеспокоенной при этом выдуманном препятствии. — Тебе нужна серебряная коробочка, чтобы поймать его?

— Нет, Ваше Сиятельство. Она должна быть золотая. — Мэддокс обнаружил, что ему очень легко врать.

Валория внимательно посмотрела на него.

— Здесь у меня нет золотой коробки. Основываясь на том, что говорил твой защитник, я верила, что серебряной будет достаточно.

Мэддокс выглядел одновременно задумчиво и с сожалением.

— Увы, он не знал и близко столько, сколько думал о моих способностях. Извините, моя богиня.

— Хорошо. — она посмотрела на стража. — Немедленно принесите мне золотую

коробку.

— Да, Ваше Сиятельство.

Но прежде чем страж вышел, Мэддокс нахмурился и отрицательно покачал головой, как будто слушая мертвого короля.

— Нет, я не стану говорить ей этого. — произнес он.

— Чего? Что он говорит? — потребовала она.

— Я...я не хочу говорить Вам.

— Скажи мне, или я прикажу убить твой талисман.

— Скажи ей. — настоял Барнабас. — Сейчас подходящее время.

— Что ж, король Тадеус говорит, что прощает Вас, — сказал Мэддокс, склонив голову, будто дух говорил ему прямо на ухо. — Он говорит, что знает, как вы печальны, насколько вы одиноки. Он слышал, что вы намереваетесь прибавить к своему запрету на книги и сказки еще и запрет на такие простые удовольствия, как пение и танцы. Что также вы хотите объявить вне закона принятие эля и вина. Вы не хотите, чтобы Ваши люди наслаждались такими простыми радостями жизни. Он говорит, что Вы делаете это лишь потому, что на самом деле вы очень — очень несчастны.

Это были всего лишь догадки Мэддокса. Валория была жестокой и резкой снаружи, но в ее зеленых глазах мелькало что-то едва заметное и печальное, что позволяло ему думать, насколько его предположения верны. И эти глаза светились удовольствием только когда она смотрела на свою кобру, ее опасного и обожаемого питомца.

— Он прощает меня, так? — сказала она мягко.

— Да, Ваша Светлость.

— Как это весьма и весьма маловероятно. — ее глаза сузились. — Ты считаешь меня настолько глупой, колдун?

«О нет!»

У входа в тронный зал послышалась какая — то сумятица. Вбежали шесть солдат, быстро пробираясь через густой декоративный лес.

— Извините, Ваша Светлость, — начал первый страж, — но в темнице возникла важная проблема. Освободилось двадцать узников.

— Что!? — прорычала она. — Как это произошло?

— Я не знаю. — он низко поклонился. — Меня там не было, но...Я не думаю, что это можно разрешить без вашего, ну... вашего вмешательства.

— Слабые, жалкие, ни на что не годные смертные! — прошипела она. Она ловко положила Аэгуса в большой глиняный кувшин за троном, затем спустилась по ступенькам.

— Вы. — приказала она двум стражам, которые привели Мэддокса и Барнабаса сюда — оставайтесь с ними, пока я не вернусь.

— Да, Ваша Светлость. — сказали стражи в унисон, склонив головы.

— Кто ответственен за это? — потребовала она от остальных.

Страж, который принес новости о побеге из темницы, нервно взглянул на своего соседа.

— Вы оба абсолютно бесполезны. — она указала на них, длинные свободные рукава ее черного платья взметнулись в воздухе. В воздухе раздался треск и оба стража испустили болезненный стон. Мэддокс в изумлении наблюдал, как их кожа превращается в кору, пальцы — в листья, а ноги — в корни. В считанные секунды они стали всего лишь парой высоких деревьев, присоединившись к остальным деревьям в лесу богини.

Проходя мимо них, Валория толкнула одно из новых деревьев, сломав ветвь, свисавшую

на ее пути. Все затаили дыхание на несколько секунд после ее ухода.

— Должен признать, у этой женщины удивительный зеленый палец. — сказал Барнабас тихо.

— Барнабас, ты готов? — спросил темноволосый страж, у которого была косточка на удачу.

— Готов, как никогда. — он отошел назад и положил руки на мшистый пол.

Страж взмахнул мечом, разрубая цепи Барнабаса.

— Что это значит? — спросил светловолосый. — Что за...?

Его напарник взмахнул мечом еще раз, навсегда прервав голос соотечественника.

— Побег, вот что это. — проинформировал Барнабас мертвого стража.

«А-а.» — только подумал Мэддокс. Должно быть, это та часть плана, которой Барнабас отказался делиться с ним. Он посмотрел на них со всех сторон.

— Вы знаете друг друга.

— Определенно, да. — ухмыльнулся Барнабас, его зубы выделялись белой полоской на грязном, бородатом лице.

— Это мой брат Сайрус. Сайрус, это Мэддокс.

— Приятно познакомиться. — Сайрус вытер кровь с клинка.

Мэддокс увидел, как Бэッカ появилась через покрытую плющом стену с левой стороны. Она посмотрела на него с удивлением.

— Ты прав. Я могу ходить через стены. Это полезно.

Она едва успела остановиться при виде мертвого стража, ее глаза расширились.

— А-а, план...?

— Удался, и довольно неплохо? — ответил Мэддокс. — Ты нашла комнату?

— Конечно, нашла. — она наконец оторвала свой взгляд от лежавшего стража, затем одарила его слабой улыбкой, осветившей его сердце на краткий миг. — А ты ожидал, что я провалю задание?

Он улыбнулся в ответ.

— Не сомневался ни секунду.

— Однозначно, твой дух — девушка, — отметил Барнабас. — Это мечтательное выражение на твоём лице в данный момент подтверждает это.

Улыбка Мэддокса угасла, и он бросил нетерпеливый взгляд на Барнабаса.

— Нам нужно уходить, прежде чем вернется богиня.

— Да, отличная идея. — он пожал руку Сайруса в перчатке. — Премного благодарен, брат.

Сайрус отдал Барнабасу свой меч и кинжал из боковых ножен.

— Возьми это. Я отправлю весточку, когда смогу.

Бэッカ указывала им путь, так Мэддокс и Барнабас быстро прошли через тронный зал и вышли в узкий коридор.

— Это недалеко. — сказала Бэッカ. — Осведомитель Барнабаса был прав, это единственная не разрисованная дверь по всему коридору.

На всех дверях, которые они проходили, были выгравированы замысловатые витиеватые рисунки, но Барнабас предупредил ее, чтобы она искала простую дверь. Из обычного дуба.

— Отойди, мой юный друг. — сказал Барнабас. Он толкнул дверь. Замок разбился и дверь открылась.

Мэддокс удивленно посмотрел на него.

— А он сильный. — отметила Бэкка, скептически измеряя его взглядом, скрестив руки на груди. — Помни, это лишь доказывает, что он — вор, который убьет, чтобы получить желаемое.

— Чудесно. — сказал Барнабас радостно, когда вошел в комнату. — Все здесь находится так, как мне и сказали.

Мэддокс следовал за ним, изумленно рассматривая комнату, полную сокровищ. Золотые и серебряные монеты, ожерелья, браслеты, кольца, несметное количество ярких драгоценных камней...

Барнабас прошел прямо к позолоченной медной шкатулке, два фута в высоту и ширину, усыпанной поделочными камнями. На ней был замок и он попытался открыть его, но отдернул руку, как будто обжег пальцы.

— Замок заколдован. — сказал он. — С помощью магии огня.

— Заколдован. — повторила Бэкка еле слышным шепотом, затем громче —
Что внутри?

Мэддокс повторил ее вопрос, когда подошел ближе к Барнабасу, находясь под благоговением всех сокровищ в этой тайной комнате.

— Кое — что очень особенное, что поможет нам. — ответил Барнабас.

— Ты не собираешься рассказать мне, так? — раздраженно спросил Мэддокс.

— Нет. Но довольно скоро ты узнаешь. Возьми ее, можешь? Но не касайся замка.

Мэддокс знал, что у них мало времени, прежде чем их обнаружат, поэтому крепко держал шкатулку, отметив удовлетворенно, что мог делать это без особых усилий.

— Хорошо. — кивнул Барнабас.

Они повернулись к двери.

— Змея! — крикнула Бэкка.

Душа Мэддокса ушла в пятки при виде Аэгуса, который теперь преграждал им путь. Кобра зашипела и выросла на глазах, пока не стала такой же высокой, как Мэддокс и не увеличилась в два раза, затем поднялась и раздула свой массивный капюшон.

Барнабас тихо выругался.

— Совсем забыл о нем. Моя ошибка.

Змея обратила свое внимание на Мэддокса, как будто ее привлек свет камней на шкатулке в его руках, и начала подползать к нему ближе. Мэддокс пытался высвободить свою магию первым, чтобы оглушить змею, и они могли сбежать. Но ничего не получилось.

— Барнабас.... — крикнул он. — Сделай что-нибудь!

Змея метнулась к нему, клыки наготове, но все, что она получила в броске, это острие меча. Барнабас взмахнул оружием, отрезав голову Аэгусу одним движением. Она упала на пол, как спелая, переросшая дыня. Мэддокс еле держался на ногах. Бэкка вздохнула с облегчением. Отрубленный хвост змеи еще бился в агонии.

— Напоминаю, это волшебная змея. — сказала Бэкка судорожно. — Возможно, у нее вырастет другая голова. Давайте пойдём, прежде чем мы узнаем так ли это, ладно?

— Полностью согласен. — ответил Мэддокс. — Барнабас, пошли отсюда. Сейчас же.

Без лишних слов все трое, два вора и дух, выскользнули из комнаты и прошли по коридору в поисках ближайшего выхода.

— Великолепно. — сказал Барнабас. — С каждым шагом мы все ближе к концу правления Валории.

— Это не первый раз, когда вы пытаетесь убить ее? — спросил Мэддокс.

— Убить бессмертную богиню? Для этого недостаточно вонзить кинжал в ее холодное черное сердце. Она — могущественная, умная и чрезвычайно осторожная. Ее единственная слабость — это одержимость своей племянницей, вором, укравшим ее кинжал и, кстати, змеей, которую я только что разрубил на две чешуйчатые части.

— И ты веришь, что содержимое этой шкатулки поможет уничтожить Валорию.

— Да. А теперь нам нужно отнести ее человеку, который знает, как открыть подобный замок.

Барнабас продолжал твердить «мы», будто он и Мэддокс внезапно стали напарниками.

— Я никогда не соглашался помогать тебе. — отметил Мэддокс.

— Правильно. — кивнула Бэка. Она держалась рядом с ним так близко, что он мог чувствовать ее тепло, будто она была больше, чем дух. — Не было никаких обещаний. Ты можешь оставить его в ту секунду, как мы выйдем отсюда.

Барнабас помолчал минуту.

— Я могу помочь тебе найти ответы на вопросы, который ты ищешь, Мэддокс Корсо. Я много знаю о тебе и о твоей магии.

Но он никогда не называл Барнабасу свою фамилию.

— Как?

— Я знал твоего отца.

Мэддокс споткнулся.

— Моего отца!

— Да. Я могу рассказать тебе о нем и как он встретил свою последнюю судьбу.

— Он мертв?

Барнабас остановился, когда повернул за следующий угол.

— Я думаю, что впереди вход для слуг. Мы поговорим об этом позже. А сейчас продолжим идти.

От этих коротких слов у Мэддокса закружилась голова. Его отец. Отец Мэддокса.

— Не позволяй сказанному отвлекать тебя. — вмешалась Бэка. — Он может лгать, вести за собой, говоря то, что необходимо, чтобы ты шел за ним. Он дает тебе всего лишь слова, не доказательства.

Она была права. У него не было никаких причин доверять Барнабасу или любым обещаниям, которые тот давал.

Барнабас толкнул, открывая, скрипучую дверь.

— Интересно. Возможно, это не вход для слуг, это больше похоже на выход, но нам все равно подойдет.

Дверь вела наружу на кладбище с маленькими, скромными каменными надгробиями.

— Иди осторожно и молчаливо, мой юный друг.

Барнабас начал шагать медленно и размеренно по траве. В сотне шагов впереди Мэддокс увидел каменные ворота, а за ними — голубое небо, зеленые холмы и лес. Свобода. Мэддокс пытался не думать о мертвых под ногами. Ему нужно было сконцентрироваться на чем-нибудь еще.

— Барнабас, пожалуйста, расскажи мне больше про...

— Я сказал, молчи.

Мэддокс нахмурился.

— Почему ты настаиваешь на....

Мэддокс не успел договорить, как кто-то схватил его за лодыжку.

— Мэддокс! — вскрикнула Бэкса. — Земля!

Из земли начали подниматься руки скелетов, пробивающиеся отчаянно из — под земли.

Мэддокс произнес, задыхаясь:

— Валория — богиня земли и воды... Это должно быть магия земли. Она заколдовала кладбище, чтобы удержать кого — либо от побега.

— Неверно. — прокричал Барнабас. — Это твоих рук дело.

— Моих?

— Разве ты не знаешь? Вызывание духов, ловля призраков и теней... воскрешение мертвых. Ты — некромансер, мой юный друг.

— Не... Что? — воскликнул он.

— Магия смерти — вот твой дар.

Барнабас широко улыбнулся, будто только что презентовал Мэддоксу вкусный пудинг на десерт.

— Теперь бежим очень быстро, пока нас не разорвали на части!

Ему не нужно было повторять дважды. Мэддокс бежал, не отставая от, на удивление, быстрого Барнабаса, ловко уворачивавшегося от костяных рук восстающих мертвецов. Он сконцентрировался только на каменной огороже впереди.

Когда они добежали до нее, Барнабас вскарабкался на нее без проблем, даже перебрасывая острый меч и кинжал в руках. У Мэддокса была зажата медная коробочка под мышкой, и он старался, как мог, не касаться заколдованного замка.

— Я не могу взобраться на стену с этим. Я не уверен, могу ли я залезть на нее даже шкатулки.

— Брось ее! — предложила Бэкса. — Но делай это быстро! Они приближаются!

С бешено бьющимся сердцем Мэддокс прокричал:

— Я бросаю ее тебе!

— Давай! — отозвался Барнабас.

Мэддокс отошел назад и бросил шкатулку через каменную стену. Он услышал, как Барнабас хрюкнул от боли со своей стороны, это значило, что он успешно поймал ее.

— А теперь давай! Вперед! — настаивала Бэкса. — Поспеш!

Юный колдун шарил руками по стене, пытаясь нащупать то, за что можно уцепиться. Он сумел немного подняться вверх, но хватка ослабла, и он упал на землю.

— Так не пойдет. — Бэкса заламывала руки. — Либо лезь быстрее, либо отправь этих существ обратно в их могилы!

— Да я даже не знаю, как смог поднять их!

— Тогда у тебя остается только один выбор. Лезь! Сейчас же!

— Говори, Бэкса. Скажи что-то, скажи что-угодно, чтобы помочь мне отвлечься.

Его руки тряслись в попытках ухватиться за выступавшие камни, и от этих попыток у него на руках появилась кровь. Как Барнабас смог сделать это так быстро?

— Хорошо. — она шумно выдохнула. — Эй, знаешь что? Твой мир — это полный беспорядок. Жестокий, странный и пугающий мир насилия, и я ненавижу его. Но в нем есть единственное, что мне нравится.

Он не был удивлен, что она презирает место, в котором оказалась в ловушке. Он тоже не любил его. Однажды, когда у него будут деньги и возможность, он уедет куда-нибудь далеко-далеко отсюда и никогда не вернется.

— Что это?

— Ты. — сказала она просто, и он застыв, смотрел на нее, ее улыбка полностью заморозила его. Но потом улыбка быстро угасла, лицо нахмурилось. — Теперь торопись, ну! Давай!

Подтягиваясь выше и выше, он взобрался на стену, на этот раз не соскальзывая, пока не добрался до вершины. Две дюжины тел, покрытых гниющей плотью, спотыкались, но медленно двигались к нему, а добравшись до стены, пытались схватить его за лодыжки. Если бы он замешкался еще хоть на миг, они бы преуспели.

Когда он спрыгнул вниз с другой стороны, Бэкса уже ждала его там.

— К счастью, кажется, мертвые не могут карабкаться вверх. — отметил Барнабас. Шкатулка лежала возле него на земле без всяких повреждений. — Мы в безопасности, но нам нужно продолжать двигаться дальше. Валория скоро узнает, что мы сбежали. Конечно, ей придется повозиться с восставшими мертвецами, так что это дает нам еще немного времени.

Мэддокс даже не двинулся с места. Он скрестил руки на груди.

— Это мой отец рассказал тебе, что я... я...накроминсер?

— Некромансер. — поправила Бэкса.

— Некромансер. — повторил Мэддокс настойчиво.

Барнабас кивнул.

— Он.

— Почему я могу управлять этой...магией мертвых, как ты назвал ее? Почему я не владею другой магией, которая есть у других, например, у ведьм?

— Этого я не могу сказать тебе. Все, что я знаю, это что ты — могущественный и мне нужно, чтобы твоя магия помогла мне.

— Но я даже не знаю, как правильно ею управлять. Как я могу помочь еще кому — то?

— Ты согласен, что Валория — воплощение зла?

— Конечно.

— И что ее необходимо остановить?

— Да, но это невозможно. Ты не можешь остановить бессмертную богиню — не здесь, не на Юге. Прекрасно известно, что многие мятежники, оставшиеся преданными наследию короля Тадеуса, пытались и погибли. И даже если бы вы преуспели и победили Валорию, есть еще Клеиона, с которой тоже придется бороться.

Барнабас отрицательно махнул рукой.

— С этой разберемся позже. Одна богиня за раз, мой юный друг.

— Я тебе не друг. Я даже не знаю тебя. Рассказывай мне ваш план прямо сейчас или я отказываюсь сделать еще хоть один шаг.

Барнабас смотрел на него на протяжении долгой неловкой минуты.

— Ладно. Мы несем эту шкатулку самой сильной ведьме, которую я знаю, той, которая рассказала мне о ее существовании. В ней содержится то, что помогает отправить кого — либо из одного мира в другой.

Мэддокс быстро взглянул на Бэкса. Ее глаза расширились от шока при словах Барнабаса.

— Другой мир. — Мэддокс не мог поверить своим же словам. — Подобный разговор...

— Сумасшествие? — ухмыльнулся Барнабас. — Возможно. Но есть только один способ узнать это наверняка.

— Вот оно. Вот то, что мне нужно. — Бэкса подошла ближе к Мэддоксу. — Если он

говорит правду, это может быть ответом, как отправить меня домой.

Он встретился с ней глазами и кивнул.

— Вполне возможно.

— Я все сказал. — произнес Барнабас после минутной паузы, воцарившейся между ними. — И я пойму, если ты захочешь уйти своей дорогой. Но я бы больше предпочел, чтобы ты присоединился ко мне в моих поисках.

Другой мир. Магия мертвых. Шанс помочь прекрасной девушке — его первому настоящему другу — которая действительно нуждалась в нем. Которая верила в него, даже когда он сам в себя не верил.

Наконец Мэддокс утвердительно кивнул.

— Тогда идем вперед.

Кристал

После короткого визита в больницу во вторник вечером Крис пошла в школу в среду, но ее внутреннее состояние не позволяло в полной мере уделить внимание урокам. После школы ей пришлось присматривать за магазином, чтобы Джулия могла навестить Бэкку. После того, как она закрыла магазин в шесть, то снова направилась в больницу.

Казалось, Бэкка просто мирно спала. Крис тяжело опустилась на уже знакомый стул у кровати. Она избегала разговаривать с матерью, перекинувшись не более чем парой слов за весь день, зная, как та разозлится, если узнает, что Крис ходила к д-ру Веге за ее спиной.

Джулия Хэтчер очень не любила, когда старшая дочь нарушала правила.

Весь день мысли Крис витали и кружились, она отчаянно пыталась придумать план — что-нибудь такое, что она, простая семнадцатилетняя девушка, которая не знала никого влиятельного, без больших денег и связей, могла бы сделать, и что помогло бы ее сестре. Должен же быть хоть какой-то выход.

Все сводилось к Маркусу и Бронзовому Кодексу. Прошло несколько дней с тех пор, как она встретила с отцом в галерее. Три дня тишины, гнетущего молчания и изнуряющего неведения, состояния полной безнадежности, пока она ожидала от него вестей по поводу личной встречи с этим загадочным человеком.

— Я пытаюсь все выяснить. — сказала Крис Бэкке прямо перед уходом. — Я отказываюсь просто сидеть и ждать, пока остальные принимают решения за тебя или за меня.

По пути домой от этих мыслей ее отвлек телефон. Она печатала очередное сообщение отцу, которое удаляла много раз, меняя то одно слово, то другое, переписывая снова и снова. «Я все еще жду. И надеюсь. Позвони мне.»

Она уже была готова нажать кнопку «Отправить». Девушка надеялась, что в ее сообщении читались терпение и дочерняя прихоть. Как он мог проигнорировать такое? Как мог? И если он пришлет в ответ «Нет, мой босс не встретится с тобой», тогда хотя бы у нее будет ответ. Кроме того, отец мог быть не единственным, кто бы помог встретиться с лидером этого общества.

— Эй, блондиночка! Хороший телефончик!

Крис притормозила от комплимента и посмотрела влево на высокого темноволосого парня, изучающего ее с ухмылкой.

— Э-э, спасибо. — ответила она сухо.

— Мне нужен новый телефон.

— Да? Тогда тебе лучше сходить в магазин и купить.

— Позволь мне уточнить, мне нужен твой новый телефон.

Вначале она даже не поняла, что он имеет в виду. Ее голова витала в облаках, так сосредоточенная на составлении сообщения.

— Что?

— И твоя сумка тоже. — парень пожал плечами. — Как раз сейчас.

Она оглянулась по сторонам и увидела, что хоть этот тротуар и не был особенно популярен среди пешеходов, она и ее новый друг не были одни, между прочим. Этого

придурка, кажется, не волновало, что у них были свидетели.

— Иди к черту. — отпарировала она.

Его ухмылка только стала еще шире, когда он быстро приблизился к ней, затем выхватил телефон из рук и сдернул сумку с плеча. Она ухватилась за сумку и попыталась вырвать ее обратно.

— Пусти!

— Я сломаю тебе пальцы, если мне придется. Ты отпусти.

Еще раз рванув, он полностью забрал ее сумку, повернулся и стал убегать.

Крис в шоке уставилась на парочку встревоженных прохожих.

— Вы видели это?

— Будьте осторожны. — сказала ей какая — то женщина. — Он выглядит опасным.

— Спасибо за предостережение.

Она начала бежать за воров. В телефоне — не говоря уже о сумке — была вся ее жизнь. Электронные сообщения, тексты, закладки. Адреса. Фотографии.

У парня были длинные ноги, и он быстро бегал, но она отказывалась сдаваться так легко. Теперь у него был еще и кошелек. Ее деньги, банковская карта, удостоверение. И в этой же сумке лежал Пентакс, вместе с шестью не проявленными пленками.

— Остановите вора! — кричала она, надеясь, что кто-нибудь поможет, прежде чем он потеряется из виду.

И кто-то остановил. Какой — то парень встал на пути вора, замешкавшегося у остановки. Новый парень схватился за ее сумку. Она сразу узнала его, даже с расстояния. Это был парень из...университета — тот, который расспрашивал ее. Богатый сынок, золотая молодежь...Фаррелл Грейсон.

Вор ударил кулаком Фаррелла по лицу, так что у того дернулась голова вбок. Вор собрался снова ударить его, но Фаррелл увернулся и толкнул его в живот.

Крис подбежала к ним и бросилась к вору, готовая применить «пах — глаза» урок самозащиты от тетки Джеки. Ее толчок свалил его. Телефон упал на тротуар, и вывалилось содержимое сумки. Когда вор попытался схватить ее снова, она ударила его в лицо.

Он вскрикнул от боли, прикрывая нос, и бросил на нее холодный взгляд, прежде чем убежать.

— Давай, вали! — крикнула она ему яростно вслед. — Беги быстрее, придурок!

Фаррелл помог ей собрать кошелек, телефон и остальные вещи в сумку. Затем он подобрал Пентакс, который разбился вдребезги при падении на асфальт.

Время замерло для Крис, когда она увидела, что ее любимая камера разбита.

— Нет, о нет! — горло моментально перехватило так, что она не могла даже глотнуть. Горячая слеза побежала по щеке.

— Эй, не плачь. — сказал Фаррелл. — Это всего лишь камера. И, без обид, но выглядит она, как будто из музея. Сколько ей лет?

— Она старая. — с трудом ответила девушка, всхлипывая. — Но она...имеет для меня большое значение. Это нечто больше, чем камера.

Она пыталась быть сильной всю неделю, не плакать, а теперь не удержалась, у нее был полный эмоциональный срыв перед Фарреллом Грейсоном.

— Тогда мне очень жаль. — произнес он.

Она потрясла головой, снимая очки, чтобы вытереть глаза.

— Черт возьми, я не плачу.

— Мне могло показаться.

— Обычно я не плачу. — она поежилась — Слушай, спасибо, что остановил его. Я признательна за это.

— Я всего лишь замедлил. Своей челюстью. — он потер подбородок. — К тому же, я думаю, ты прекрасно могла догнать его и без меня. Ты сильнее, чем кажешься.

— Спасибо, я тоже так считаю. — она забрала у него разбитые части камеры и положила их в сумку, не готовая сразу выбросить.

Он склонил голову.

— А я знаю тебя, верно?

Она фыркнула

— Смешно. На этот раз это сработает.

— Что?

— Университет. Мы вчера пересеклись.

Его карие глаза вспыхнули, когда он узнал ее.

— Точно. Ты — та девушка, у которой не было времени поговорить.

Он потянулся в карман черной кожаной куртки и вытащил пачку сигарет, достал одну даже не глядя, будто делал это тысячу раз. Затем он сунул ее в рот и правой рукой достал серебряную зажигалку. Только после этого его взгляд натолкнулся на нее.

— Я знаю, мы на улице, но считаю, что должен спросить. Не возражаешь, если я закурю рядом с тобой?

— Как правило, я против, но так как ты оказался единственным прохожим, пытавшимся помочь, когда на меня напали, я разрешаю тебе вредить своим легким в моем присутствии.

— Не беспокойся. Мои легкие будут в порядке. — он улыбнулся своей очаровательной кривой улыбкой и щелкнул по зажигалке, поднося оранжевое пламя к кончику сигареты.

Из трех миллионов людей, проживающих в этом городе, она дважды столкнулась с этим парнем за последние дни. Безумное совпадение.

— Ты живешь где-то поблизости? — спросила она.

— Нет.

— Так я и думала. Здесь по соседству не так много впечатляющих особняков.

Его улыбка стала еще шире.

— Угадала? Или по счастливой случайности ты знаешь, кто я?

Интересное предложение, подумала она. Если бы только он знал о том, что она разузнала у д-ра Веги.

— Вынуждена признать, я видела твоё фото на страницах «Фокус Торонто» в прошлом году. И, замечу, теперь твоё лицо знают все в городе.

— Да, мою физиономию показывали в прессе некоторое время назад.

Он посмотрел на нее с любопытством, сделал глубокую затяжку со всеми вредоносными составляющими сигареты и выдохнул дым, к счастью, сделал он это в противоположную сторону.

— Разве не согласишься, почему я сегодня здесь, готовый броситься и подставить свое лицо под удар случайного хулигана?

— Ладно. — она оглядела его покрасневшую, слегка раздувшуюся челюсть и поморщилась сочувственно. — Почему?

— Потому что мне нужно выпить. А один из моих любимых баров во всем огромном мире тут, сразу за углом. — он сделал паузу. — Я думаю, тебе тоже нужно выпить после

исполнения приема в стиле ниндзя. Это было впечатляюще, кстати. Напомни мне, чтобы я никогда не подходил близко, когда ты в плохом настроении.

Она передернула плечами.

— Моя тетя научила меня несколькими приемам.

— Ну, смертельное оружие, столик на двоих? — он кивком пригласил ее идти с ним. —

Что скажешь?

Сердце все еще часто билось от схватки с вором, поэтому ей потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что он предлагает.

— Мне всего семнадцать. Я не могу пить.

— Мне девятнадцать. Закон гласит, я свободно могу заказывать и употреблять алкоголь.

А даже если нет, деньги красноречивее слов. Тебе принесут заказ, обещаю.

У нее не было времени распивать что-то с парнями, даже забавными и богатыми и даже если они только что спасли ее от вора.

— Я не знаю...

— Если это поможет тебе принять решение, то знай, я не собираюсь приударить за тобой. Это вроде «мы выжили вместе после жестокого преступления, так давай за это выпьем». Вот и все.

Она смотрела на него с подозрением. Не то чтобы она допускала, что кто-то вроде Фаррелла Грейсона заинтересовал, но он был подозрительно дружелюбен, и это настораживало.

— Я и не думала об этом.

— В общем, мне действительно не помешал бы друг сейчас, если хочешь. Безопасность и платонические отношения — вот мое среднее имя. — он склонил голову. — Ну как, у меня получилось привлечь тебя на темную сторону?

И снова на его лице появилась та улыбка. Крис прикусила нижнюю губу и рассматривала его еще какое — то время, пока он курил свою сигарету и поежился от холодного вечернего воздуха в тонкой, вероятно очень дорогой, кожаной курточке.

На улицы уже спустилась ночь; тучи расступились, открывая черное небо, усеянное звездами и серебристым светом новой луны.

— Ладно. — смягчилась она. — Один совершенно незаконный бокал, а потом я должна идти домой.

Он согласно кивнул.

— Скромное бесстрашие. Одобряю. Как тебя зовут, кстати?

— Кристал. Кристал Хэтчер. Все называют меня Крис.

Он предложил ей руку.

— Позволь мне ввести тебя в искушение, Крис Хэтчер.

Это был маленький первоклассный бар. Все здесь были хорошо одеты и причесаны. Крис накрутила длинную светлую прядь на палец и попыталась заглушить чувство сожаления о своих линялых джинсах и новой футболке под курткой.

Она никогда не беспокоилась о моде. С чего бы ей начинать сейчас? Они сели за столик в углу и к ним подошла официантка. Фаррелл заказал себе водку со льдом. Крис посмотрела на него.

— Серьезный напиток.

— Я — очень серьезный парень.

Но веселое выражение его лица говорило, что он — какой угодно, но не такой.

— Что ты будешь?

— Понятия не имею.

— Солёное? Сладкое? Спиртное? Вино? — Фаррелл задумчиво смотрел на нее, пока она медлила с ответом. — Я думаю, нам виски с лимонным соком.

— Хорошо. — сказала официантка, бросая оценивающий взгляд на Крис, но не спросив никакого удостоверения. — Сейчас принесу.

Крис сняла свою курточку.

— Забавно. — сказал Фаррелл, изучив ее взглядом, прежде чем посмотреть в глаза. Он самодовольно ухмыльнулся. — Я имею в виду твою футболку, конечно.

— Спасибо. — она посмотрела на себя, чтобы вспомнить, в какой она была сегодня.

Это была футболка с динозавром и надписью «T. REX HATES PUSH-UPS». «Отлично».

Минуту спустя официантка вернулась с их заказом.

— Тост. — сказал Фаррелл, подымая бокал. — За Крис, боевую девушку, которая никогда не станет чьей — то жертвой.

— С радостью выпью за это. — они цокнулись бокалами и она отпила из своего, неуверенная, каким напиток окажется на вкус. Он был кислым, но в то же время сладким, как лимонад с привкусом ликера, который обжег горло, когда она сделала глоток.

— Я думаю, мне нравится.

— Я — эксперт в подборании подходящего напитка для правильного человека. Это одна из моих способностей.

Она удивилась, какие же у него другие таланты, если он считал подобное способностью.

— Ты сказал, тебе девятнадцать, значит, только недавно ты получил право пить спиртное. И ты уже эксперт?

— Я прошел интенсивный курс по дебоширству. — он покружил свой напиток, его приятное выражение лица слегка омрачила тень.

— Тут мало что можно сказать. Сейчас у меня есть водитель, ожидает звонка неподалеку, потому что я пока не могу водить. Сделал ошибку немного перебрав с этим — он указал на бокал. — и сел за руль. К счастью, я — единственный пострадавший.

Он буквально сделал признание незнакомому человеку, но она оценила его честность.

— Каждый совершает ошибки. Пока не извлечет из них урок, я полагаю.

— Мои ошибки должны быть особенно велики, чтобы я научился чему-нибудь после них, но со временем так оно и есть. Итак, если ты не учишься в университете, то в какой школе тогда?

Она сделала очередной глоток.

— «Сандерленд — Хай»

— Старшие классы, я предполагаю?

Она кивнула.

— Планируешь дальше идти в колледж? Поэтому ты вчера была в университете?

— Нет, я... Я предпочитаю рассмотреть и другие варианты. Я бы немного попутешествовала. Увидела мир. Выберу сама свое будущее, прежде чем его выберут за меня.

— Хороший план. Дай угадаю, ты — начинающий фотограф.

— Да. Начинающий фотограф без камеры.

Фаррелл задумался над этим.

— Ты всегда можешь использовать камеру на телефоне.

— Это не одно и то же. Камера была старой, но делала профессиональные снимки.

Она посмотрела на кубики льда в своем бокале, пытаясь выбросить из головы мысли о Пентаксе.

— А что ты собираешься делать дальше со своей жизнью?

— Не представляю. Но в последнее время я рассматриваю несколько вариантов. — он придвинулся к ней ближе через столик. — Мне нужно знать...какими духами ты пользуешься?

— Духи? — она тряхнула головой. — Я не пользуюсь духами.

— Да ладно. Я чувствую запах клубники, целую клубничную грядку, теплую под летним солнцем.

— Я пользуюсь мылом с клубничным ароматом.

— Должно быть, это оно. Всего лишь мыло. Угу. Кто бы мог подумать? — его губы скривились, когда он допил содержимое своего бокала одним глотком. — Почему бы тебе не рассказать мне о своей семье? Ты ладишь с ними?

Она пыталась не рассмеяться.

— Я чувствую себя как на допросе.

— Прости, я люблю поговорить. Задавать вопросы, узнавая людей.

— Хорошо. — еще раз глотнув коктейль, она обнаружила, что выпила его почти полностью. — У меня есть младшая сестра Бэкса, и мы живем с матерью над книжным магазином «The Speckled Muse».

— Звучит весело.

— Иногда. Ты читаешь книги?

— Комиксы в счет?

— Конечно.

— Тогда да. Практически книжный червь.

Она смотрела на него, ощущая себя с каждой минутой все комфортней в его присутствии.

— Как насчет тебя? У тебя есть братья или сестры? Нет, подожди. Я уже знаю ответ из той фотографии. У тебя есть старший и младший братья.

Тень боли промелькнула на его лице. Он позвал официантку, чтобы та принесла еще водки. Крис внимательно наблюдала за ним, теперь обеспокоившись, что она сказала что-нибудь не то.

— Хорошее воспоминание. — наконец сказал он. — Да, двое братьев. Я — средний сын со всем психологическим багажом, сопутствующим этому положению.

Та печаль, которая омрачила его лицо, теперь исчезла. Может, ее вовсе и не было.

— Ты собираешься здесь учиться в колледже?

— Думаю над этим. Хотя не уверен, что такая жизнь в моем стиле.

— А какая в твоём стиле?

— Хороший вопрос. Я в данный момент на распутье. Какой выбор я должен сделать, который повлияет на мою будущую жизнь? А тут еще давление со стороны. Я не фанат такого.

— Я тоже.

Он подался вперед после нескольких минут тишины, воцарившейся между ними.

— Расскажи мне свой самый большой секрет, Крис. А затем, может быть, я расскажу тебе свой. — выражение его лица стало озорным.

Она не смогла сдержать смех.

— Ты — ходячая проблема, не так ли?

— Самая худшая из всех.

Она молча изучала его — парня, с которым не встретишься бы, если бы случайность не свела их дважды, прежде чем заговорила снова.

— Ты веришь в магию?

— Верю, между прочим.

Она изумленно посмотрела на него. У него были такие красивые карие глаза — в один момент яростные и пылкие, в другой — в них плясали огоньки смеха.

«Забудь о его глазах.» — сказала она себе решительно. Это было не свидание. Это разговор с потенциальным новым другом, который мог быть весьма полезен.

Она не знала, какие у Грейсонов связи, но если они были так богаты и могущественны, как считала Крис, определенно они знали много влиятельных людей. Возможно, они даже знают человека по имени Маркус Кинг.

— Я имею в виду не просто трюки с картами. — прояснила она.

— Я тоже. — он передернул плечами. — Я не знаю, во что я в действительности верю. Знаю только, я открыт для возможности того, что в этом мире существует невидимое нами.

— Точно. — она прикусила губу, ощущая головокружительное желание поведать ему все свои секреты.

После одного коктейля она не была пьяная, но и не вполне трезвая, особенно потому, что не ела ничего после завтрака.

— Значит, давай поговорим о магии. — Фаррелл посмотрел на пару за ближайшим столиком, их губы слились в страстном поцелуе. — В этом мире так много необъяснимого. Почему магия не может быть реальной? Согласна?

Может, их дороги пересеклись по какой — то причине...как часть плана Вселенной. Судьба. Может, они — родственные души.

«Иди домой» — твердил ее разум. — «Ты пьяна.»

— Я полностью согласна. — сказала она вместо этого.

Он приподнял бровь и придвинулся к ней с заговорщическим видом.

— Тебе известно что-нибудь, Крис Хэтчер? Или ты просто поддерживаешь разговор?

Если бы он только знал. Какова была бы его реакция, если бы она рассказала ему о теории д-ра Веги о магическом языке? О кодексе? Она уже было открыла рот, но спохватившись, вовремя замолчала и посмотрела на время в телефоне. Почти девять часов. Мама отправила ей два сообщения, удивляясь, где она есть.

— Знаешь, мне уже нужно уходить. Я говорила об одном бокале и умудрилась выпить его за рекордное время. — она поднялась. — Спасибо, Фаррелл. За помощь...и за компанию. Мне нужно было отвлечься сегодня.

— Ты же не собираешься идти пешком, нет? Я могу подвезти тебя до дома.

— Я в порядке. Правда. То, что произошло с тем вором...такое обычно не случается в нашей округе. И мой дом недалеко отсюда.

— Могу я увидаться с тобой еще раз? — при ее изумленном взгляде он улыбнулся, продолжая. — Как с другом, конечно. Большая П, т. е. платонически.

Крис относилась настороженно к вещам, казавшимся слишком хорошими, чтобы быть правдой. А Фаррелл, несмотря на его временное отсутствие прав и интерес к сигаретам и водке, относился как раз к ним.

— Возможно.

— Я могу принять возможность. — он потянулся через стол и взял телефон Крис. —

Вот мой номер. Напиши мне, если захочешь отвлечься, поговорить о магии, поведать свои самые сокровенные, темные секреты. Я на связи двадцать четыре часа в сутки.

— Действительно?

— Что я могу сказать? Мне быстро все надоедает и я не большой поклонник телевизора. — он протянул ей телефон и его пальцы скользнули по ее руке, когда она взяла его обратно. — Но забавно то, что с тобой мне нисколечко не скучно. Это бывает редко.

— Взаимно. — сказала она.

Да, она сказала «взаимно». Как в старых немых фильмах.

Пробормотав прощание, Крис вышла из бара и позволила холодному воздуху выветрить состояние легкого опьянения. Алкоголь — не лучшая идея. Она почти рассказала ему обо всем. Будет разумней больше не общаться с ним. Одно она знала точно: возможно, он не имел ничего общего с магическими книгами или секретными обществами, но однозначно Фаррелл Грейсон был опасен.

Фаррелл

И снова Фаррелл подтвердил свою гипотезу: в глубине души все девушки одинаковы. Ослепи их улыбкой, угости напитком, заставь их почувствовать себя значимыми. И как результат, все становятся податливыми, как воск в руках.

Несмотря на ее безразличие в первый день в университете, Крис Хэтчер не отличалась от остальных. Правда плохо, что он не смог уговорить ее задержаться подольше. Еще пара коктейлей и он был уверен, что смог бы получить всю нужную информацию, чтобы удовлетворить Маркуса.

Его цель была весьма забавной, допускал он, но чуть — чуть с претензией как на его вкус, если говорить о девушках. И все же он должен был признать, в ней было что-то такое, что интриговало его. Возможно то, как она кусала нижнюю губу, когда нервничала.

Из-за этого он удивлялся, были ли ее губы на вкус как клубника. Единственное, что он сумел добыть от Крис, это то, что она верила в магию. Значимый ключ к тому, почему ею заинтересовался Маркус. Возможно, она сделала избобличающий снимок своей старой камерой. Может, она, не желая того, узнала какую — то опасную информацию об обществе.

Он знал, что до конца их встреч еще далеко. Фаррелл отправил сообщение Лукасу по пути из бара домой.

«Спасибо за помощь сегодня вечером, но тебе не нужно было бить меня так сильно, кретин»

Лукас ответил мгновенно.

«Твоя новая подружка сломала мне нос.»

Вспоминая все произошедшее, он просто ухмыльнулся, когда печатал свой ответ.

«Самые хорошие продуманные планы... часто сопровождаются болью. Но это сработало идеально. Она обратила все свое внимание на меня. Чем занят сейчас?»

Лукас прислал следующее. «Ничем. Ухожу. Есть наводка на одного парня, которого М. хочет пригласить на следующую встречу. Обычно не спешу с этим, но не хочу, чтобы тот ускользнул.»

Наводка на преступника, которого они поймут к следующей встрече общества; первого, с тех пор как Фаррелл был принят в тайный круг. Он удивлялся, где они держали злодеев, пока те ожидали очередной встречи. Мысль об участии в поимке обрадовала его.

«Я с тобой»

— Видел видео с твоим участием из клуба «Firebird» — сказал Лукас, когда они встретились на площади Йондж — Дандас, на стороне Итон Сентр. Торговый центр Торонто и аттракцион для туристов закрылись час назад, но тротуары были заполнены горожанами, а улица забита машинами. Неоновые вывески сияли и пульсировали над головами, освещая ночь. Это был центр города, всегда занятый. Всегда живой, где энергия была ключом.

— Что? — Фаррелл держал руки в карманах кожаной куртки.

— Обожаю то, как ты сумел противостоять этому чуваку в клубе. Богатый отпрыск защищает брата от дьявольского торговца наркотой...открылись кавычки, закрылись кавычки.

— Это был не стычка, так легкий разогрев.

Майкл, парень, которого Фаррелл побил, известный как торговец наркотиками, был на досрочном. Кто-то загрузил видео с этим инцидентом в Интернет и принял сторону Фаррелла, называя его «ангелом — мстителем».

Обвинения выдвинуты не были, во всяком случае, не против него. Адам, кстати, не произнес ни единого слова с тех пор. Фаррелл решил дать младшему брату время остыть, шанс осознать, что он сделал это только чтобы помочь.

Брат целыми днями лежал дома на кровати, укрывшись одеялом, и лечился от простуды. Родители не обсуждали нынешнее состояние здоровья Адама с Фарреллом. Однако он слышал, как они обсуждали это друг с другом.

«— Эта метка оградит его от болезней в будущем, не так ли, Эдвард? Это просто... что? Вирус, который он подхватил перед встречей?»

Его отец просто кивнул.

— Уверен, все дело в этом. Это также объясняет, почему он так тяжело воспринял суд.

— Конечно, дорогой. Все, что ему нужно — это время.»

— Вот он. — сказал Лукас, кивая в сторону группы пешеходов справа от них. — Высокий, лысый. Кольцо в носу.

Фаррелл легко вычислил его. Мужчина выглядел как байкер, грубый и опасный. Тату в виде паутины на его шее была известным символом одной из банд.

— Что он сделал?

— Серийный насильник. Ушел от обвинений по последнему делу из — за формальностей. Кто — то в Хокспизе назвал Маркусу его имя, сказал, что этот недоумок напал на его двоюродную сестру и чуть не убил ее. Мы слышали, он в Нью — Йорке, но он прилетел сюда всего два дня назад. К счастью для нас.

— О да! — мысль о поимке парня наполнила Фаррелла дрожащим предвкушением. — Думаешь, мы можем его взять?

— Может, не так нежно, но возьмем. Пока проследим за ним и увидим, куда он направляется. Это не должно происходить на улице.

Лукас показал Фарреллу специальное кольцо, которое носил на среднем пальце. Внутри находился шприц с маленькой дозой эторфина наготове. Один укол в шею — и через секунду узник у них, без сознания. Фарреллу пообещали такое же кольцо через пару дней. Он обычно не носил украшения, но это будет исключением.

Они дальше следили за парнем молча.

— Вопрос. — начал Фаррелл

— Какой?

— У тебя обострились все чувства после второй метки?

— Да, черт возьми. Восхитительно, не правда ли? Как выйти из комы и увидеть мир в первый раз. Чувствуешь себя Дороти, вошедшей в страну Оз, все обретает цвет.

— И никто не предупредил меня, каким убийственным бывает яркий свет. — Фаррелл поморщился, вспомнив о неожиданной боли в глазах вчера, когда он по обычаю открыл шторы утром в своей комнате. — Мне весь день приходится носить солнцезащитные очки.

— А ты обычно не носишь?

— Конечно, но не потому что приходится. Хотя, знаешь, я предпочитаю не ослепнуть просто потому, что хожу по улице на дневном свете, если это помогает мне.

Лукас кивнул.

— Со мной то же самое. Мы теперь сверхчувствительны. Мы эволюционировали. — он

улыбнулся. — Но эти легкие моменты дискомфорта — маленькая цена за шанс видеть в крошечной тьме ночью, верно?

Тут даже спорить было не о чем.

— Абсолютно.

— Так ты хорошо себя чувствуешь?

— Я чувствую себя оновленным. Вероятней, есть более подходящее слово, чтобы описать, но это самое лучшее из тех, которые я могу подобрать. И я стал сильнее. Знаю это точно. Когда я размазал лицо того мерзавца, то не приложил никаких усилий.

При этих словах он осознал, что не ощущал даже и тени сожаления по поводу подобного незапланированного акта жестокости. Фактически все было наоборот.

— Мне это понравилось. Понравилось видеть, как течет его кровь и слышать звук ломающегося носа. Мне понравилось знать, что тем, кто заставил его страдать, был я. Это неправильно?

— Нисколечки. Я бы сказал, подонок получил то, что заслуживал.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Их объект остановился и оглядел своими черными глазами толпу. Он свернул направо в следующий перекресток, следуя за женщиной, отделившейся от своих друзей.

— Похоже, он выбрал девушку на вечер. — тихо сказал Лукас.

Они держались на приличном расстоянии, чтобы не быть замеченными.

— Коннор тоже занимался поимкой с тобой? — спросил Фаррелл.

Лукас кивнул.

— Лишь один раз, но мы стали хорошей командой.

— У него были какие —нибудь проблемы с этим?

— Нет, такого я не заметил.

Кроме как случайного совпадения по времени, Фаррелл не мог найти других реальных доказательств того, что самоубийство Коннора связано каким — то образом с его посвящением в тайный круг. Значит, это была девушка. Маллори приходила на похороны, ее глаза были красными и опухшими. Семья сторонилась ее, но не Фаррелл.

«— Это моя вина. — прошептала она тогда. — Мне не следовало бросать его так. Но мне нужно было время, чтобы подумать обо всем. А он был очень жесток со мной в последнее время... Я не знаю. Я думала, он хотел расстаться.

— Не вини себя. — сумел ответить Фаррелл. — Он сделал свой выбор. Он мог попросить о помощи.

— Мне так жаль.

— Мне тоже.»

Фаррелл отодвинул воспоминания прочь и вытащил пачку сигарет из кармана куртки. Он зажег одну, думая теперь о младшем брате.

— Есть еще один к тебе вопрос. Слышал ли ты когда —нибудь о том, что метка при посвящении работает не так?

— Нет. Почему ты спрашиваешь?

Фаррелл старался, чтобы его лицо ничего не выражало.

— Просто удивляюсь. — солгал он. — Никогда не знаешь, может ли у кого —нибудь быть иммунитет к магии Маркуса.

Лукас пожал плечами.

— Я думаю, такое возможно.

— И что случится с ним тогда?

— Хороший вопрос. Может, он попробует снова? Было бы неприятно упустить такой дар: здоровье на всю жизнь.

— Дает ли метка еще что-нибудь, кроме здоровья?

— Что ты имеешь в виду?

«Удержит ли она кого-нибудь от испуга, будучи свидетелем казней четыре раза в году?»

— подумал он, но вслух этого не сказал.

— Не знаю. Просто поддерживаю разговор. Нам лучше сфокусироваться на нем, а то потеряем из виду.

Лысый байкер и его потенциальная жертва свернули за следующий угол. Через минуту Фаррелл и Лукас подошли, но когда они свернули на следующую улицу, то увидели только, как женщина копается в сумочке, разыскивая ключи. Она вошла в дом и закрыла за собой дверь.

— Куда он пошел? — спросил Фаррелл.

— Хороший вопрос. Он должен быть где — то рядом.

Они начали искать, миновав дом женщины и просматривая улочки.

— Вот он. — сказал Лукас, показывая головой вперед. Тень исчезла за зданием, освещенным ярким уличным фонарем. Тогда его напарник ускорил шаг.

Фаррелл, не отставая, быстро шел за ним.

— Что? Парень что, ходит сквозь стены? — спросил Фаррелл, разочарованный, когда на месте они никого не обнаружили.

— Что за черт? Куда он...? — не договорив, Лукас застонал от боли, подался вперед и упал на землю. Он получил сильный удар ниже почек.

— Вы следите за мной? — спросил мужчина низким угрожающим голосом. Он возник за ними невидимо и бесшумно. — Это невоспитанно.

— Нам не нужны проблемы. — Фаррелл поднял руки, пытаясь показать, что он — не угроза. Он хотел дать Лукасу достаточно времени, чтобы оклематься и приготовить укол.

— Не делай из меня дурака. — мужчина сомкнул свои руки на шее Фаррелла и прижал его к стене. Холодные черные глаза сузились, и он усилил хватку. Мир поплыл перед глазами Фаррелла.

Лукас подошел к нему, целясь острой иглой кольца насильнику в шею. Тот убрал руки и ударил кулаком Лукаса в лицо, отпустив Фаррелла.

Фаррелл осел на землю, тяжело дыша. В ушах звенело, а легкие горели огнем. Но он не мешкал. Фаррелл поднялся и атаковал. Он боролся вместе с Лукасом, нанося удары насильнику, пока в конце концов они не получили преимущество. Мужчина в свою очередь тоже нанес им немало ударов. Фаррелл чувствовал медный привкус собственной крови. Лукас получил болезненный порез над левой бровью, когда вписался в стену. Наконец преступник упал на колени, лицо было окровавлено так же, как и лицо дилера из клуба.

Фаррелл увидел блеск метала: вместо шприца — кольца Лукас размахивал ножом.

— Он слишком опасен, чтобы вести к нам даже без сознания. — сказал он. — Этот не выдержит трех месяцев до следующего собрания, но мы не можем оставить его на улицах охотиться на невинных девушек.

— Ты всего лишь ребенок. — пробормотал насильник, его черный взгляд был прикован к ножу. — Ты сам не представляешь, что творишь, играя с блестящими игрушками, вроде этой.

— Неужели? — Лукас зашел за него и схватил за голову. — Я признаю тебя виновным и приговариваю к смерти.

Он резанул клинком по горлу мужчины. Из широкой раны хлынула кровь.

Мужчина схватился за горло, его глаза стали широкими и остекленевшими, прежде чем он упал на мостовую лицом вниз. Фаррелл просто стоял, застыв, наблюдая, как растекается багровая лужа.

— Ты убил его.

— Чертовски правильно. На одно дьявольское отродье меньше в будущем. — Лукас бросил быстрый взгляд на Фаррелла, пока вытирал клинок платком, который он достал из кармана. — У тебя с этим проблемы?

Мужчина был мертв, а кровь все еще текла. Никакого всплеска магии, ни довольства от того, что общество работает как единая сила против зла. Это были просто Лукас, Фаррелл и нож, а еще кто-то, заслуживающий смерти.

Так много крови. Ее вид доставил Фарреллу чувство холодного удовлетворения.

Улыбка искривила уголок его рта.

— Нет. Никаких проблем.

— Хорошо.

Он ранее принял казни в обществе, как необходимое преступление, но прежде он никогда не ощущал радостное волнение при виде смерти. Держать жизнь человека в своих руках, контролировать его судьбу...это была действительная власть. Фаррелл жаждал большего.

— Спасать мир. — сказал он, осознав, что его разум был так же чист, как и сознание. — Шаг за шагом.

Мэддокс

Несколько часов они шли на северо — восток, отдаляясь от дворца богини, пока не достигли густого леса. Тропинка через лес была узкой, а купол из листьев и веток над их головами стал таким же густым, как и в тронном зале Валории. Воздух был свежим, в нем витали ароматы вечнозеленых и цветущих деревьев. Пока они молча шли, сосредоточившись на ходьбе, лес ожил пением птиц и жужжанием насекомых.

— Признаю, — сказала Бэка, — здесь красиво.

— Так и есть. — отозвался Мэддокс.

— А у вас есть времена года? — спросила она. — Дома у нас только закончилась зима. Она была чрезвычайно холодной, с тонной снега.

— Я слышал о королевствах, где меняется климат. Но Митика не такая. Такая погода здесь все время. Конечно, у нас есть дожди и грозы, и ночью становится холоднее. Но днем всегда тепло. — он оглядел деревья вокруг. — я не могу представить это королевство покрытое снегом и льдом.

— Счастливые. — вздохнула она.

— Не знаю. Я думаю, было бы хорошо узнать что-нибудь другое. Так что, возможно, счастливая именно ты.

— Может быть. — согласилась она.

— Мы остановимся здесь на отдых. — объявил Барнабас, когда лес поредел, открывая кромку маленького озера в пятидесяти шагах от них, его поверхность, как стекло, отражала голубое небо. Он положил свое оружие на траву. — Наша цель в дне ходьбы отсюда, так что хочу продолжить идти, пока еще светло. Мы остановимся, когда стемнеет и разобьем лагерь.

Бэка выглядела свежей и очаровательной, не смотря на то, что шла вместе с ними целый день. Возможно, будучи духом, она не ощущала усталости так, как Мэддокс. Он знал, что представляет собой то еще зрелище — потный, отвратительный тип. Барнабас начал снимать свои грязные штаны.

— Гм, почему он раздевается? — спросила Бэка.

— Барнабас, что ты делаешь? — спросил Мэддокс, когда штаны мужчины оказались на земле. Бэка повернулась спиной к нему, ее лицо стало чопорным.

Барнабас посмотрел на Мэддокса.

— Собираюсь искупаться. Впервые после, судя по моему запаху, долгого времени.

Следом за штанами последовала рубашка.

— Купаться. — повторил Мэддокс.

— Да. Долго. — он кивнул. — Да и постираю свою одежду, как смогу. Предлагаю тебе сделать то же самое. Пара дней, проведенных в темнице, не идет никому на пользу.

Без лишних слов он свернул одежду в клубок и пошел к озеру совершенно раздетый.

— Берегись чудовищ в озере! — крикнул Мэддокс ему вслед. Барнабас только рассмеялся.

Бэка съежилась от страха.

— Тут есть озерные чудовища?

Он удивился, есть ли подобное в ее мире. И улыбнулся в ответ.

— Они — всего лишь легенда.

— Вокруг много легенд, не так ли? — она вперила свой взгляд в него и прикусила нижнюю губу. — Ты тоже собираешься купаться?

— Не могу поспорить, что это превосходная идея.

Но пока он даже не шевельнулся, чтобы снять свою одежду.

— Тогда я подожду там? — она указала на зеленую лужайку и подняла бровь. — Обещаю, не буду подглядывать.

— Я могу доверять, что ты сдержишь свое обещание?

В уголке ее губ блуждала озорная улыбка.

— Честное слово.

Он нахмурился.

— Это значит да?

— Да, обещаю. Не буду глазеть на двух симпатичных парней, купающихся голышом.

Он смотрел, как она уходит, уверенный, что неправильно расслышал. «Симпатичных?»

Затем его лицо снова озарила улыбка, он быстро разделся и сунул одежду под мышку. Мэддокс шагал в воде и чувствовал ее бодрящую прохладу. Когда вода стала ему по пояс, он начал оттирать грязь с кожи. Это было великолепно. Барнабас плыл на спине, выплескивая воду, как фонтан.

— Я пойду поохотиться, когда позже мы разобьем лагерь, чтобы приготовить ужин. Если конечно, ты не желаешь взять это на себя.

У Мэддокса никогда не было отца, который бы учил его охотиться. Он помогал матери ловить в силки и выращивать овощи, покупая хлеб у местного пекаря, но это едва ли можно было считать опытом.

— Я — не очень хороший охотник.

— Хорошо, что хоть кто-то из нас двоих умеет это делать. Когда я был в твоём возрасте, то считался лучшим охотником во всем королевстве.

«И самый скромный тоже,» — подумал Мэддокс.

— Уверен, это правда.

— Также сегодня вечером мы выделим время, чтобы узнать лучше твою магию.

— Как именно? — Мэддокс потер рубашку, пытаясь отстирать самые грязные пятна.

— Не беспокойся так о своей одежде, мой юный друг. При первой же возможности мы украдем что-нибудь.

Барнабас нырнул под воду и вынырнул спустя минуту, проведя пальцами по черным волосам.

— Касательно вечера... Я не видел еще реальных доказательств твоих возможностей.

— Но ты сказал, что это именно я поднял мертвых из могил. Разве этого было недостаточно?

— Это всего лишь предположение. Основанное на фактах, но лишь предположение. Ливиус когда — либо помогал тебе практиковаться в магии?

Он вспомнил, как Ливиус выражал отвращение и запугивал, когда Мэддокс разочаровывал его.

— Нет. Но он злился, когда она не срабатывала для клиентов. К счастью, мы поймали несколько настоящих духов за время нашего компаньонства.

— Компаньонства, говоришь? — Барнабас яростно почесал голову и бороду. Теперь, когда он был чистый, Мэддокс видел, что он моложе, чем казался вначале. Возможно, всего

лишь вдвое старше самого Мэддокса.

Барнабас перестал улыбаться, и теперь его лицо больше казалось нахмуренным.

— Ты слишком долго тянул его на себе. Я удивлен, что твоя мать так ошиблась в нем.

— Что ты знаешь о моей матери? — спросил Мэддокс, насторожившись. — Ты знаешь ее потому, что знал моего отца?

— Можно и так сказать.

— И так ты узнал о Ливиусе? Я не думаю, что когда — нибудь упоминал его имя. — Мэддокс внимательно наблюдал за Барнабасом, ожидая ответа.

— Да все знали о Ливиусе. За его поимку назначили награду, ты же знаешь, за прошлые преступления. И хорошую, к тому же. Чертова богиня украла мой шанс пополнить карман золотом, когда поймала и убила его. — он взглянул на Мэддокса. — Ты не веришь ни одному моему слову, так?

— Не совсем. — признал Мэддокс.

— Умный мальчик. Никогда не доверяй никому, пока человек не докажет тебе обратное. Но дай мне время. И я заслужу твое доверие.

— Клянешься богиней?

— Клянусь именем короля Тадеуса. — он моментально стал серьезным. — Это мой основной замысел. Наследник короля Тадеуса был спрятан в безопасное место с младенчества, и я собираюсь посадить этого ребенка на трон, принадлежащий ему по праву, когда разберусь с Валорией раз и навсегда.

Это звучало как исключительно благородная цель для Мэддокса. Он бы никогда не подумал, что плавающий рядом с ним сумасшедший вор в душе такой верноподданный.

— Ты хочешь украсть трон у богини и отдать его сыну мертвого короля. Опасный план.

— Дочери, на самом деле.

Он приподнял голову, пока медленно кружил в воде вокруг Мэддокса.

— А ты сразу предположил, что законный владелец трона — это мальчик, да? Что говорит твой милый маленький дух?

Знание о существовании Бэки было ценным, как драгоценность, которую ему нужно было охранять. Мог ли он доверять этому человеку?

Парень помолчал еще немного, усиленно раздумывая.

— Она утверждает, что из другого мира. Она говорит, что связана со мной как — то...

— Что, если ты некромансер, имеет смысл. — Барнабас наклонил голову. — Другой мир? Она именно так сказала?

— Да. — скептицизм, отодвинутый ранее в сторону, снова дал о себе знать. — Я никогда раньше не слышал о некромансерах.

— Тебе всего шестнадцать. Уверен, в мире есть много чудес, о которых ты пока еще не знаешь. Или о которых не знаю даже я, если уж на то пошло.

— Ты встречал кого — то, похожего на меня?

— Не совсем, как ты. Нет, мой друг, однозначно, ты такой один. Но я знаю, что твоя магия — это магия мертвых. Я уже видел достаточно, и знаю, ты способен на большее.

— Откуда ты знаешь? — он пытался собрать все мысли воедино. — Таким был мой отец? Он рассказал тебе? Но как он мог знать что-то, если ни разу меня не видел? Он тоже был некромансером?

Все веселье и открытость испарились с лица Барнабаса.

— Есть некоторые вещи, которыми я не могу поделиться с тобой сейчас, мой друг. Ты

должен довериться мне еще на какое-то время, и не имеет значения, какой трудной кажется эта просьба.

Мэддокс поджал губы и посмотрел на него. Барнабас в ответ передернул плечами.

— Не смотри на меня так. Помни, если бы не я, ты бы стоял на коленях перед юбками богини, пытаясь сообразить, как не стать обедом для ее змеи или новым растением в ее саду.

— Я мог бы сбежать и без твоей помощи.

— Конечно, мог. — он кивнул, но у Мэддокса было такое ощущение, словно над ним посмеялись. — Теперь вернемся к твоей подружке — духу. Что она хочет от тебя?

Мэддокс не был уверен, что хочет делиться остальной информацией с этим странным человеком.

— Она думает, я могу помочь ей вернуться в ее мир. И если твои слова о вещи, закрытой в шкатулке, которую мы украли, правдивы, есть возможность, что она права.

Барнабас кивнул, будто все, что сказал Мэддокс, не было сумасбродством.

— Если красивая девушка просит твоей помощи потому, что верит в тебя, значит, ты должен помочь ей. Вот так.

После этих слов он начал отплывать.

— погоди, — позвал Мэддокс. — Ты должен рассказать мне больше о моем отце. Как он умер? И знал ли он о моей магии?

— Позже. — ответил Барнабас. — У нас будет много времени поговорить о нем позже.

Он нырнул под воду и скрылся из виду.

Мэддокс закончил купание быстрее, чем Барнабас, и вышел из озера, выжав одежду, прежде чем одеться. Времени ее сушить не было. Он чувствовал себя чистым и решительным, отправившись на поиски Бэки, разочарованный и сердитый после разговора с Барнабасом.

Он нашел девушку сидящей под высоким дубом на поляне, ее лицо было закрыто руками. Когда он понял, что она плачет, у него защемило в сердце.

— Бэка, что случилось?

Она опустила руки и посмотрела на него большими блестящими глазами.

— Ты вернулся так скоро. Я... я не хотела, чтобы ты видел меня в таком виде.

— Я не хотел оставлять тебя одну надолго.

Она улыбнулась, и мерцающая слеза скатилась по ее щеке.

— Думаешь, меня нужно защищать? Здесь мне не нужна защита так, как тебе.

Он напрягся от предположения, что он беззащитный.

— Ты должна знать, я прекрасно могу о себе позаботиться.

— Я не имела в виду... — она вздохнула. — Я знаю, что ты можешь, хорошо? Но ты из плоти и крови, а я... Я — дух. Меч, который может поразить тебя, не навредит мне.

Конечно, она была права. И не хотела обидеть его. Тогда почему он так восприимчив к каждому ее слову?

— Прости за резкий ответ.

Она потрясла головой.

— Он не был резким.

— Почему ты плачешь?

— Этот луг напоминает мне о моей сестре и днях, когда мы ходили на пикник. Она считала это глупым, но мне так нравилось. Я собирала корзинку для обеда, и мы проводили целый день вместе. Было так весело. Но с тех пор как папа ушел, я чувствовала, что она

постоянно игнорирует меня. Она так увлечена своей дурацкой камерой и драгоценным Чарли, что я не уверена, обращала ли она внимание на то, что существую еще и я. И все же я очень сильно скучаю по ней, так сильно, что едва дышу. Я скучаю по тому времени, когда мы были близки, когда мы были друзьями, а не просто сестрами. Когда мы ходили на пикники, даже если она считала это глупым. Если я вернусь домой, я изменю отношения между нами. Я узнаю ее снова, хочет она того или нет. У нее не будет выбора. — она приподняла бровь. — Я могу быть очень настойчивой.

— В это я верю. — у него никогда не было родного брата или сестры, во всяком случае он не знал о них. Семейные отношения казались и сложными и чудесными одновременно. — Как ее зовут?

— Кристал. — ответила она. — Крис.

— Кристал — Крис. — кивнул он. — Необычное, но приятное имя.

— Нет, ее полное имя Кристал, но все зовут ее Крис. — она снова вздохнула. — Извини, обычно я так себя не веду. Я проявила слабость. Сейчас мне необходимо быть сильной, а не плакать, как маленький ребенок.

Он присел возле нее, ему очень хотелось вытереть ей слезы.

— Слезы не только для маленьких детей. Они доказательство того, что у тебя есть чувства, и ты не боишься их показывать. Слабые — это те, кто не позволяют дать волю своим слезам.

Она долго смотрела на него, прикусив нижнюю губу.

— Знаешь, ты совсем другой.

— Другой?

— В отличие от остальных парней. От любого парня, которого я встречала до тебя.

Его лицо напряглось.

— Возможно, ты бы предпочла быть среди тех парней, которые не говорят глупости, подобно мне.

Раздражение вспыхнуло в ее голубых глазах.

— Да это и близко не то, что я имела в виду. Ты просто...я не могу это объяснить. Ты искренне говоришь, что думаешь. Ты добрый и великодушный, и внимательный. Ты храбрый и сильный, и милый, и я... — она снова прикусила губу и теперь рассматривала свои руки, лежавшие на коленях, прежде чем снова посмотреть ему в глаза. — С тобой я чувствую, хоть и знаю тебя совсем не много, что могу довериться тебе. Довериться во всем.

— Ты можешь. — его слова были приглушенными, в горле стоял комок от невысказанных чувств.

Все, что она сказала о нем.... неужели она действительно видит его таким? От ее слов он чувствовал себя каким — то особенным. Лучше, чем сам когда — либо думал о себе. Она поднялась и рассматривала зеленое травяное одеяло, покрывавшее землю, прежде чем ее голубые глаза снова встретились с ним.

— Пока мы ожидаем Барнабаса, расскажи мне что-нибудь о себе, о этом безумном мире, в котором живешь.

— А что ты хочешь узнать? — спросил он.

Она потрянула головой.

— Не знаю. Как насчет школы? Ты посещаешь какие —нибудь занятия?

— Занятия....Конечно, я слышал о них. — насмешливо улыбнулся он. Девушка совсем ничего не знала об этом мире. — Они для детей лордов и других дворян, которые могут

позволить учителей. Что же касается простого крестьянина, вроде меня...в общем, мама научила меня читать.

Ее глаза зажглись.

— У вас здесь есть книги?

— Конечно.

— А какие?

— Те, которые мне читала мама, были полны легенд и историй о бессмертных и о фантастических существах из далеких — далеких земель.

— Ты помнишь их?

— Даже несколько.

— Расскажи мне какую — нибудь.

Похоже, эта тема рассеяла ее печаль. Ему хотелось, чтобы яркий блеск интереса, появившийся в ее глазах, горел как можно дольше.

— Мне нравится одна история о смертном мальчике, который нашел магическую ракушку. Он загадал желание, чтобы она превратила его ноги в рыбий хвост. Он верил, это поможет ему опуститься на дно моря, чтобы найти свою единственную и настоящую любовь, морскую принцессу. Он преодолел много испытаний и препятствий и...

— И после они жили долго и счастливо.

Мэддокс согласно кивнул.

— Это мой любимый вид историй. — сказала Бэッカ. — Истории о любви с счастливым концом. Я никому не говорила, но моя мечта — стать писательницей. Писать романы о любви, читая которые, люди будут счастливыми и довольными. Мой учитель английского всегда подчеркивает, что у меня творческое воображение.

— Значит, ты хочешь стать писцом легенд и сказок.

Для него это казалось невероятной идеей — стать тем, кто пишет подобные чудесные истории.

— Что — то вроде того. — она оперлась о ствол дерева. — А ты помнишь другие истории?

Этот вопрос окунул его в водоворот счастливых воспоминаний, когда мама укладывала маленького Мэддокса в кровать, плотно подоткнув одеяло, и читала сказки до поздней ночи, дольше, чем она хотела бы, потому что так сама увлекалась историей, что приходилось дочитывать до конца. Хотя не все они заканчивались счастливо. Всегда у нее на глаза наворачивались слезы от печальных историй.

— Есть еще одна сказка о могущественной, бессмертной колдунье, которая потеряла свою магию и стала смертной. Она отправилась на поиски источника своей магии, а закончилось тем, что она спасла смертного принца, который был проклят и превращен в коня. Они влюбились, к колдунье вернулась магия, и они вместе правили королевством тысячи лет, как король и королева.

— Обожаю подобное. Однако, как принц прожил несколько тысяч лет, если он был смертным?

— Я не знаю. Возможно, ее магия сделала его бессмертным, как и она сама?

— А когда они влюбились друг в друга, он был в виде лошади или человека? Как она разрушила наложенное на него проклятие, если не обладала магией на тот момент?

— Хмм, я не уверен, что помню такие подробности.

— Звучит, как брешь в сюжете. — она моргнула. — Ты не знаешь, о чем я сейчас

говору, да?

— Абсолютно не понимаю. — признался он.

— И все же, это звучит как великолепная история. И предыдущая тоже. Фантастические рассказы и волшебные истории самые лучшие.

Он кивнул, соглашаясь.

— К сожалению, Валория создала законы, запрещающие подобные истории. Она считает, что они портят разум смертных. Даже издала указ, чтобы все подобные книги сожгли. И их жгли. Так много книг было уничтожено.

— Что? — воскликнула Бэка гневно. — Вот ведьма!

Когда он впервые узнал о запрете, то тоже был в ярости. И пообещал себе, что будет прятать каждую попавшую ему в руки книгу, чтобы спасти ее от костра. Это был маленький акт бунта, и он дал ему цель на будущее. Все это произошло до того, как Ливиус забрал его из дому.

Барнабас возник ниоткуда и промчался мимо них, направляясь к тропинке. К счастью, он был одет в свою постиранную и еще влажную одежду.

— Идемте, мои друзья. Солнце скоро начнет садиться, и я хочу дойти до деревни, прежде чем стемнеет.

— Друзья? Он что, видит меня? — спросила Бэка удивленно.

На лице Мэддокса появилась гримаса.

— Нет, но он принимает твое присутствие, как правду. Он даже не допускает возможности, что ты — не настоящая, а я сошел с ума.

Она встала.

— Как неосмотрительно с его стороны. Никакой дискриминации против потерявшихся духов.

— Он полон сюрпризов. — Мэддокс смотрел на Барнабаса с долей настороженности. Ему хотелось получить ответы на свои вопросы.

— Я буду и дальше приглядывать за ним. — сказала Бэка. — Если он сделает что-то подозрительное, я сразу сообщу. Клянусь, я не позволю случиться чему — то плохому с тобой, если могу помочь.

Он согласно кивнул, подобрал шкатулку и последовал за Барнабасом.

— Это взаимно, Бэка Хэтчер.

Деревня находилась недалеко от озера, здесь они нашли каменный домик, возле него висели веревки с бельем.

— Вот, это тебе подойдет. — Барнабас сдернул хлопковую тунику с веревки и бросил Мэддоксу. — А эта для меня. Хорошая и чистая. Настоящая роскошь.

Внезапно раздался пронзительный женский голос. Барнабас говорил достаточно громко и привлек внимание женщины, жившей тут. Она набросилась на них с угрожающе — выглядевшей палкой от метлы, но Барнабас успел сдернуть штаны и сорвать пригоршню яблок с ближайшего дерева.

Когда начало темнеть, они разбили лагерь на краю села и переоделись. Барнабас исчез в лесу, но скоро вернулся с двумя кроликами, которых разделал и вычистил.

— Впечатляюще. — пришлось признать Мэддоксу.

— И очень вкусно, если правильно приготовить. — Барнабас соорудил вертел над костром, чтобы пожарить мясо.

Мэддокс сидел на бревне возле него. Бэка сидела, скрестив ноги, напротив них,

уоставившись на огонь.

— Теперь ты ответишь на мои вопросы? — спросил Мэддокс, пытаясь говорить как можно спокойней.

Барнабас посмотрел на него долгим изучающим взглядом.

— Возможно. Что ты хочешь узнать?

— Все, что ты можешь рассказать о моем отце.

— Он был мятежником, верным королю Тадеусу. Он же спрятал дочь короля в безопасное место.

— Королевская дочь — это та девушка, которую ищет Валория? — вмешалась Бэка. — Та, у которой есть магия, необходимая, чтобы найти вора, укравшего кинжал?

Мэддокс повторил вопрос.

— Я так не думаю. — ответил Барнабас. — Наследница трона не проявляла до сих пор никаких признаков того, что она колдунья, но я предполагаю, что подобное возможно. Тем более, ее нужно укрывать.

— Что случилось с моим отцом?

Барнабас пошевелил горящие угли палкой, прежде чем ответил.

— Валория вырвала ему сердце из груди.

У Мэддокса все похолодело внутри от такого прямого ответа.

— О, Мэддокс, это так ужасно. — начала Бэка. — Мне... мне очень жаль.

Он не мог сказать ничего в ответ или даже поблагодарить ее за сочувствие. В этот ужасный момент он был весь в себе, содрогаясь от образа богини, разрезающей грудь мятежника и достающей все еще бьющееся сердце, наблюдающей, как жизнь покидает его глаза...

«Мне очень жаль, отец, — подумал он, его сердце ныло от осознания жуткой правды. — Мне жаль, что это произошло с тобой. Жаль, что я не знал тебя.» После нескольких минут молчания, он пытался обрести голос.

— Из-за него я стал некромансером? Я унаследовал это от него?

Барнабас покачал головой.

— Насколько я знаю, он не был наделен магией.

— Также, как и моя мать. — иначе она бы сказала, в этом он был уверен. — Возможно, я действительно проклят, как я всегда и думал.

— Возможно. — согласился Барнабас, сосредоточившись на жарившихся кроликах.

Столько лет он не знал и доли правды, а теперь услышал так много, и сразу. Необходимо сделать все, что в его силах, чтобы избежать рассуждений о неприкасаемом прошлом и вместо этого сфокусироваться на меняющемся настоящем и будущем.

— Кто эта ведьма, к которой мы идем? Ты доверяешь ей?

— Она — друг. И да, я доверяю ей. Она презирает Валорию также сильно, как и я.

— Твоя обида на Валорию сильнее, чем просто желание вернуть дочь короля Тадеуса на трон. Ты хочешь возмездия за то, что она сделала с моим отцом, не так ли?

— Больше всего на свете. — отблески костра играли на лице Барнабаса, освещая его мрачное лицо странными тенями. — Ты тоже должен хотеть этого.

Да, он хотел. Прежде только боялся ее, но сейчас возненавидел всеми чувствами, каждой клеточкой своего тела.

— Я знала. — сказала Бэка.

— Знала что? — мягко спросил Мэддокс.

— То, как он раньше вел себя, притворство, шутки — это все обман. А эта боль...это настоящий Барнабас. — девушка рассеянно перебирала пальцами серебряную розу — подвеску. — Я не уверена, больше или меньше он достоин доверия, но, по крайней мере, он искренен.

Возможно, она была права. Это больше подходило Барнабасу, чем всякие уловки и хитрость. Мрачность потихоньку исчезла с его лица.

— Нам не следует дольше ждать, чтобы попрактиковаться в магии. Почему бы тебе не попытаться вызвать духа прямо сейчас? Докажи самому себе и мне заодно, что ты можешь вызывать свою магию по приказу, а затем отправлять ее обратно, откуда она пришла.

Мэддокс мгновенно напрягся.

— Ты говоришь так, словно для меня это пустяки. Я никогда не был в состоянии вызвать духа. Единственные духи, с которыми я работаю, это те, что уже находятся здесь.

— Я верю, ты можешь сделать это, и с легкостью. Ты просто не веришь.

— Ты говоришь как Бэка... — тут Мэддокс замолчал, жалея, что у него вырвались эти слова.

— Ага, значит, ее так зовут. — веселье блеснуло в глазах Барнабаса. — Бэк-ка? Ты здесь? Ты сидишь рядом с Мэддоксом? Ты должно быть весьма привлекательная, если он так увлекся тобой.

— Похоже, он снова одел маску. — сказала Бэка, сдерживая улыбку.

— Не смешно. — сказал Мэддокс раздраженно, слова Барнабаса привели его в замешательство.

— А что ты думаешь, Бэка? — спросил Барнабас. — Как ты считаешь, следует ли показать нам и самому себе, что он контролирует свою магию лучше, чем сам думает?

— Абсолютно. — ответила она, хоть ее ответ мог услышать только Мэддокс. — Я знаю, ты можешь сделать это. Ты можешь делать удивительные вещи, и единственный, кто не верит этому, — ты сам.

Вот, теперь двое против одного. Нечестно!

— Это не так просто!

— Перестань раздумывать и просто делай.

Они продолжали подбадривать его принять то, что сам он считал проклятием. Наконец он устал сопротивляться.

— Ладно. Я попытаюсь. Но мне нужно что-нибудь серебряное, чтобы поймать его, так, на всякий случай.

— Ты когда — нибудь пробовал ловить духов, используя другие драгоценные металлы? Или зеркало, например. Или...яблоко. — Барнабас бросил одно из украденных яблок Мэддоксу, который поймал его на лету правой рукой. Оно было сочным и сладким, парень откусил большой кусок, пожевал и проглотил.

— Я знаю, что это срабатывает с серебром, поэтому давайте пока остановимся на нем.

Барнабас взглянул на свою руку.

— Держи. — он снял толстое кольцо с пальца и протянул Мэддоксу. — Оно серебряное. Во всяком случае, так утверждал человек, у которого я его украл.

Мэддокс с сомнением посмотрел на кольцо.

— Обычно я делаю подобное с серебряными шкатулками.

— И какая разница? Ты же утверждаешь, что не можешь даже вызвать духа по команде. Так что тебе не придется воспользоваться им.

Вызов был принят. Он не хотел чувствовать себя неудачником рядом с Бэккой, сидевшей вблизи и наблюдавшей за каждым его движением.

— Ладно. — он закрыл глаза, сжимая руки в кулаки, и сконцентрировался так сильно, как мог.

«Я не боюсь тебя, — думал он. — Дух, покажись.»

Мэддокс приоткрыл один глаз и увидел, что Барнабас наблюдает за ним, жуя очередное яблоко.

— Ничего интересного пока не произошло. — проинформировал он.

Бэчка села на поваленное бревно за Мэддоксом.

— Продолжай пробовать. — предложила она.

Парень снова крепко сомкнул веки, попытался отодвинуть сомнения и страх. Он сконцентрировался на аромате костра. Звук потрескивающего дерева. Прохладный ветерок, гуляющий по его рукам и лицу. Сладкий вкус яблока во рту. Затем: темнота перед ним, темнота вокруг него. Темнота везде.

— Приди ко мне, дух. — сказал он вслух. — Покажись. Я приказываю тебе подчиниться.

Его голос был спокойным, уверенным и он призывал тени, будто они откликались на его зов. Как будто они слушались его. Что-то изменилось в нем, глубоко внутри. Свежий вечерний воздух стал еще холоднее. Бэчка вскрикнула.

— Мэддокс!

Он резко распахнул глаза. Из земли подымалась тень, бесформенная, бестелесная пелена полуночи. Она потянулась ближе к Бэчке и та встала со своего места, пытаясь отдалиться от нее.

— Так голоден. — проскрипел разбитый голос, полный боли.

— Нет. — прошептал Мэддокс.

Барнабас вскочил на ноги и бросил недоеденное яблоко.

— Получилось?

Мэддокс не ответил. Вместо этого он осторожно двинулся к Бэчке, не думая ни о чем, кроме как спасти ее. Он попытался схватить дух, но его руки прошли сквозь тень, дымчатое существо, отбрасывающее ледяной холод вокруг.

— Что происходит? — закричала Бэчка. В отличие от него она могла контактировать с тенью, предположил Мэддокс с возрастающим чувством паники, так как они оба были духами.

— Как же мне остановить тебя?

«Она станет чудесным блюдом. — сказал дух. — Прими мою большую благодарность за то, что призвал меня здесь, некромансер.»

Парень застыл от страха. Дух обладал силой поглотить Бэчку, уничтожить ее. Убить ее. И он стал тем, кто привел его сюда.

Бэчка взвизгнула, а дух кружил вокруг нее, как толстая черная змея, заставляя ее подыматься в воздух. Она сражалась, но оказалась слабее. Ее толчки и удары становились слабее, кожа побледнела, а местами даже посерела.

— Мэддокс. — с усилием позвала она. — Пожалуйста...я верю в тебя.

Его страх исчез и сменился холодной решительностью. Он не позволит духу причинить девушке вред. Он не позволит кому — либо навредить ей.

Мэддокс вытянул кольцо Барнабаса вперед и снова сконцентрировался также, как делал

это вначале, вызывая духа. Глубоко внутри него словно жила другая тень. Это была магия смерти. Она взывала к темноте.

— Я приказываю тебе, дух! Оставь ее и иди ко мне. Повинуйся мне, сейчас же!

Дух перестал кружиться, застыв на месте. Затем, испустив ужасный злобный крик, он подлетел к Мэддоксу, к серебряному кольцу в его руке, начал яростно сражаться с металлом, а потом исчез.

Бэッカ упала на землю и Мэддокс подбежал к ней. Он попытался поднять ее, но, конечно же, его руки прошли через нее.

— Прости, — сказал он, в глазах плескался страх и паника, которые он на время отодвинул прочь, а теперь они нахлынули снова. Он зачихнул кольцо в карман, говоря себе, что закопает его позже, после того, как убедится, что с девушкой все в порядке. — Миллион извинений за то, что из-за меня тебе могли навредить.

Она была духом, который смеялся. Который дышал и чувствовал. Которому могло быть больно. Она верила в него тогда, когда он сам в себя не верил. Она давала ему то, за что он сражался, хоть и не осознавая этого. Дух, который быстро стал так много для него значить, что его сердце болело при мысли о том, что он потеряет ее.

— Со мной все в порядке, слава Богу... — она потянулась, чтобы прикоснуться к его лицу, ее дрожащие пальцы прошли близко от него. Он нахмурился.

— Поверь мне, я не бог.

— Я знаю. — она с трудом улыбнулась. — На секунду я забыла, где нахожусь. Но я бы не благодарил никакую богиню.

— Ты сбиваешь меня с толку.

— Я не хотела. И должна сказать это снова, ты — удивительный. Ты удивительный! Слышишь?

— Такой удивительный, что чуть не убил тебя. — он с неприкрытым облегчением наблюдал, как к ней возвращается румянец. — Я думал, что потеряю тебя.

— Я никуда пока не собираюсь. Я же преследую тебя, помнишь?

Барнабас стоял, скрестив руки на груди с угрюмым выражением лица, пока Мэддокс и Бэッカ медленно возвращались к костру.

— Хватит на сегодня вызываний духов. — сказал ему Мэддокс горячо.

Тот согласно кивнул.

— Но ты сделал это. Конечно, я ничего не смог увидеть, но выглядело так, словно все прошло хорошо.

— Совсем не хорошо.

— Не согласен. Ты вызвал духа, а затем поймал его, как я и предполагал. Теперь ты веришь в величайшие возможности своей магии?

Мэддокс и Бэッカ обменялись долгим взглядом, прежде чем Мэддокс взглянул на Барнабаса и кивнул.

— Верю.

Тогда Барнабас одарил его широкой улыбкой.

— Рад это слышать.

Кристал

— Простите, мисс, могли бы вы помочь найти книгу?

Крис, наводившая порядок на полке, повернулась к покупателю, высокому мужчине в толстых очках. Мама закрывала магазин на четыре дня, но не более, выходные и так уж слишком затянулись. Поэтому они открылись снова в четверг и работали вместе: Джулия — за прилавком, а Крис расставляла книги по порядку.

— Конечно, что вы ищете?

— Книгу для дочери. Что — то о принцессе.

— А что еще в этой книге?

— По — моему, там есть дракон. Да, и на принцессе надето что-то вроде сумки для продуктов вместо платья.

Крис кивнула

— Это значительно сужает поиски. «Принцесса в бумажном пакете», автор Роберт Манч, одна из моих любимых книг. Я думаю, у нас есть несколько экземпляров.

Она повела его к полкам с детской литературой, где и находилась эта книга. Он радостно посмотрел на обложку.

— Спасибо! Должно быть, у вас призвание находить редкие книги. Моей дочери она понравится.

Он пошел платить, а Крис пыталась определить, был это комплимент или ругательство. Она знала, что работать всю жизнь в книжном магазине не для нее. Может быть, для Бэки, но не для нее. Все же, пока она выставляла книги, часть ее — та часть, которая когда — то любила этот магазин со всеми книгами так же сильно, как и ее прародители, основавшие его — дала о себе знать. В окружении замысловатых обложек, великих имен писателей, интригующих названий, обещающих приключения и побег в мире книг...

— Крис! — позвала мама, прерывая ее мечты — Подойди сюда.

Покупатель «Принцессы в бумажном пакете» уже ушел, когда Крис выбралась из лабиринта полок.

— Что?

— Тебе пришла посылка. — она кивнула на коробку на стойке.

Крис осторожно подошла к ней.

— От кого?

— Я не знаю. Там нет обратного адреса. — мама помолчала минуту. — И-и, ты собираешься открывать ее?

— На прошлой неделе мне не слишком везло с открыванием загадочных посылок.

— По крайней мере в этот раз она адресована тебе. — ответила мама иронично, приподнимая бровь.

Вздвигнув от резкого тона матери, Крис начала медленно и осторожно открывать посылку, не зная, что ожидает ее внутри. И моргнула дважды, когда сняла упаковку, не в силах поверить своим глазам.

— Не может быть! — сказала она вслух.

— Кто мог тебе прислать такое? — воскликнула мама.

Это была камера Canon EOS Rebel DSLR, новейшая модель в мире цифровых технологий. В отличие от ее старенького Пентакса, у этой была мощная автоматическая вспышка. И цена запредельная, поэтому Крис даже представить не могла, что когда — либо у нее будет такая же, во всяком случае, пока она не станет профессиональным фотографом.

Внутри оказался конверт с именем Крис. Она открыла его так быстро, что краешком бумаги порезала себе указательный палец. Порез был болезненным, пек ужасно, и она взяла палец в рот, пока читала открытку.

«Мне очень жаль, что твоя сентиментально ценная камера разбилась. Я знаю, с этой ты сделаешь много невероятных снимков. И пусть этот такой блестящий подарок от нового друга сменит твое «может быть» на «да». И подпись — Фаррелл.

Фаррелл Грейсон купил ей новую камеру! Восхитительную новую камеру, о которой она даже и не смела мечтать. В то время как она восторгалась своим Пентаксом и памятными черно — белыми снимками, которые сама делала и проявляла, эта... эта камера.... Что ж, все это было слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Кто такой Фаррелл? Я не знала, что у тебя есть парень. — заметила мама, когда прочитала записку прежде, чем Крис сунула ее обратно в конверт.

— У меня его нет. — она прикусила задумчиво нижнюю губу.

— Поклонник?

Теперь ее щеки покраснели.

— Мама никто не говорит о поклонниках уже лет сто.

Джулия казалась довольной от того, что ей удалось смутить дочь.

— Он, должно быть очень, особенный и думает, что ты тоже особенная, раз присылает тебе такие подарки.

Он был особенным, это она не отрицала.

— Я не могу принять ее. — сказала она, с завистью поглядывая на камеру.

— Почему?

— Потому.... Мне сначала нужно поговорить с ним, позвонить ему. Нужно сказать, что, чтобы быть моим другом, совсем необязательно дарить дорогие подарки.

Но теперь она знала, что он точно хочет видеть ее снова, хочет, чтобы она стала частью его жизни. Мысль об этом была одновременно и пугающей, и притягивающей.

Почему она повстречала этого парня именно в ту неделю, когда вся жизнь полетела вверх тормашками? Она достала телефон. Он оставил ей свой номер, подписавшись Ф. Грей. Палец уже потянулся к кнопке вызова, сердце стучало громко в ушах. Затем неожиданно телефон зазвонил. Папа.

Глаза Крис округлились. Она быстро вышла из магазина на улицу, чтобы мама ее не услышала, и собралась, прежде чем ответить.

— Привет, пап.

— Извини, что так долго не отвечал. Я хотел выбрать подходящее время и.... в общем, сделано. Маркус встретится с тобой сегодня. Если встреча пройдет хорошо, он обещал рассмотреть твою кандидатуру на инициацию, если ты еще хочешь этого.

— Конечно, это то, чего я хочу. — ответила она не колеблясь, ложь легко сорвалась с ее губ. — Спасибо тебе за это, пап.

А может, это и не была ложь. Может, она действительно хотела стать членом общества, обладающего ключом к познанию лучшего мира. Или может она узнает, что Джеки и д-р Вега были правы и Маркус Кинг на самом деле чудовище. Так или иначе, она стала на шаг

ближе к правде.

— Я заберу тебя через час. — сказал он.

Он забрал ее не у магазина, что было само собой разумеющимся, а напротив кофейни «Тим Хортонс» на углу Спадина — авеню, в том месте, куда Хэтчеры ходили всей семьей выпить чашечку горячего шоколада с эклерами.

— В какой футболке ты сегодня? — спросил он, когда она села в машину. На нем были зеркальные плотно прилегающие солнцезащитные очки, прикрывавшие бледно — голубые глаза.

— В простой черной. — сказала Крис. — Я подумала, если я встречаюсь с лидером тайного общества, он, скорее всего, не тот человек, который оценивает причудливые капризы моды.

Уголок его рта изогнулся в улыбке.

— Не нервничай.

— Я выгляжу так, словно нервничаю?

— Да. Очень.

Крис выдавила из себя дрожащую улыбку. У нее кружилась голова от того, что она сидит в машине с отцом, ставшим ей чужим, и едет на встречу с лидером тайного общества.

— Я полагаю, я всегда нервничаю, если что-то имеет для меня значение.

— В этом мы похожи. — он переключил коробку передач и съехал с обочины, пока Крис пристегивала ремень безопасности.

— Куда мы едем? — спросила она.

Он поджал губы.

— Я не могу тебе точно сказать. Честно говоря, Крисси, я не много могу рассказать об обществе, пока ты не станешь его инициированным членом.

Он всегда был осторожным водителем, руки крепко держали руль, а глаза прямо смотрели на дорогу, и оказалось, с тех пор ничего не изменилось. У Крис тоже были права, но она редко брала мамину машину. Обычно она добиралась, куда ей было надо на метро или своих двоих.

— Мама знает, что мы общались? — спросил он.

— Нет. — ответила Крис, внимательно наблюдая за ним, понял ли он, что она соврала. Выражение его лица было таким же, но она хотела бы увидеть его глаза, чтобы знать наверняка.

— Как она? — спросил он.

— Все по-прежнему. Сердится, всегда работает в магазине, но иногда бывает приятной.

— А как она готовит?

— До сих пор делает потрясающую яичницу.

Он рассмеялся.

— Значит, она не утруждала себя уроками готовки.

— Ты был лучшим поваром в семье. Я думаю, я похудела с тех пор, как ты ушел.

Разговор остановился на более тяжелой теме, чем она хотела бы.

— А Бэка? Как она? — спросил отец после неловкой паузы.

— Она в порядке. — Крис не могла сказать ему о Бэкке. Не сейчас. У нее оставалось так много вопросов без ответов, и она не была в нем уверена. — Она тоже скучает по тебе. Тебе следовало, я не знаю, написать ей что-либо по электронке. Или что-то вроде этого. Просто дай знать, что с тобой все в порядке и что ты беспокоишься о ней.

— Я учту это.

Она откинулась на сидение.

— Думал ли ты, что однажды свяжешься со мной? Я имею в виду, если бы я не написала тебе первая?

Отец замолчал на мгновение.

— Ваша мама настаивала, чтобы я держался подальше от вас.

— Я обычно воспринимаю ее непреклонные требования с трудом, но это же я.

И снова они замолчали, пока Крис пыталась придумать вопрос, который дал бы ей хоть какой — то ответ. Но он заговорил первым.

— Крисси, есть кое — что по поводу этой встречи, что тебе скорее всего не понравится.

Она приготовилась, ожидая, что он наконец откроется и все ей расскажет.

— Что?

— Вот. — он достал что-то из бардачка. Оказалось, это кусок длинной черной материи.

— Это повязка? — спросила она неприязненно.

Он кивнул.

— Ты не можешь видеть, куда я везу тебя, чтобы ты не узнала дорогу.

— Почему?

Он длинно выдохнул.

— Пожалуйста, Крисси, просто сделай, как я попросил. Не спорь, иначе встреча отменяется.

Она с опасением посмотрела на повязку и взвесила свой выбор. Но на ум не пришло ничего, кроме как сделать то, о чем он просит.

— Ладно. — сказала она. Затем сняла очки, положила их в сумку и натянула повязку, завязав на узел концы на затылке.

— Это все похоже на шпионские штучки. — сказала она, пытаясь говорить обычным тоном, как будто одевать повязку перед встречей с кем — то вроде Маркуса Кинга для нее привычное дело.

Он мягко рассмеялся.

— Если бы несколько лет назад я знал, что, чтобы заставить тебя вести себя тихо, нужно всего лишь сказать о твоём возможном присоединении к тайному обществу...

— Я не люблю слово «вести себя». Правила созданы для того, чтобы их нарушать. — Крис прикусила нижнюю губу. — Тебя не беспокоит, что кто-нибудь заметит, как ты везешь в автомобиле девушку с завязанными глазами на переднем сидении?

— Не особенно. — в его голосе слышалось удивление. — Эти окна тонированы.

Через пятнадцать минут машина остановилась. Она слышала, как отец встает с водительского сидения и подходит к ней, чтобы помочь выйти.

— Сюда. — сказал он. И повел ее по твердой поверхности и вверх на 10 шагов. Дверь скрипнула, открываясь, и они зашли внутрь. Дверь закрылась за ними.

— Теперь сюда. — держа ее за локоть, они прошли еще шагов двадцать, открылась и закрылась другая дверь, затем они остановились. — Теперь ты можешь снять повязку.

Крис не мешкала. Она сдернула ткань с глаз и заморгала, осматриваясь вокруг, все было расплывчатым, пока она не одела очки. Они оказались в большой комнате, с деревянными панелями вишневого цвета и античной мебелью. Роскошные пейзажи украшали стены и были, отметила она, все оригинальные, к тому же нарисованные более ста лет назад, как те, которые она видела в галерее.

На коврах были вышиты замысловатые узоры. Хрустальная люстра свисала с высокого, отделанного лепниной потолка. Комната производила впечатление, словно она на выставке в музее, как в Каса Лома, отделенная лентой и неприкасаемая, в то время как туристы просто проходили мимо и смотрели.

— Это его дом, что ли? — спросила она.

— Да. Он встретится с тобой в библиотеке, где в основном работает. Сюда.

Крис последовала за ним в дверь, ведущую в коридор. Они спустились на несколько ступенек и прошли по еще одному коридору. Наконец они вошли в огромную комнату, стены которой были заставлены книгами от пола до потолка, возле них стояли складные лестницы, чтобы доставать книги с самых верхних полок. В комнате пахло кожей, дымом и розами.

Слева, прислонившись к полке, кто-то стоял, читая книгу, возле окна из стеклопластика, выходящего на огромный двор с большим бассейном и аккуратно подстриженными кустами и деревьями. Она сразу узнала стоявшего перед ней.

— Ты! — воскликнула она удивленно. — Я тебя знаю.

Это был тот великолепный светловолосый парень из университета, тот самый, который подсказал ей, как пройти к кабинету д-ра Веги. Он взглянул на нее своими мечтательными голубыми глазами, уголки его губ изогнулись в улыбке.

— И снова привет! — ответил он и поставил книгу на полку.

— Ты тоже здесь живешь?

— Да.

Отец недоуменно нахмурился, рассматривая парня.

— Вы что, уже знакомы?

— Не совсем. — ответил он. — Пожалуйста, Дэниел, представь нас.

— Крис, представляю тебе Маркуса Кинга. Маркус, это моя дочь, Кристал Хэтчер.

Светловолосый парень подошел к ней, протягивая руку для пожатия.

— Приятно познакомиться, Кристал.

Она не пошевелилась, чтобы пожать его руку, а лишь уставилась на него в изумлении.

— Это что, какая — то шутка?

Он приподнял брови.

— Шутка?

— Ты не Маркус Кинг. Во всяком случае, не тот Маркус Кинг. Ты должно быть его, я не знаю, внук? Правнук? — она повернулась к отцу. — Что здесь происходит?

Он качнул головой.

— Это и есть Маркус Кинг, Криси.

Крис повернулась снова к парню, выглядевшему, как обычный студент. Студент, который по совместительству может быть моделью, и все такое.

— Но тебе всего лишь двадцать лет.

— Предположительно, мне и есть столько. — согласился Маркус.

И что это значило? Такой поворот событий совсем не вписывался в ее схему, внутри все сжалось и ей стало казаться, что все происходит не на самом деле. Она ожидала, что лидер общества Хокспиз с богатой жизненной историей, включающей конфликт с ее мамой и теткой, не говоря уж о д-ре Веге, будет намного старше.

— Ты ожидала увидеть какого-нибудь старика. — отметил он, словно прочитав ее мысли. — И была права, ожидая этого.

В секунду во рту пересохло, как в пустыне.

— Как это возможно?

Прекрасный парень кивнул ее отцу.

— Я разрешаю рассказать ей. Думаю, она поймет быстрее, если услышит от тебя.

Отец согласно кивнул. В выражении его лица не было ничего такого, что подсказало бы, что они разыгрывают над ней невысказанную шутку.

— Я знаю, то, что я скажу тебе, прозвучит невероятно, даже безумно, но... Маркус бессмертный. — он сделал вдох и внимательно наблюдал за ее реакцией, прежде чем продолжить. — Ему очень много лет, он мудрый и могущественный. Никогда не стареет, потому что он — бог.

Отец произнес это так, словно верил каждому слову. Крис уставилась на него, не мигая. В голове не было ни одной мысли, за исключением слов, вспыхиваемых в мозгу, как в игровом автомате.

— Он бессмертный... бог. — повторила она машинально, горло сжало так, что ей стало трудно говорить.

— Да. — отец посмотрел на Маркуса с таким почтением, что Крис поняла: он неукоснительно верит во все это.

— Это... — Крис пыталась обрести голос. — Я... я даже не знаю, что сказать. Это не то, что я ожидала.

Маркус рассмеялся и его смех вызвал дрожь, пробежавшую по ее спине.

— И какими же были Ваши ожидания сегодня, мисс Хэтчер?

Она заставила себя оторвать взгляд от отца и посмотреть на него. Маркус с любопытством наблюдал за ней, склонив голову.

— Только лишь, что увижу дряхлого старика, пропахшего лекарствами.

Лицо отца напряглось.

— Кристал, не будь такой неуважительной.

В уголках губ Маркуса играла легкая улыбка.

— Все в порядке, Дэниел. Я нахожу ее манеру говорить прямо освежающей. Теперь, я был бы весьма признателен, если ты оставишь нас наедине на несколько минут.

Отец замешкался, но лишь на мгновение.

— Как скажешь.

Без слов он повернулся и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

И Крис оказалась наедине с бессмертным богом.

— Мисс Хэтчер, — сказал Маркус. — пожалуйста, присаживайтесь. Мне о многом нужно узнать, если я буду рассматривать ваше вхождение в общество.

Он указал на маленький диван в центре комнаты напротив большого эбенового стола прямо под люстрой. Дневной свет, проливающийся через окно, отбрасывал тени уходящего солнца в каждый угол этой комнаты. Крис молча села на стул и скрестила руки. Она не отрываясь смотрела на Маркуса с того момента, как отец вышел, все еще потрясенная тем фактом, что этот парень и есть лидер общества Хокспиэ.

В его одежде тоже не было ничего примечательного: простые черные брюки и белая рубашка. Он сел напротив нее.

— Тебе сложно поверить в то, что говорил отец, не так ли?

Девушка знала, что выглядит сейчас глупо. Она должна разогнать шокирующий туман и начать разыгрывать второй раунд, словно у нее был шанс на победу.

— Ты имеешь в виду тот факт, что ты оказался бессмертным богом? Хм... да. Можно

сказать, я слегка ошарашена. Никогда не встречала такого... — она прочистила горло, так как оно снова сжалось. — такого, как ты.

— Уверен, у тебя много вопросов, также как и мне есть о чем спросить тебя. Я бы хотел начать первым, если не возражаешь.

Она согласно кивнула, пытаясь смотреть уверенно вперед.

— Как ты узнала об обществе Хокспиэ?

Крис была ужасной лгуньей, поэтому старалась говорить правду там, где это возможно. К тому же, невзирая на молодой и невинный вид Маркуса, было что-то в его пронизательных умных глазах, говоривших, что он мастерски вычислял ложь.

— Я подслушала, как моя мама разговаривала с тетей о папе, и почему он ушел от нас. До этого я не знала правды. Или что-то о их разводе.

— Твоя мама и тетя. Джулия и ... Джеки Кенделл.

— Да. — конечно, он знает их имена. Возможно, он знает все о членах ее семьи.

— Подслушала этот разговор, ты сразу решила, что хочешь присоединиться к обществу, о котором ровным счетом ничего не знаешь?

— Да нет. Изначально я хотела только снова общаться со своим отцом. Но чем больше я узнавала об обществе, тем больше мне становилось интересно.

— Что конкретно Дэниел рассказал тебе о нас? — его тон был ровным и приятным, но Крис не была глупой, чтобы перепутать его с дружеской беседой за чашкой чая. Она поняла, что Маркус слегка давил ее, определяя, достойна ли она.

Ей необходимо доказать, что ей можно доверять. Она должна узнать больше о Бронзовом Кодексе и чтобы сделать это, ей нужно, чтобы Маркус поверил ей.

— Не много. — отметила она. — Он даже заставил меня надеть повязку на глаза, пока мы ехали сюда. Но я точно знаю, что он предан тебе. Он выбрал общество вместо семьи. Мой отец никогда не принимает такие решения легко. Он верит в тебя. Верит в твою миссию. И если мой отец верит тебе, то и я могу тоже.

Он сидел, молча оценивая. Его сузившиеся глаза медленно изучали ее.

— Ты немного похожа на Дэниела, особенно глаза. Но в тебе я вижу много от Джулии. Во внешности и в поведении. Они с сестрой всегда использовали юмор, чтобы сгладить сложные переговоры.

Это удивило ее.

— Ты знаком с моей мамой и тетей?

— Да, я хорошо их знаю. Когда — то они были одними из самых ценных членов моего общества.

Время остановилось, и Крис впиалась пальцами в подлокотники кресла, чтобы остаться спокойной. Должно быть, она неверно поняла.

— Вижу, что и это стало для тебя новостью. — губы Маркуса расплылись в улыбке, когда он увидел, насколько эта новость шокировала ее. — Но я не удивлен.

— Ты утверждаешь, что моя мама и ...и Джеки...были в твоём обществе... — с трудом повторила Крис сдавленным голосом.

— Это точно. Рассказывали ли они Вам когда-нибудь историю вашей семьи, мисс Хэтчер? Рассказывали хоть что —нибудь?

Вся уверенность, которую она собрала в кулак и вошла в комнату, теперь ускользала из — под пальцев. Она крепко держалась за те крохотные остатки уверенности, оставшиеся в ней.

— Полагаю, нет. — отметила она спокойно. — Я знаю, что наша семья владеет книжным магазином уже долгое время.

— Да. Твой прадед, Джонатан Кэндалл, приобрел в подарок для своей жены Ребекки. Она обожала книги, поэтому и превратила его в книжный магазин. А теперь это все, что осталось от состояния Кэндаллов.

— И это, пожалуй, и все, что я знаю о нем.

— Я предполагаю, ты не знаешь, что Джонатан Кэндалл был также сооснователем общества Хокспиэ вместе со мной.

Она попыталась сдержать новую волну шока, но безуспешно.

— Нет, не могу сказать, что это то, что обсуждали за семейным ужином.

— Когда я впервые прибыл в Торонто, Джонатан пригласил меня пожить в его доме столько, сколько мне нужно было. В конце концов, он признался мне, что у него было видение. Обо мне. Задолго до моего прибытия и до нашей первой встречи. Он сказал, что уже какое — то время знал, что нам предназначено вместе основать организацию, деятельность которой мы посвятили защите граждан этого города от тех, кто захочет навредить им. Так общество Хокспиэ начало свое существование. Поколения спустя, твоя мама, когда еще носила фамилию Кэндалл, и тетя были вовлечены. Именно Джулия привела Дэниела, после того как они повстречались и влюбились друг в друга. Остальное, как говорят, уже история.

Крис требовалась пара минут, чтобы осмыслить все услышанное. Это звучало как глава фантастической книги, а не история ее собственной семьи.

— Но мама и Джеки больше не состоят в обществе.

— К сожалению, нет. Между нами произошел...разрыв. Они предпочли верить непростительной лжи обо мне. Так как доверие между нами было утрачено и не могло восполниться, я освободил их от уз общества. Годы спустя Дэниел ушел по своей воле. Он знал, что нужен здесь и хотел продолжить помогать нашей миссии.

Почему же мама не рассказывала ей такие важные вещи? Неужели она думала, что Крис никогда не узнает правду? Если это было правдой. Какой бы лжи о Маркусе они не поверили, в их глазах она превратила ближайшего союзника прадеда в монстра.

По крайней мере, если судить по внешности, Маркус был кем угодно, только не монстром.

— Мама и Джеки тоже верили, что ты бог?

— Верили. — ответил он без запинки. — Но вижу, что ты нет. Это понятно, так как ты не видела никаких доказательств. Я обладаю способностями, которых нет у обычных людей. Хочешь убедиться?

Она настороженно молчала, затем согласно кивнула. Он вытянул руку и от легкого движения кисти из его ладони хлынул букет искр, отбрасывая мерцающий свет в темно-голубых глазах. Он приподнял бровь.

— Признаю, это слегка феерично, как на мой вкус. Любой фокусник из Лас — Вегас мог бы сделать это, предварительно подготовившись.

Крис старалась обрести дыхание.

— Что еще ты можешь? — спросила она, стараясь, чтобы ее голос не звучал так, словно только что она увидела самую удивительную и захватывающую вещь в своей жизни.

Он внимательно посмотрел на нее.

— Ты порезала палец.

Крис посмотрела на забинтованный указательный палец.

— Это просто порез бумагой. Ничего серьезного.

Он подошел ближе, присел перед ней. Он вел себя так спокойно, что это помогло Крис немного расслабиться. Она не отшатнулась от него, когда Маркус осторожно снял повязку с пальца и осмотрел воспаленную красную ранку.

— Я могу помочь с этим. — сказал он, сжимая ее палец своими.

Она почувствовала, как тепло вокруг кожи проникает в нее глубже и глубже. Станный, мягкий свет лучился из его руки. Через несколько секунд ощущение стало неприятным, но его нельзя было назвать болью.

— Вот. — сказал он. — Такое фокусники не могут сделать.

Она с изумлением посмотрела, что ее порез от бумаги исчез, а там, где он был, кожа стала невредимой. Неудивительно, что члены его общества считают его богом.

— Мне нужна минута, чтобы подобрать челюсть с пола. — призналась она.

— Конечно. — он вернулся в свое кресло напротив, взирая теперь на нее с новым интересом.

Он исцелил ее. В этом не было никаких трюков, дыма и зеркал. Ее исцеление было чудом. Крис никогда не верила в сверхъестественные силы, но когда она видела подобное своими глазами...

Есть ли этому другое объяснение? Признать, что он может быть богом... для нее это было слишком, и голова пошла кругом меньше чем за десять минут. Да и десяти лет может быть недостаточно. У нее было так много вопросов, до того как она ошеломленно замолчала. Перед ней сидел человек, который держал местоположение своего дома в тайне. Она считала, что такой человек, бог или кем он считался, не будет так просто разгуливать по улицам.

— Почему ты был в университете? — поинтересовалась девушка.

— Просто потому что я там учусь. — когда она приподняла брови, он улыбнулся. — Даже у бессмертных есть здоровый интерес. И мне было приятно помочь тебе найти дорогу к кабинету д-ра Веги.

— Ты знаком с ним.

— Да. А он знает меня. Хотя я думаю, он и не подозревает, что я являюсь одним из его учеников. Он не много внимания уделяет своим студентам.

Д-р. Вега обвинял Маркуса в убийстве отца. Однако сейчас она не могла заняться выяснением этого вопроса. И все же такая мысль тревожила ее. Оставил бы ее отец в компании убийцы?

— Когда ты встречалась с ним, он рассказал тебе все, что ты хотела знать о Бронзовом Кодексе? — спросил Маркус.

Крис застыла. Он спрашивал, но это прозвучало больше как утверждение. Он знал. Конечно, он знал. Кажется, он знает обо всем. Может, он слышит и стук ее сердца, которое билось часто, как у пойманного животного? Он не ждал ответа.

— Д-р Вега — параноик и тщеславный человечиска, который отчаянно влюблен в твою тетю. Мне иногда жаль его и то, как серьезно он ее воспринимает.

— Он ...у него хорошее мышление.

— Уверен, это так. — Маркус продолжал пристально смотреть на нее. — Я знаю, что Кодекс уже у Джеки Кэндалл. Также я знаю, что ты и мама весьма близки с ней, не взирая на то, что сейчас она проживает в основном в Англии. Ты знаешь, где Кодекс?

Отрицать, что книга у Джеки или сказать, что она не знает о чем он говорит было бы лишним, но, по крайней мере, она могла ответить правдиво.

— Я не имею ни малейшего представления о том, где книга сейчас.

Он прижал концы пальцев рук одна к другой.

— У меня давно украли Кодекс, но книга моя и мне нужно ее вернуть сейчас, как никогда. Она наполнена магией, необходимой, чтобы защитить мир от зла.

— Ты хочешь защитить мир с... помощью магии. — отец не упоминал об этой части миссии Маркуса ранее.

— Да. — он замолчал, позволяя ей обдумать все сказанное ранее. — Если ты действительно хочешь присоединиться к нам, тогда сделай то, что я прошу. Найди Кодекс и верни его мне.

Она потрясла головой.

— Извини, но, как я уже говорила, я не знаю, где книга.

— Возможно. Но я верю, что ты, вероятней всего только ты, сможешь отыскать ее для меня. Я вижу в твоих глазах ум и способность понять насколько это важно. Вы — особенная, мисс Хэтчер. И для меня будет большой честью пригласить тебя в Хокспиэ. Если ты согласишься помочь мне, если будешь стоять рядом со своим отцом, ты сможешь повлиять на будущее этого мира.

Она прикусила губу и задумалась о подходящем ответе. При нем она не находилась с ответом, чего раньше не удавалось никому. Он признал, что книга создана из магии, как и предполагал д-р Вега. К тому же эта магия из другого мира отправила Бэку в страннук кому. Она подозревала об этом все время, но то, что это подтвердил сам бессмертный бог...

— Я знаю, что много прошу. — мягко сказал Маркус. — Но обещай мне, что попытаешься.

Что же ей сказать? «позволь мне пару дней подумать, и я пришлю тебе сообщение?»
Нет.

— Я попробую. — сказала она тихо. — Обещаю, я попробую.

Она встала, готовая не то что выйти отсюда, а выбежать на свежий воздух, где можно было вдохнуть свежий воздух и подумать.

— Спасибо. — и снова его улыбка словно заморозила ее, в голове стало неясно и туманно, как и при первой встрече в университете.

Он наклонился ближе к и взял ее руки в свои.

— Скоро увидимся, мисс Хэтчер.

Мэддокс

Мэддокс, Барнабас и Бэкса продолжили свой путь к дому ведьмы. Мэддокс приглядывал за Бэксой после событий прошлой ночи, но она, казалось, полностью восстановилась от схватки с голодным и ужасным призраком, который чуть не поглотил ее у него на глазах.

— Все присматриваешь за мной? — поинтересовалась Бэкса, когда они устало плелись через широкое, заросшее сорняками поле, разноцветно и ярко устеленное полевыми цветами. — Но я в порядке.

— Ты уверена? — спросил Мэддокс.

— Однозначно.

— Ты была такой храброй.

— О да, это точно.

— Ты храбрая. — настаивал он. — Если бы что-нибудь с тобой случилось...

— Мэддокс! — вмешался Барнабас. — Оставь девушку в покое. Ты спрашивал о ее самочувствии минимум раз десять после завтрака.

Мэддокс бросил на него резкий взгляд.

— Ты не можешь полностью понять наш разговор, слыша только то, что я говорю.

— Зато я понимаю достаточно, чтобы мне захотелось заткнуть уши.

— Я тебе найду, чем их заткнуть.

— Что ты там говоришь? — Барнабас оглянулся и посмотрел на него с заговорщической улыбкой.

— Ничего. — пробубнил парень в ответ. — Мы уже близко?

Они прошли через поле и теперь оказались на краю маленькой деревни.

— Вот именно. Камилла живет где — то здесь.

— Ты не знаешь где?

— Не совсем. — он остановился и почесал бороду, осматриваясь вокруг.

Местность перед ними была усеяна домиками, а за ними виднелся зеленеющий холм. В двух сотнях шагов впереди располагался центр деревни, где отчетливо было видно таверну и лотки продавцов.

Бэкса и Мэддокс обменялись взглядами, и последовали за Барнабасом, который шел наугад через поселение, заглядывая в окна и стуча в двери. Наконец, добросердечный прохожий указал ему правильное направление. Как раз вовремя. Ноги Мэддокса уже невыносимо болели, и он очень хотел отдохнуть.

— Итак, какой из этих домов ее?

— Узнаем, когда подойдем.

— Что ты имеешь в виду, мы узнаем, когда... — Мэддокс осекся, почувствовав, как что-то обвилось вокруг его ноги. Сильный рывок сбил его с ног и внезапно он повис головой вниз.

Барнабас, теперь в перевернутом положении, посмотрел на веревку, в которую попал Мэддокс.

— Мы узнаем, потому что она обязательно ставит ловушки для непрошенных гостей. Мы на месте!

Бэッカ смотрела на них с легким беспокойством.

— Хотела бы я помочь.

— Я тоже. — ответил Мэддокс, качаясь на веревке.

Круг огня обвил Мэддокса и Барнабаса плотным кольцом на расстоянии 10 шагов.

— Моя дорогая Камилла! — крикнул Барнабас. — Это всего лишь я, твой верный соратник Барнабас с другом! Мы приветствуем тебя! Пожалуйста, не убивай нас!

Пламя поднялось выше, жар приближался и приближался.

— Она что, собирается поджарить нас! — воскликнул Мэддокс.

Но внезапно огонь исчез, оставив после себя выжженный, дымящийся черный круг вокруг них. Барнабас кивнул:

— Вот, так намного лучше!

— Ты наконец добрался! — раздался за Мэддоксом приятный, мелодичный голос.

— Камилла, красавица моя, — повторил Барнабас. — Ты — свет моих очей. Но, пожалуйста, я буду весьма признателен, если ты освободишь нас из своей искусной ловушки. Боюсь, моя правая нога уже ничего не чувствует.

Все, что Мэддокс смог увидеть, свисая головой вниз на веревке, это светлые волосы, на несколько оттенков темнее, чем волосы Бэкки, и Барнабаса, выпавшего из своей ловушки. Он быстро вскочил и отряхнул на себе одежду. Камилла подошла к Барнабасу и обняла его. С этой стороны, видя только ее спину, Мэддокс отметил, что на ней был фиолетовый плащ, прикрывавший ее кривизну.

— Как замечательно снова видеть тебя. — сказала она, затем обернулась и посмотрела на Мэддокса. — Кто твой новый друг?

Мэддокс не смог сдержаться и отпрянул назад, когда встретился со взглядом самой уродливой женщины, когда — либо им виденной. Ее волосы свисали космами, впереди была лысина, и у нее не было бровей. Один красноватый глаз располагался ниже другого, а подбородок был усеян бородавками.

— Камилла, это Мэддокс Корсо.

Она резко вдохнула.

— Мальчишка — колдун.

— Именно. — сказал Барнабас с гордостью.

— Я предпочитаю другое прозвище. — отозвался Мэддокс.

Камилла потрепала Мэддокса искривленной рукой по щеке.

— Может, тебя спустить оттуда, голубчик?

— Я был бы безгранично благодарен.

Она достала нож с огромным клинком, внушающим страх, но прежде чем он смог издать малейший звук в знак протеста, одним взмахом перерезала веревку. Мэддокс рухнул на землю, как мешок с картошкой, затем посмотрел вверх и увидел Бэкку, которая стояла, оперев руки в бока, и смотрела на него сверху вниз.

— Весьма грациозно. — улыбнулась она.

— Я стараюсь.

— Великолечно. — сказал Барнабас. — Теперь давайте зайдём внутрь и обсудим переворот.

В доме Барнабас поставил медную шкатулку на деревянный стол. Камилла недоверчиво потрянула головой.

— Мне с трудом верится в то, что ты заполучил ее.

— Мне тоже верится с трудом, по правде говоря. Было довольно сложно попасть в темницу, найти там Мэддокса и выбраться оттуда в целости и сохранности.

— Я всегда знала, что ты, Барнабас, хитрец, ты был таким с самого детства. — она радостно потерла руки. — То, что ты украл шкатулку прямо из-под ее дьявольского носа, так сильно меня радует, я от радости даже не знаю, что сказать. Наконец — то у нас появился шанс заставить Валорию заплатить за все содеянное.

— Надеюсь, ты права. — ответил он. — Теперь помни, что замок заколдован.

— Конечно я помню! Я сама сказала тебе об этом! — она поиграла пальцами и подошла к шкатулке. — Для начала я посмотрю, насколько сильно эта вещица заколдована...

Она прижала пальцы к замку. Раздался шипящий звук, за ним последовал резкий треск — и Камиллу отбросило назад. Мэддокс посмотрел на ведьму, лежащую без сознания на полу, из ее горла вылетали только хрипы.

— Я предполагаю, очень сильно. — констатировал он.

— Точно. — Барнабас скрестил руки на груди. — Что ж, кажется, нам придется немного подождать. Я посмотрю, есть ли здесь вино.

Спустя какое — то время Камилла начала подыматься, с губ сорвался стон, когда она открыла свои кривые глаза.

— О, мой... — сказала она с трудом. — Это было крайне неприятно. Но ответ я получила. Как только восстановлю свои силы, я смогу сломать заклинание на шкатулке и мы получим ее сокровища.

— Что ты обо всем этом думаешь? — спросила Бэッカ. Она сидела, скрестив ноги, на полу у огня. — Они собираются сказать тебе, что внутри или ты будешь и дальше ходить в догадках?

Она была права — он устал от того, что от него все скрывают.

— Что внутри? — спросил Мэддокс громко. — Я считаю, у меня есть право знать, учитывая то, что я помог ее украсть. Барнабас говорит, она может переместить кого — то из одного мира в другой. Это правда?

— Думаешь, я бы стал тебе врать? — Барнабас приложил руку к груди, будто он был ошеломлен таким выпадом. — Шучу, конечно. Я вру всем и каждому. Но это была не ложь.

— Он тебе совсем ничего еще не рассказал? — спросила Камилла, явно удивленная тем, как скрытно вел себя Барнабас.

— Он много чего рассказал. Только я не знаю, чему верить.

Ведьма взглянула на Барнабаса, который кивнул головой, безмолвно соглашаясь.

— Можешь посвятить парня во все. — сказал он. — В пределах разумного.

«В пределах разумного?» Что это значило?

Камилла посмотрела с подозрительностью на шкатулку, затем положила сверху на нее руку.

— Содержимое этой шкатулки принадлежало когда — то одной могущественной богине, ее звали Ева. Она была бессмертной и принадлежала миру, далекому от нашего. Ева стала первой бессмертной, на чьи плечи легла задача охранять мир смертных. Она была стражем, использовала особенные предметы и тот, который находится здесь, является одним из них. Когда несколько бессмертных, которым она доверяла, а они ее предали, убили Еву, эти предметы разбросало по разным сторонам, а затем их украли воры, желавшие использовать их силу для своей выгоды. Эта же шкатулка осталась спрятанной в тайниках Валории с тех пор как она украла трон короля Тадеуса. Богиня хочет использовать ее, чтобы

добраться до остальных принадлежностей Евы, например, золотого кинжала, который, как она считает, унесли в другой мир. И то, что у нее нет нужной магии, чтобы добраться до цели, печалит ее, поэтому все эти годы она выискивает решения.

— Молодая ведьма, которую Валория считает мертвой. — сказал Мэддокс вслух, будто пазлы некоей мозаики, разбросанной до сих пор, начали складываться в его мозгу. Он взглянул на Барнабаса. — Она обладает магией, нужной Валории, чтобы забрать кинжал обратно.

Барнабас еле заметно кивнул головой.

— Это то, во что верит богиня.

— Идем со мной, молодой человек. У меня есть кое — что и ты должен это видеть.

Камилла повела Мэддокса в сад, окруженный высокой каменной оградой. Барнабас и Бэкса следовали за ними, не отставая.

В саду переплелись дикие цветы и сорняки, покосившийся деревянный навес и прямо посередине находилось колесо из камня высотой с Мэддокса.

— Что это? — спросил он.

— Каменное колесо. — ответила Камилла.

— Я вижу. Для чего оно? Почему оно здесь?

— Ева использовала подобные, она расположила их в определенных местах вокруг Митики. Они — сосуды, содержащие магию врат. И эта магия может храниться в них столетиями благодаря высокой плотности камня.

Она постучала по камню, доказывая свои слова.

— Мы собираемся использовать это колесо так же и создать врата, чтобы навечно выслать Валорию из этого мира.

— По правде говоря, — сказал Барнабас, осматривая колесо, — я думал, оно будет больше.

Мэддокс качнул головой.

— Подождите. Даже если вы сумеете создать эти врата, как вы планируете заманить Валорию сюда, к вашему дому? А потом, даже если вам повезет и вы заманите ее сюда, как вы протолкнете ее, богиню, через врата в... в другой мир? Да это практически невозможно!

— Одна проблема за раз, мой юный друг. — сказал Барнабас. — Сначала нам необходимо найти подходящую магию, а потом... мы решим все остальное.

Солидный план, иронично подумал Мэддокс, если его конечная цель — преждевременная и болезненная смерть. Все же он взвешивал услышанное ранее. Если Барнабас и Камилла правы, если они смогут заставить колесо магии работать без помощи девушки, которую разыскивала Валория...

Он повернулся и обнаружил, что Бэкса стоит за ним, заламывая руки. Их взгляды встретились и ее глаза сияли такой надеждой.

— Могла бы эта магия вернуть дух в ее родной мир? — спросил Мэддокс у Камиллы, поглядывая при этом на Бэксу.

— Какой странный вопрос. — ответила Камилла, потирая глаз. — Но я не вижу, почему нет.

— Вот оно. — прошептала Бэкса. — Вот как ты сможешь мне вернуться домой.

— Вероятно, да. — согласился он.

— Теперь, — сказала Камилла. — вернемся внутрь, я угощу вас супом. Я приготовила свежий прямо перед вашим приходом.

Они вернулись в дом и принялись за суп, по вкусу напоминавший картофель в грязи. Камилла помыла тарелки, когда они поели.

— Я чувствую себя намного лучше. — объявила она. — Давайте снова попробуем.

Мэддокс наблюдал, как Камилла сфокусировалась на медной шкатулке. Она поднесла к ней руки с другой стороны, будто пыталась ощутить и воспользоваться ее энергией.

— Я предположу, что в этот раз она не будет прикасаться к замку. — заметила Бэка. Мэддокс улыбнулся.

— Ах, да, — вздохнула Камилла. — Теперь я чувствую ее. Мне нужно сконцентрироваться. О, так она идет. Вот оно...да, почти сделано. И — она резко вдохнула — готово!

Замок хлопнул, открываясь. Мэддокс удивленно вытаращил глаза.

— Ты ведьма!

— И горжусь этим, молодой человек. — улыбнулась Камилла. — Теперь отойдите. Внутри может быть еще одна ловушка.

Они отошли и Камилла медленно, очень медленно открыла крышку. Мэддокс не знал, чего ожидать, но ничего не произошло и так как никто не начал кричать или убегать, он вздохнул с облегчением.

— О, невероятно! — выдохнула Камилла. — Я практически чувствую ее силу, ждущую, что следующей разомкнут ее.

Она достала кое — что из шкатулки. Мэддокс склонил голову.

— Ха. Я ожидал чего-то более сияющего.

Камилла держала в своих руках...книгу. И выглядела она не очень красиво. Но Бэка при виде книги отпрянула назад, поднеся руки ко рту. Мэддокс посмотрел на нее, встревоженный такой реакцией.

— Что с тобой? — спросил он.

— Эта книга....

Он посмотрел снова на книгу в коричневом кожаном переплете, ее обложка была украшена фигурой бронзового ястреба.

— Что книга?

Она словно застыла на месте, ошеломленная. Наконец девушка выдавила из себя:

— Это та книга, которая отправила меня сюда!

Кристал

Отец отвез ее обратно к кофейне «Тим Хортон»: к тому месту, откуда забрал.

Когда он разрешил снять повязку, Крис быстро сдернула ее с глаз.

— Ты в порядке? — спросил он. Они не разговаривали, пока ехали назад.

— Буду. — она потеряла глаза, вытащила очки из сумки, затем передумав, положила их обратно. — Ты веришь Маркусу и тому, как он видит будущее, ведь так?

— Да, безоговорочно. — ответил он, зеркальные очки все еще были на нем, и в них она видела свое отражение. — Теперь ты знаешь все, что я не мог рассказать тебе раньше. Я уверен, ты примешь правильное решение.

Крис кивнула и потянулась, чтобы быстро обнять отца.

— Спасибо, пап.

Он похлопал ее по спине.

— Теперь иди. А то мама будет удивляться, куда ты делаешь.

Она вышла из машины и неотрывно смотрела, как он отъезжает. Она стояла, пока он не заехал за угол, и его машина скрылась из виду. Вместо того, чтобы пойти домой или зайти в больницу к Бэкке, Крис медленно пошла пешком по улице Блур. Ей просто необходимо было привести мысли в порядок, все хорошо обдумать.

За последнюю неделю ее мир невероятно быстро вращался вокруг своей оси. Множество информации, которую она получила, была надуманной, что ли, и казалась почти невероятной. Она никогда не читала гороскопы, не посещала с радостью экстрасенсов или верила в возможность, что кролик не находился в шляпе фокусника во время трюка.

Ответ, тот ответ, который она получила на встрече с Маркусом, был совершенно неожиданным. Но магия, показанная им, была настоящей, и она не могла отрицать этого, даже при всем своем желании.

Девушка посмотрела на исцеленный указательный палец и потеряла его большим пальцем.

«Бессмертный бог, — подумала она. — Неужели я и вправду сегодня встретила бессмертного бога?»

Она остановилась на пересечении улиц Бей и Блур, ожидая, пока загорится зеленый светофор и прохожие начнут переходить дорогу. В этот момент что-то привлекло ее внимание.

Черный лимузин, его окно было опущено, и кто-то внутри выбросил сигаретный окуроч. Стекла были затонированы, опущены не полностью, но достаточно, чтобы внутри она увидела лицо. Лицо Фаррелла. Ее сердце, казалось, замерло.

Но затем, прежде чем он поднял стекло, она успела заметить, что он был не один. Кто-то сидел рядом с ним. Она знала это лицо, но ей потребовалось некоторое время, чтобы понять, кто это был. И когда вспомнила, то в этом не было никакого смысла. Парень был похож на того, который пытался украсть ее сумку. Но почему он находился в лимузине рядом с Фарреллом? Наверное, ей все же показалось. Зажегся зеленый, и лимузин уехал.

Она металась и крутилась в постели целую ночь, размышляя о Фаррелле, отце и маме, а еще о Маркусе.

Наутро она прошла на кухню и села за маленький столик. Кофе приготовился, о чем оповестил таймер. Вскоре Джулия Хэтчер вошла в комнату и пошла прямо к кофеварке. Глаза у нее были затуманенные.

— То, что нужно. — промурлыкала она, наливая себе кофе и добавляя сливки и сахар. — Доброе утро! Ты идешь сегодня в школу, я надеюсь? — Крис только посмотрела на нее, лицо мамы выражало сосредоточенность. — Что — то случилось?

— Мам, я знаю.

Мама опустила на стул напротив нее и сделала глоток.

— Знаешь что?

Пришло время выложить все начистоту, как есть. Она собралась и вздохнула.

— Я знаю об обществе Хокспиз. Я знаю, что ты и Джеки когда — то входили в него тоже вместе с папой. И я знаю о Бронзовом Кодексе.

Лицо мамы побледнело.

— Позволь я угадаю. Отец рассказал тебе все это?

— Кое — что. — призналась Крис. — Но остальное я узнала от Маркуса Кинга.

Мама вскочила на ноги так быстро, что опрокинулся стул.

— Это невозможно.

И эта реакция сказала ей многое. Если бы Крис услышала простое «Ну что ж, милая..» она бы поняла, что мама все еще играет в незналку.

— Я встречалась с Маркусом. Он пригласил меня к себе домой.

Мама просто покачала головой.

— Я не верю тебе.

— Он молод и привлекателен. Во всяком случае, выглядит именно так. Утверждает, что он — бессмертный бог. Затем он зажег огонь из воздуха и исцелил порез на моей руке, так что думаю, я ему верю.

Глаза мамы расширились с каждым произнесенным словом.

— Все, что он утверждает — ложь.

— Значит, ты и Джеки не входили в Хокспиз? А мой прадедуська не был сооснователем общества Маркуса?

На лице мамы отразилась паника.

— Ты не имеешь ни малейшего представления, во что ты ввязываешься, Кристал. Ты не подозреваешь даже, кто он и на что способен. — она провела рукой по волосам. — Нет, этого не произойдет. Я не позволю тебе пострадать из — за выбора, сделанного мной. Несмотря на все, что я сделала, чтобы защитить тебя и Бэкку в течении пятнадцать лет.... он добрался до тебя.

Крис никогда не видела спокойную и собранную мать в таком состоянии. Даже в тот вечер, когда она упомянула, что виделась с отцом, мама вышла из палаты Бэки, чтобы продумать ответ.

— Я настояла на этом, мама. Это не Маркус добрался до меня, а я — до него.

— А твой отец представил тебя, не так ли? Конечно, представил. У тебя не было другого способа для встречи с ним. Все это время я думала, что у Дэниела осталось внутри что-то хорошее, хоть капля порядочности. Вижу, я ошибалась.

— Он всего лишь сделал то, о чем я попросила. Мне необходимо было поговорить с Маркусом. Что я должна была делать? Ты же скрывала от меня правду!

В ответ на этот упрек мама посмотрела так, словно ей стало тошно.

— Что бы он тебе не сказал — это не вся правда.

Крис схватила ее за руки.

— Тогда расскажи мне все. Ты была в обществе Хокспиэ, или нет?

Испуганный взгляд матери столкнулся с глазами Крис.

— Да.

У Крис перехватило дыхание от этого признания.

— Почему, почему ты не рассказала мне все сама?

— Потому что чем меньше я думаю об обществе, тем больше я контролирую свою жизнь. Прошло пятнадцать лет, с тех пор как Джеки и я ушли, Крис. Хотя иногда кажется, что все произошло вчера.

— Почему ты ушла?

Мама замолчала на мгновение, она окинула беглым взглядом комнату, словно освежая память.

— Потому что Маркус — убийца.

Крис шумно выдохнула.

— Д-р Вега сказал мне, что Маркус убил его отца.

Мама удивленно посмотрела на нее.

— Ты и с доктором Вегой виделась? Придушу Джеки, когда увижу! Как же ты иногда напоминаешь свою тетку. Она бывает такой же непреклонной.

— Принимаю это как комплимент.

— Ладно, Крис. Ты выиграла. — мама нервно откашлялась. — Что ты хочешь знать? Я о многом могу рассказать и этот разговор не на две минуты. История моей семьи — жалкая, поэтому я предпочитаю особо не раздумывать над ней, если есть возможность.

В голове Крис пронесся миллион вопросов. Она начала с того, который казался ей самым сложным.

— Откуда Маркус?

— Все, что я знаю, это однажды шестьдесят лет назад он просто появился ниоткуда, в середине книжного магазина нашей бабушки. Здесь, Крис. В этом самом здании, где мы стоим сейчас. Однозначно все посчитали дедушку сумасшедшим в то время, сводимым с ума призраком, поселившимся здесь. Он был палачом, его целью стали люди, которых он считал злом и когда появился Маркус, утверждавший, что он — бог смерти, дедушка уверился в правоте своих действий.

Крис молчала, слушая, подпирая рукой подбородок, будто хотела, чтобы у нее невольно не раскрылся рот от рассказа мамы, дополнявшей слова Маркуса.

— Бабушка была в ужасе от того каким стал муж, ведь она любила его больше всех на свете. И она была напугана человеком, которого дедушка называл богом. В первые несколько дней после прибытия Маркус, если верить словам бабушки, смотрел на все изумленно и сильно отличался от остальных людей. Дедушка присматривал за ним. Но ни он, ни Маркус не заметили, что после его появления, в магазине появилось кое-что еще. Это была книга. Кодекс.

Крис опустила руку.

— Кодекс был тоже отправлен сюда?

Мама кивнула.

— Как вспышка магии. В одно мгновение ее не было, в следующую она появилась. Вместо того, чтобы передать ее мужу или Маркусу, бабушка спрятала ее. Книга оставалась

спрятанной и тогда, когда они основали общество. Бабушка тоже стала в него входить, у нее не было выбора, но говорили, что она никогда не вела себя так, как остальные посвященные — будто всегда чувствовала, что с ней что-то не в порядке.

— Почему она не ушла? — спросила Крис.

Мама качнула головой.

— Это не так легко. Зато она знала, что Маркус не являлся стражем, как утверждал. И чем больше он использовал магию на встречах, тем чернее становился для нее. Наконец, после стольких лет она встретила того, кому могла доверять. Отца д-ра Веги. Она надеялась, он сможет ей помочь понять книгу и то, откуда она взялась. Маркус никогда ничего о ней не упоминал, и она только догадывалась, как они могли быть связаны. Одно бабушка знала наверняка: книга должна оставаться в секрете.

Так вот, значит, откуда отец д — ра Веги узнал о книге. Ее прабабушка лично была той владелицей, обратившейся к нему с загадочной книгой. Но эта информация и привела его к гибели, потому что тайное не остается тайным вечно. Дрожь пробежала по позвоночнику Крис.

— Д-р Вега написал о Кодексе в газете. Он стал тем, кто пролил на нее свет после стольких лет укрывания.

— Очень глупый шаг от умнейшего человека. Если бы он не сделал этого, Маркус, возможно, никогда бы и не узнал о ней. — она судорожно выдохнула. — Но Юрайя так отчаянно хотел порадовать своего отца, чтобы тот гордился им. В его намерениях не было злого умысла — это я знаю точно. Тогда все...было так запутанно, Кристал.

Да, не много изменилось с тех пор.

— Мам, Маркус утверждает, что книга принадлежит ему. Магия, которую она содержит, может помочь ему освободить мир от зла.

Если это правда, то как Маркус может быть плохим парнем, как утверждает мама?

Джулия уставилась на дочь.

— Маркус упоминал книгу в разговоре с тобой?

Крис утвердительно кивнула, сердце громко стучало в груди.

— Он знает, что Джеки нашла ее.

Лицо Джулии Хэтчер стало бледным и мрачным.

— Значит, нам придется иметь с ним дело скорее, чем я думала.

Теперь в голосе матери переплелись страх и решимость. Крис требовалось больше ответов, она не могла отвлекаться.

— Мам, если Маркус такое зло, как ты говоришь, то почему папа с ним рядом? Почему он не с нами вместо этого?

Джулия села на стул.

— Когда человека посвящают в общество, Маркус дает ему метку на левом предплечье. Он получает и вторую, если принимается в доверенный круг Маркуса. Маркус вырезает метки на их коже золотым клинком, затем он исцеляет раны с помощью магии. Первая метка делает последователей здоровыми, им не страшны никакие телесные болезни. Также она гарантирует их верность ему и обществу. Вторая метка улучшает их чувства. Они буквально видят в темноте или слышат через комнату. Кстати, у дара есть и свои недостатки, как мы выяснили после. Яркий дневной свет становится непереносимым для глаз, а громкие звуки — оглушающими. — она легко пробежала пальцами по коже. — И рука становится невероятно чувствительной в течении долгого времени.

Крис смотрела молча на предплечье мамы, на ее безупречную кожу.

— На меня метка подействовала слабее, чем на Джеки и Дэниела. — объяснила она. — То есть на мои ощущения, мою верность, мое здоровье. Время от времени я болела. И поняла, что со мной она так хорошо не работает, но продолжала и дальше молчать. Это стало моим ужасным секретом. Когда мы наконец покинули общество, твой отец боролся с желанием вернуться почти тринадцать лет, пока больше не смог противостоять. Его притянуло к Маркусу как магнитом из — за магии, запечатленной на теле. Бывают времена, когда я тоже чувствую этот зов...немного. Но он намного слабее, чем у твоего отца.

— Как насчет Джеки? Она ощущает подобную преданность?

— Нет. Она ненавидит Маркуса.

— Она считает, ты можешь использовать Кодекс, чтобы уничтожить его.

— Твоя тетя знает, что чем больше он живет не в своем мире, тем слабее становится. Ему нужен Кодекс для восстановления своей силы магии. Сейчас же он уязвим.

— Откуда она знает все это?

— Потому что Маркус сам ей рассказал.

— Серьезно? — брови Крис взметнулись вверх. — Он настолько доверял ей?

Мама допила кофе и встала, чтобы налить еще.

— Мама? — настаивала Крис. — Как Джеки уговорила Маркуса рассказать ей что-то настолько личное?

Женщина вздохнула и вернулась за стол, держа чашку с кофе обеими руками.

— Потому что...когда — то давно Джеки и Маркус были безумно влюблены друг в друга.

И снова Крис показалось, что ей нечем дышать.

— Влюблены!

Джулия кивнула.

— Они тайно встречались, но он вскоре начал доверять ей больше, чем кому бы то ни было. Он рассказывал ей такие тайны, которыми никогда ни с кем не поделился бы, даже с моим дедушкой. Но потом она узнала о всех его преступлениях... и как он стремился контролировать ее, как он хотел контролировать всю семью Кэндалл.

— Каким образом?

Мама ответила не сразу. Она сделала глоток кофе с таким видом, словно он должен был добавить ей сил продолжить.

— Когда Маркус узнал, что бабушка скрывала от него Кодекс столько лет, он был в бешенстве. Когда она отказалась признаться, куда спрятала книгу, он...он убил ее. Убил безобидную старую женщину.

Крис в ужасе уставилась на нее.

— О боже мой!

Мама только стиснула зубы и продолжила:

— Когда родители узнали правду, Маркус убил и их, оставив нас сиротами, а мы были не старше тебя и Бэки. Дедушка вскоре умер своей смертью, оставив все свое состояние и особняк Маркусу. Именно Маркус позволил нашей семье открыть книжный магазин из «доброты» своего холодного, черного сердца. Как Джеки могла продолжать любить такого человека?

Каждая попытка осмыслить все сказанное была слишком для Крис. Одна мысль о том, что это все истинная правда, заставляла ее желудок сжиматься. Но она сама просила об этом.

Она хотела, чтобы мама открылась ей, доверила всю историю. Назад уже не повернешь. Ей необходимо было все знать.

— Как Джеки сражалась с меткой? — поинтересовалась Крис. — Ты описала ее так, словно это невозможно. Она чувствовала то же, что и ты? Или метка не повлияла на нее так сильно, как на остальных?

— Нет, она определенно имела влияние на нее. Она боготворила Маркуса, он, кстати, тоже какое — то время боготворил ее. Но кое — что изменило все — и метка потеряла силу.

— Что изменилось?

Мама допила кофе, она сжимала чашку в руках так, что побелели костяшки пальцев.

— Джеки забеременела от Маркуса.

— Что!? — еле слышно выдохнула шокированная Крис.

Джулия избегала смотреть на дочь прямо, уставившись в свою чашку.

— Учитывая ее состояние, ее разум очистился, как сопутствующий эффект тошноты по утрам — такое случается, оказывается, когда девушка беременеет от бессмертного, подобного Маркусу. В ней росла новая жизнь — поэтому метки перестали действовать. В этот момент она и увидела, каким он является на самом деле. Сестра убедила меня, что нам необходимо освободиться, пока мы еще можем. Она отчаянно боролась с Маркусом и он приказал ей уйти, сказал, что больше никогда не желает ее видеть. Очевидно, и у бессмертных разбиваются сердца.

— Но у Джеки нет детей. — отметила Крис. «Что же случилось с ребенком?» — подумала она, дрожа. — У нее был выкидыш?

— Нет, и она не делала аборт. Родилась девочка. Но она знала, что если об этом узнает Марус...он отберет этого особенного ребенка, чтобы получить превосходство над ней, над нами. Этот человек способен на все и Джеки опасалась за ее безопасность, боялась того, что она ...наполовину Маркус. Она знала его истинное лицо, не взирая на всю ложь и манипуляции.

— Она отдала малышку на удочерение.

Мама замешкалась на секунду.

— Да.

— Это было пятнадцать лет назад. — сказала Крис, когда мама замолчала. — Какая — то девченка — подросток даже не осознает, что ее отец — бессмертный бог.

Мама не сказала ничего в ответ. Ее лицо сильно, до боли, напряглось, а взгляд стал отстраненным.

Пятнадцать лет назад. Имея таких родителей, как Маркус и Джеки, девочка должна быть красивой. Светлые волосы. И темно — голубые глаза. Та, в чьей крови, возможно, течет магия. Та, на которую повлияют магические предметы больше, чем на кого бы то ни было и кто сможет управлять ими.

С болезненным ощущением внутри, Крис поняла, что знает, кто точно подходит под это описание.

— Нет, это невозможно. — прошептала она. — Вы должны были сказать что-то. Вы должны были сказать ей. Скажи мне!

Но мама молчала, как статуя.

— Это...это же Бэッカ! — это имя стало как камешек в горле Крис. — Так?

Джулия начала дрожать.

— Джеки уехала к друзьям в Альберту, пока была беременна. А когда она родила, то...

назвала девочку Ребеккой, в честь нашей бабушки. Мы понимали, нам нужен план, так как ее существование не могло оставаться в секрете. Удочерение было единственным решением, но Джеки отказывалась — отказывалась наотрез — отдавать Бэкку чужим людям и лишиться возможности увидеть ее снова. Также мы знали, что нам необходимо присматривать за ребенком — на случай, если гены человека и ...Маркуса...превратятся во что-то плохое.

— Бэкка — не плохая! — с трудом произнесла Крис, в теле напряглась каждая мышца.

— Я знаю. Но тогда мы этого не знали. Я...я сказала Дэниелу, что не могу больше иметь детей, но хочу удочерить девочку. В то время он лишь хотел видеть меня счастливой, поэтому согласился. Я уладила все детали. Он не знает правды о ее происхождении. Я планировала рассказать Бэкке, что ее удочерили, когда ей исполнится восемнадцать.

Наконец мама посмотрела на нее остекленевшими глазами. По щеке скатилась слеза.

— Прости, Крис. Прости, что тебе пришлось все так узнать.

Пока Крис переваривала ошеломляющую информацию, все вокруг настолько потемнело, что она едва могла что-то различить.

— Ты же не врешь, правда? — слова прозвучали хриплым шепотом. — Обо всем этом.

— Я бы хотела, но нет. Теперь послушай, Кристал. Послушай очень внимательно. Ты никогда никому не должна рассказывать об этом. Даже отцу. Особенно отцу!

Мама потянулась через стол и сжала руку Крис так крепко, что ей стало больно. Но она не отодвинулась. — Если бы у меня был выбор, я бы унесла этот секрет с собой в могилу.

Крис сглотнула с трудом, стараясь не дать волю слезам, которые наворачивались все утро.

— Значит, Бэкка мне не родная сестра. Она...она моя двоюродная сестра.

— Нет. Бэкка — твоя сестра и ничто никогда этого не изменит. Слышишь меня? Ничто.

Этот шокирующий, решающий и весьма ценный недостающий кусок информации помог Крис связать все части воедино. И в свете всех ошеломляющих новостей она не смогла сдержаться, только рассмеялась горьким смехом. Мама посмотрела на нее с тревогой.

— Что в этом может быть смешного?

— Только то, что...теперь я знаю, мне никогда не следовало открывать посылку Джеки.

Джулия устало вздохнула.

— Да, тебе действительно не следовало делать этого.

Пока она потихоньку начала успокаиваться, Крис поняла, что ей тоже необходимо попить. Что-то крепкое. Кофе не подойдет, а вот стаканчик виски с лимонным соком... Так мысленно она подумала о кое — чем другом, и о кое — ком.

— Мама, может, ты вспомнишь, когда ты была в обществе, состояли ли в нем Грейсоны, хорошо? Ну знаешь, тот богач, который всегда в новостях? Эдаврд Грейсон и его семья?

Джулия не задумалась ни на минуту.

— Да. Они входили в элиту общества Хокспизэ. А почему ты спрашиваешь?

Когда она увидела Фаррелла и вора, пытавшегося обокрасть ее, вместе в лимузине, то не могла разгадать эту загадку, начала сомневаться в том, что видела своими глазами. Но сейчас все начало обретать смысл.

Фаррелл

Прошло два дня с тех пор, как он видел Крис. Фаррелл решил, что так как она не воспользовалась шансом связаться с ним — несмотря на блестящую идею отправить ей камеру — инициативу нужно взять на себя. Он толкнул, открывая, дверь магазина «The Speckled Muse». Внутри было несколько покупателей, пара у стойки расплачивалась за покупку, их обслуживала Крис, остальные просматривали полки с книгами. Воздух в магазине был затхлый, как и во всех старых зданиях. Но вместе с тем здесь слышался запах бумаги, кожи и клея. Деревянных полок и ...клубники.

За последние несколько дней он испытывал острую тягу к этим ягодам. Фаррелл прошел внутрь на удивление просторного магазина. С улицы он казался не больше чем обычный магазинчик, но внутри полки вели тебя дальше и дальше.

Он остановился у отдела мистики и начал смотреть книги, чтобы казаться обычным покупателем. На верхней полке на книгах Сью Графтона в твердой обложке сидел черно-белый котенок.

— Привет! — сказал он. — Это ты здесь в качестве музы? Понял? Мяу?

Он потянулся, чтобы погладить, но котенок зашипел и ударил его лапой, выпустив когти. На царапинках выступила кровь.

— Тупой малыш... — он потянулся, чтобы взять его за пушистый загривок, но котенок убежал прежде, чем Фаррелл смог прикоснуться к нему.

— Фаррелл? — позвала Крис справа. — Это ты?

Он изобразил очаровательную улыбку на лице и повернулся к ней, засовывая поцарапанную руку в карман.

— Во плоти.

— Ты здесь. Ого! Вот так сюрприз.

Сегодня на ней были линялые джинсы, плотно облегавшие бедра, которые он находил привлекательными и смешная футболка, с изображенным на ней кубиком сахара, говорящим с радостной улыбкой «Ты такая горячая» чашке кофе. Ее светлые волосы были собраны в косу и никакого макияжа, только губы накрашены розовым блеском. И эти бледно — голубые глаза в старомодных очках в черной оправе смотрели прямо на него.

— Мой телефон, должно быть, сломался. — сказал он, непринужденно опираясь на книжную полку и доставая из кармана телефон. — Иначе я не могу придумать ни одной причины, почему не слышал от тебя звонка.

— Мне следовало позвонить. — ответила она, скрестив руки. — Прости, что не сделала этого. Я была очень занята. Но я получила твой подарок. Фаррелл, спасибо, конечно, но это слишком щедро с твоей стороны. Ты не должен ничего мне покупать. Мой Пентакс разбился не по твоей вине. Поэтому я не могу принять ...

Он вытянул руку.

— На этом ты остановишься. Я настаиваю, чтобы она была у тебя. Я не фотографирую ментальные снимки не в счет, поэтому мне от нее нет никакой пользы. Просто сделай одолжение и носи ее с собой в сумке, чтобы никогда не упускать возможность сделать важный снимок. Поняла? Никаких возражений или я обижусь.

Она нервно рассмеялась.

— Не хотелось бы заставлять тебя обижаться.

— И не надо. Это очень некрасиво. — а сам подумал «Так намного лучше.»

Снова она была у него в руках.

— Когда ты закрываешься?

Крис посмотрела на часы на запястье.

— В шесть.

Его часы в телефоне показывали 5:45.

— Я приглашаю тебя на ужин.

— Прости, что?

— Ты же знаешь, что такое ужин, верно? Еда, которую люди обычно едят через несколько часов после обеда, когда проголодаются.

Улыбка мелькнула на ее губах, но она сдержала ее.

— Я знаю, что такое ужин.

— Ты должна поесть. И так как я оказался здесь, то пока просматривал все эти книги, проголодался....

— Боюсь, здесь нет комиксов. Я все уговариваю маму заказать несколько.

Значит, она запомнила эту маленькую личную деталь о нем. Отлично.

— Я могу читать книги и без изображений, если надо.

— Приятно знать.

Сегодня ее было трудней уговорить, но ему нравился этот вызов. Он знал, что сегодня вечером сможет вытащить наружу каждую скрытую деталь ее жизни.

— За углом есть суши — бар, если хочешь. — сказал он. — Или мы можем пойти в итальянский ресторан, если ты его предпочитаешь.

Она прикусила нижнюю губу.

— Суши — моя любимая еда.

Он приподнял брови, будто был слегка удивлен этим хорошо известным фактом о Кристал Хэтчер.

— Действительно? Моя любимая тоже. Видишь? Я знал, что у нас масса общих интересов. И это еще одно доказательство. Давай, закрывай магазин и пошли.

Наконец она разомкнула руки, и его взгляд вернулся к смехотворной футболке. Грудь под ней не была смешной. У нее были более округлые формы, чем у худой Фелисити.

— Ладно. — согласилась она в конце концов.

Он прямо почувствовал, что победа ждала его, на пути стояли всего несколько кусочков суши.

— Водка «Grey Goose» со льдом. — заказал Фаррелл после того, как они сели за столик. Крис заказала только стакан воды к закускам, и он решил, что не будет настаивать, чтобы она заказала нормальную выпивку. Может быть, позже.

— У нас нет такой марки. — сказал официант

Фаррелл моргнул.

— Простите?

— У нас есть другие виды, включая водку «Belvedere», но нет «Grey Goose». Для вас это имеет большое значение?

— В противном случае я бы не спрашивал. Я не желаю заказывать другое.

Официант передернул плечами.

— Простите, но ничем помочь Вам не могу.

От этого жеста Фаррелл почувствовал, как в нем нарастает раздражение. Дело было не в том, чтобы выпить водку другой марки, когда ее не было. Такое и раньше случалось, конечно же. Но Фаррелл хотел то, что хотел. В данный момент ему казалось жизненно важно доказать что-то здесь и сейчас этому равнодушному официанту.

— На самом деле ты можешь помочь мне. — Фаррелл потянулся за кошельком и достал оттуда стодолларовую купюру. — Сходи в ближайший магазин, купи бутылку «Grey Goose», а сдачу оставь себе.

Официант нахмурился при виде купюры.

— Мне надо обслужить еще шесть столиков. Я не могу просто уйти по вашей просьбе.

— Я не прошу. — рыкнул Фаррелл, почувствовав прилив гнева в груди. — Я говорю тебе.

«Угомонись». — сказал он сам себе. Что он творит? Парень взглянул на Крис и увидел, что она встревожено смотрит на него. Его эмоции стали совсем непредсказуемыми после получения метки. Он либо вспыхивал, как спичка, либо оставался невозмутим. Нужно контролировать себя. Он сдавленно рассмеялся.

— Да шучу я, конечно. «Belvedere» вполне подойдет. Спасибо большое.

Официант удалился без единого слова.

— Смешная шутка. — сухо сказала Крис. — Настоящий комик.

— Прости, слегка увлекся игрой. — сказал он. — Плохо, что он не захотел сыграть тоже, иначе стало бы веселее.

Официант вернулся с их напитками и заказанным овощным темпури.

— Прошу прощения. — сказала Фаррелл, вкладывая ту же стодолларовую купюру ему в руку. — Без обид?

— Абсолютно. — кивнул официант, его лицо перестало быть раздраженным и он направился обратно в кухню.

Фаррелл поднял свой стакан.

— Нам следует произнести тост.

— Например? — спросила Крис.

— За начало новой удивительной дружбы.

Она чокнулась с ним своим стаканом.

— Ты заводишь дружбу со всеми случайными девушками, которых встречаешь на улице?

— Только с теми, которые помогают мне в схватке с уличными воришками.

Он сделал глоток и попытался отмахнуться от ощущения, что это упоминание встревожило его.

— Ты часто влезает в драки? — спросила она.

— Нет, я очень мирный. Спокойный, в основном.

— Неужели? Должна сказать, вчера вечером я решила немного разузнать о тебе и натолкнулась на одно интересное видео, в котором ты избил какого — то торговца наркотиками чуть ли не до смерти.

О, точно. Тот случай. «Как мне объяснить это?» — подумал он.

— Ну, скажем, я — само спокойствие пока кто-то не влезает в мою семью. Тот парень дал моему брату кокаин. А это не хорошо. Я, возможно, и потерял контроль, но клянусь, на это была причина. Я уверен, ты бы тоже хотела защитить сестру любой ценой, я прав?

Он слышал, как звякнул лед в ее стакане, когда она сделала глоток. Он также слышал, как бьется ее сердце — часто и неровно. Внешне она выглядела невозмутимо, но под той футболкой внутри ее сердце волновалось от того, что она рядом с ним. Или может, она была довольна. В любом случае, ее физиология подтверждала, что определенно он имеет на нее воздействие.

— Конечно. — ответила она, немного помолчав. — Моя сестра значит для меня больше, чем кто-либо в этом мире.

— Точно. Я не хочу, чтобы брат повторил мой путь. — сказал он, желая придать словам свой жизненный опыт, чтобы вызвать у нее больший интерес к себе. — Я наделал много ошибок, должен признать, а старший брат пытался приглядывать за мной. Ему всегда было со мной трудно. Но Адам ...он невиннее, чем Коннор или я. Не могу это объяснить. Несмотря на наш семейный опыт, он такой легковверный ко всем опасностям, скрывающимся за каждым углом. Я знал, что должен был быть там рядом с ним, чтобы спасти, даже если он и не хотел, чтобы его спасали.

— Прекрасно тебя понимаю.

Он внимательно наблюдал, как она прикусила губу и потянулась за кусочком спаржи, макнув предварительно в соус понзу, прежде чем съесть.

Кто же знал, что жареную спаржу можно есть так соблазнительно? Фаррелл допил водку и заказал еще. Ее принесли вместе с остальными блюдами: роллы с лососем, гребешки — нигири и сашими с морским ежом. Крис занялась разворачиванием своих палочек и смешала соевый соус и васаби в густую зеленоватую пасту. Он сделал то же самое, прежде чем съесть один ролл с лососем с притворным энтузиазмом.

Он ненавидел суши.

— В прошлый раз мы говорили о магии. — сказал он.

— Говорили.

— Интересная тема, правда? Мне хотелось бы знать больше о твоём личном опыте по этому поводу.

Она поводила пальцем по краю квадратной тарелки.

— Ты когда — нибудь слышал об Обсидии?

Он моргнул.

— Обсидия?

— Вероятно, это язык магии.

— Не могу сказать, что слышал о нем.

Она продолжила есть и болтать, как будто у них был самый обыкновенный разговор за ужином, но Фаррелл держал ухо востро, вслушиваясь во все с интересом. Наконец она сказала что-то важное.

Стоящее внимания Маркуса. Может, поэтому он был так обеспокоен по поводу этой девушки, хотя, с другой стороны, она казалась обыкновенной.

Парень был весьма доволен. Вскоре он получит третью метку.

— Этот язык можно найти только в одном написанном на нем экземпляре. — продолжала она.

— Да? И где же это?

— В одной особенной книге. — сказала она, поколебавшись не более чем минуту. — Если ты знаешь, как читать на этом языке, то возможно ты сможешь извлечь магию из книги и использовать ее так, как нужно тебе.

— Как увлекательно! — он с восторгом внимал каждому ее слову.

— Увлекательно? — повторила она. — Да, я полагаю. Но и пугающе в то же время. Сила, которой можно овладеть, и к тому же эта книга просто лежит где-то, ожидая, чтобы ею воспользовались. Кто знает, какому монстру в руки она может попасть?

Он раньше никогда не слышал про Обсидию, но название звучало как что-то, чем Маркус может сильно заинтересоваться. Фаррелл потянулся через стол и взял ее за руку. Он встретился с ней взглядом и прямо посмотрел на нее.

— Не бойся. — сказал он. — Книга кажется опасной, но не думай об этом, ладно? Клянусь, как и моего брата, я защищу тебя от всего, что попытается навредить тебе!

Она улыбнулась.

— Правда?

— Правда.

Черт побери, он был великолепен. Подобный разговор всегда приводил девушек к нему на колени. И она не отодвинулась от него, поэтому он продолжил, не желая упустить возможность привлечь ее еще ближе и завоевать доверие Крис полностью.

Он провел большим пальцем по ее руке. Короткие ногти были окрашены в ярко — фиолетовый цвет, на пальце — серебряное кольцо с розой.

— Красивое кольцо. — отметил он.

Она посмотрела на свою руку.

— Мы с сестрой обменялись украшениями в виде розы несколько лет назад. У нас есть любимая книга о девушке по имени Роза. Принцесса Роза. Она спасла свое королевство сама, не прибегая к помощи рыцарей в сияющих доспехах.

— Звучит как хорошая книга. — «Или феминистские бредни» — промелькнуло в голове.

Он продолжил гладить ее руку, повернув ладонью вверх, чтобы провести пальцем по линиям на ней. И улыбнулся про себя, когда она прерывисто вздохнула.

«Тобой так легко манипулировать, Кристал Хэтчер.»

— Должен признаться кое в чем. — сказал он. — И это может все изменить между нами.

Она замешкалась, затем мягко спросила:

— Что?

— Когда я сказал, что хочу дружить с тобой платонически....

— И?

— Это была маленькая безобидная ложь. Крис, в тебе что-то есть. Ты так отличаешься от девушек, которых я раньше встречал. Ты...ты делаешь что-то со мной. Конечно же, я хочу, чтобы и у тебя было желание быть моим другом, но не думаю, что хочу, чтобы ты была моим платоническим другом.

«Пусть блондинка растает в романтическом омуте, три, два, один...»

— Фаррелл... ты тоже отличаешься от всех парней, с которыми я была раньше знакома.

Она прикоснулась к нему, ее ногти легко прошли по его руке. Дрожь пронзила все его тело. Исчез неприятный запах еды, остался только сладкий аромат клубники. Шум ресторана стал глуше, они прислушивались только к языку их тела, позволяя лишь легкие прикосновения на публике. Он позволил ей провести пальцами вверх по его руке и наблюдал, как она прикусила пухленькую нижнюю губу. Теперь его сердце нервно трепетало.

Он хотел ее. Одна ночь, проведенная с ней избавит от этого желания, но после того, как она расскажет ему — и Маркусу тоже — все, что знает о магической книге. После он был уверен, что никогда не увидит ее снова. Эти пальцы поглаживали его руку, ему стало трудно концентрироваться на задании. А эти губы...он бы исследовал их часами.

— Я видела тебя вчера. — сказала она, ее голос был хриплым и гортанным.

— Да? Где?

— На Бей и Блур. Ты ехал в своем лимузине, остановился на светофоре и опустил окно. — она продолжала гладить его, медленно сводя с ума от желания. — Так странно, хотя я могу поклясться, что ты был с тем парнем, который меня обокрал.

Он от удивления даже затаил дыхание. Затем выругался про себя. В огромном городе, с сверхтонированными стеклами, никогда бы не подумал, что она случайно увидит его с Лукасом. Собрав все самообладание в кулак, он легко рассмеялся.

— Это безумие. Тебе должно быть привиделось подобное.

— Возможно. — предположила она. — Или же возможно я видела вас двоих вместе. Он тоже состоит в обществе Хокспизэ? Там вы познакомились?

Фаррелл не отодвинул свою руку. Он не собирался показывать ей, что она только что огорошила его.

— Что? Я не знаю, о чем ты говоришь. Какое общество?

— Смешно, я столько нового узнала за прошедшую неделю. И многое заставляет мою голову идти кругом. Но некоторые факты ...ясны как белый день. И я не могу их игнорировать, даже если захочу.

— Хотел бы я сказать, что то о чем ты говоришь, для меня также ясно, как день.

— Похоже, все в обществе получают метку, чтобы показать, как они преданы делу их лидера.

Она медленно выводила круг по его предплечью.

— Вот здесь. Мне говорили, что после того, как ты получаешь ее, это место уязвимо еще долгое время.

Она опустила пальцы чуть ниже и сжала руку, причем сильно. Боль пронизала его от пальцев до плеча. Он стиснул зубы и попытался не реагировать.

— У — п-с. Это было больно? — спросила она.

— Ни капли. — выдавил он.

— Да — да. — улыбнулась Крис. И это была самая неприятная улыбка из тех, которые он когда — либо получал. — Я не дура, Фаррелл. Все, что ты говорил — ложь, чтобы сблизиться со мной, чтобы я отдала тебе то, что нужно. В противном случае ты бы и близко не подошел к такой, как я. Маркус сказал тебе сделать это, не так ли? Выведай секреты Крис Хэтчер и доложи мне?

— О, милая моя. — он наконец высвободил руку от ее хватки и изобразил непринужденную ухмылку на лице. Не было никакого смысла отрицать очевидное. Она знала правду. — Не лги. Ты запала на меня, даже при одной мысли обо мне. Но да, ты права. Я — не для твоего уровня. Жаль разочаровывать тебя.

Она вздрогнула еле заметно, но он все же заметил.

— Спасибо, что все прояснил. — сказала она сдержанно.

— С удовольствием.

— Можешь оказать мне две услуги, Фаррелл? — спросила она.

— Зависит от того, о чем идет речь.

— Передай Маркусу, что если он посылает за мной кого — то шпионить, то пусть найдет кого —нибудь поумнее.

«Очаровательно». — Я подумаю об этом. А вторая?

Крис встала, взяла свой стакан, сделала глоток ледяной воды, а затем выплеснула остаток ему на колени.

— Иди к черту.

И ушла, оставив его: штаны мокрые, прикрытие сорвано. В другой жизни он нашел бы все это смешным. Сегодня вечером смеяться ему не хотелось. В голове помутнилось, мысли стали резкими, как кинжалы, пока он наблюдал, как она проходит мимо окна, направляясь в свой маленький книжный магазин.

Мэддокс

Книга, принадлежавшая бессмертной колдунье, и есть та самая книга, отправившая дух Бэки из ее мира сюда!

— Но как она могла оказаться здесь? — спросил он очень тихо. — Если фактически она, хмм, там? Не может же она находиться в двух местах одновременно.

Бэка подошла ближе, заглядывая через плечо Камиллы, пока ведьма перелистывала страницы со странным золотисто — черным письмом и подробными изображениями животных, деревьев, цветов и пейзажей.

— Я точно уверена, — сказала Бэка. — Или же это оригинальная копия.

На ее лице начало отражаться сомнение.

— Камилла, существует ли еще одна подобная книга? — спросил он.

— Сильно сомневаюсь в этом, но допускаю... есть маленькая возможность, что могла быть сделана поддельная, чтобы запутать возможных воров. — она потрясла головой. — Это оригинал. Клянусь, я чувствую, как магия гудит в ней, будто я касаюсь пчелиного улья.

Однако все указывало на существовании копии. И должно было быть логичное объяснение тому, что испытала Бэка.

— Смотрите, здесь изображение каменного колеса.

Камилла провела кончиком длинного острого ногтя по чрезвычайно точному изображению колеса из ее сада.

— Язык... — Бэка осторожно рассматривала книгу, будто та могла подпрыгнуть и укусить ее. — Ты можешь читать на нем?

— Нет. — Мэддокс всматривался в незнакомые слова. — Камилла, что это за язык? Я его не узнаю.

— Ну конечно, это же язык бессмертных.

«Ах да, конечно.»

Барнабас оставался на удивление спокойным, наблюдая за Мэддоксом и ведьмой, скрестив руки.

— Какой все — таки день. — прокомментировал он. — Мы живы, мы свободны и у нас в руках наконец есть что-то, чем можно уничтожить Валорию раз и навсегда. Предлагаю это отпраздновать.

— Не знаю. — ответил Мэддокс. — Мы прошли пешком несколько дней. Я, например, невероятно устал и...

— Значит, оставайся и не порти нам веселье. — Камилла легонько похлопала его по плечу. — Я составлю компанию Барнабасу. Идем в таверну!

Таверна называлась «Таран», в ней было полным — полно жильцов деревни, которые что-то пили и болтали. Поводом для всеобщего собрания стало продолжение праздника правления Валории, но в такой пирушке праздновали все, что угодно, кроме этого.

Недавно Валория практически выпустила указ, запрещающий продажу алкоголя и общественных празднований в течении года.

— Прошу! — Барнабас подвинул громадную кружку с элем Мэддоксу, сидевшему на длинной деревянной лавке, на которую они сумели втиснуться плечом к плечу к другим

посетителям. Две женщины и мужчина танцевали на другом краю стола под громкую знакомую песню о бессмертных и их магии.

Мэддокс очень хорошо знал слова этой песни. Мама часто ее пела.

«Мы будем жить вечно рядом,
Всматриваясь в звездные небеса,
Сегодня и всегда судьба ведет нас,
Нас связывают нити волшебства.»

Мэддокс глотнул эль из кружки — впервые в жизни. Ливиус редко пил что-то крепче сидра, и никогда не позволял Мэддоксу пригубить хоть каплю.

— Понравилось? — спросила Камилла, сладострастно ухмыляясь, показывая свои сломанные зубы.

— Хорошо. — пришлось ему признаться.

— Пей, сладкий, — сказала она и взялась за свою кружку пенистого эля, миглом опустошив ее. Затем она громко и длинно отрыгнула.

Где — то рядом раздался крик.

— Я узнаю этот звук! — прокричала женщина и подошла к ним. У нее были пшеничные волосы, и выглядела она симпатично с головы до ног.

— Моя дорогая сестренка! — Камилла вскочила и распростерла руки. — Ты вернулась ко мне! Я так долго ждала!

«Сестра?» Мэддокс обменялся удивленным взглядом с Бэккой.

— Отрада очей моих! — воскликнула красивая женщина и они обнялись.

Барнабас поменялся на глазах: от расслабленной сутулости не осталось и следа, вместо этого он был воплощением достоинства.

— Съенна, как же приятно снова тебя видеть!

Бэчка потянулась к Мэддоксу и прошептала:

— Мне кажется, или он действительно обомлел от счастья при виде нее?

— Разве можно его винить за это? — сказал Мэддокс очень тихо и глотнул еще эля. — Она невероятно потрясающая.

Девушка прикусила губу.

— Да, я полагаю. Если тебе нравятся такие. Но она старовата, ей по меньшей мере тридцать, верно?

Он нахмурился. До этого Мэддокс никогда не слышал, чтобы Бэчка говорила таким язвительным тоном.

— Мэддокс, это моя младшая сестра Съенна, — представила Камилла. — Сестра, которая отказывалась мне писать слишком долго, пока путешествовала по далеким землям за морем. Сестричка, я так соскучилась по тебе!

Съенна обняла Камиллу за плечи.

— Я вернулась и подумываю задержаться на неопределенное время.

— Еще одна причина для праздника. — Камилла подала знак, чтобы им принесли еще выпить.

К третьей кружке Мэддокс решил, что больше не будет отказываться присоединиться к предлагаемым празднованиям в тавернах. Как — то он оказался на столе танцующим с красавицей Съенной, которая держала его за руки и кружила, пока у него вконец не закружилась голова. Жизнь была великолепна. Чудесна. И сверкающая.

— Ты впервые пил эль? — спросила Съенна.

— О, нет. Я уже пил его много, много, много раз. Ничего особенного. — невнятно произнес он. — Просто замечательно, что ты вернулась к сестре. Ты тоже ведьма?

Сьенна рассмеялась и прикрыла его рот ладонью, чтобы он не сказал еще что-нибудь.

— Не так громко, хорошо? Сегодня здесь весело, но никогда не знаешь, где прячутся стражи Валории. Они не очень хорошо обращаются с теми, кто наделен магией.

— А я наделен магией. — он прижал руку к груди. — Очень наделен.

— Правда, ты?

— Они называют меня мальчишкой — колдуном. — когда сейчас он повторил это прозвище, оно прозвучало более впечатляюще, чем обычно.

Она придвинулась чуть ближе, чтобы рассмотреть его получше.

— Значит, ты и есть тот самый маг, о котором я слышала? Парень, вызывающий духов.

— Сегодня я привел одного с собой. — сказал он, указывая на Бэкку кружкой с элем. Эль выплеснулся и попал Барнабасу в лицо.

— Эй! — гневно выкрикнул Барнабас, вытирая глаза.

Мэддокс рассмеялся.

— Прости!

Затем он снова взглянул на Бэкку, которая сидела на деревянной лавке и смотрела на него. Руки она скрестила на груди, а выражение лица...

«О, милая!» Он спрыгнул со стола.

— Сьенна, я скоро вернусь.

— Не спеши, сладенький. — отозвалась она с улыбкой.

Невероятно, Сьенна назвала его «сладеньким»!

Он начал пробираться через толпу к Бэкке.

— Ты выглядишь очень расстроенной. — сказал он, подходя ближе.

— Неужели?

— Что с тобой?

— Ничего. Я просто сижу тут, невидимая и бестелесная. В ожидании. Моя сестра и мама наверно в отчаянии от беспокойства, пока вы все здесь празднуете то, что сумели открыть закрытую шкатулку. Так что, нет. Я не расстроенная. Просто нет терпения. К тебе.

Она сказала «тебе» так резко, будто это был кинжал, и она решила вонзить его в него. Но вместо вины в нем вспыхнула ярость.

— Я знаю, как сильно ты торопишься покинуть это королевство, которое так презираешь, но это подождет до завтра.

— О, действительно?

— Да... Да! Кроме того, ты хотя бы раз на секунду задумывалась, как больно мне будет прощаться с тобой? Что видеть тебя здесь в качестве духа, которого я никогда не могу коснуться предпочтительней для меня, чем не видеть тебя вовсе, даже если идея поцеловать тебя — поцеловать по — настоящему, живую, во плоти — это все, о чем я могу думать?

От удивления у нее округлились глаза.

— Мэддокс...

Он испытал огромное облегчение, выплеснув правду, но после этого почувствовал себя грубым, а свой взрыв казался ему очень глупым.

— Пожалуйста, прости мое пьяное поведение.

Он ушел, не сказав больше ни слова. Таверна кружилась вокруг него — смех, разговоры, музыка и танцы. Каждый казался счастливым и веселым. Но теперь Мэддокс чувствовал себя

очень несчастным.

Ему так нравилась Бэッカ, он так привязался к ней за это короткое время, что буквально чувствовал, как сердце жжет в груди. И если все пройдет идеально, он скоро потеряет ее навсегда.

Когда они вернулись в дом, Мэддокс извинился и вышел на улицу, где его стошнило. Когда он вытирал рот, то заметил, что рядом кто-то был.

— Лучше выплеснуть, чем держать в себе. — сказал Барнабас, сочувственно кивая.

— Твоего мнения я не спрашивал.

— Что? Я здесь, чтобы помочь. Тебе нужно время, чтобы справиться с тем, что выпил. Все будет нормально.

Мэддокс спиной прижался к каменной стене дома Камиллы, затем соскользнул на землю и обхватил голову руками.

— О, мой... — сказал Барнабас. — Ты ужасно себя чувствуешь, да?

— Хуже не бывало.

— Это не только эль. Та девушка тоже. Я прав?

Мэддокс потер глаза.

— Барнабас, ты когда —нибудь влюблялся?

Барнабас замер, серьезно призадумавшись.

— Это то, что происходит между тобой и девушкой — духом?

— Я не знаю. Я просто задал тебе вопрос.

Тень боли, которую он видел вчера, снова легла на лицо Барнабаса.

— Да, я любил. Я знаю, каково это. Всепоглощающее ощущение, которого ты не испытывал раньше. Ужасающее осознание, что ты будешь жить для нее и умрешь ради нее, если только она даст тебе шанс.

— Кем она была, та девушка, которую ты любил?

Барнабас обратил на Мэддокса свой задумчивый взгляд и снова улыбнулся.

— Тебе лучше зайти внутрь, мой юный друг. Там тебя ждет теплая кровать. Выспись.

Казалось, Барнабас не хотел говорить о таких личных вещах, что, наверное, было к лучшему. Мэддокс знал, вероятнее всего Барнабас солгал бы.

— Отличное предложение. — согласился Мэддокс.

— Определенно.

Когда Мэддокс проснулся, давно уже рассвело. Открывая глаза, он почувствовал, какая тяжелая у него голова, будто кто-то положил в нее пудовый камень, пока он спал.

— А-а, — простонал он, поднимаясь с кровати.

— Готова поспорить, у тебя чертовское похмелье сейчас. — сказала Бэッカ.

Она стояла у стены, скрестив руки на груди.

— Ничего я не хмелел, я думаю? Ты... — он замешкался — смотрела, как я сплю?

— Г-м. — ее щеки покраснели. — Скорее ждала, пока ты проснешься.

— Кто-нибудь еще встал?

Она кивнула:

— Все, пару часов назад.

Мэддокс потер лоб, пытаясь перебороть убийственную головную боль. Он взглянул на Бэкку сквозь пальцы.

— Приношу глубочайшие извинения за свое поведение вчера вечером.

— Нет необходимости извиняться. — она молча изучила взглядом его лицо, прежде чем

повернуться и уйти. — Я оставлю тебя, чтобы ты оделся.

Когда она вышла, он заставил себя встать и одеться, вспоминая все дурацкие слова, которые вчера он сказал Бэкке. По крайней мере те, которые мог вспомнить. Испутив еще один стон, парень вышел из комнаты, чтобы присоединиться к остальным.

Камилла подала ему жареную куриную ножку по пути в главную комнату.

— Давай, поешь что-нибудь.

Барнабас сидел за столом, рассматривая книгу.

— Вы сегодня собираетесь попробовать магию книги? — спросил Мэддокс.

— Однозначно. — отозвался Барнабас.

Сьенна вошла в комнату и всем улыбнулась, затем подошла к огню погреть руки:

— С добрым утром, сестра! Доброе утро, Барнабас, Мэддокс. Чудесный день, не правда ли?

Барнабас закрыл книгу.

— Не такой чудесный, как ты, Сьенна.

— О, очаровываешь меня, да? — игриво поинтересовалась Сьенна.

— Пытаюсь. — последовал ответ.

В дверь постучали.

— Кто это может быть? — спросила Камила, нахмуясь и потирая подбородок, усеянный бородавками. — Я никого не жду.

— Может, ты и не ждешь. — сказала Сьенна. — Зато жду я. Кажется, они прибыли раньше, чем я предполагала. Должно быть, у них быстрые лошади.

— Кто это?

— Мои друзья, заинтересованные в том, что твои друзья украли у богини.

— Что? — воскликнула Камила. — О чем ты говоришь?

Сьенна быстро подошла к ней, в ее руке блеснуло что-то серебристое и Камила выдохнула, когда Сьенна вонзила острый кинжал ей в живот.

— Ты и вправду думала, что можешь украсть у Ее Сиятельства и прожить еще один день? — прошипела Сьенна, в то время как сестра осела на пол.

Мэддокс смотрел на них в молчаливом шоке. Он встретил застывший взгляд Бэкки.

— Мэддокс! — закричал Барнабас. — Беги!

Деревянная дверь разлетелась, и солдаты Валории ввалились в дом. Мэддокс попытался высвободить свою магию, но был слишком взволнован, слаб и плохо себя чувствовал после выпитого вчера эля.

— Этот. — указала Сьенна на Мэддокса, в ее голосе не было никакой доброты. — Когда придет Валория, он ей понадобится.

Тяжесть эфеса меча опустилась на голову Мэддокса и его поглотила темнота.

Кристал

В субботу утром Крис пошла к Бэкке. В палате были только они вдвоем и Крис села на стул, изучая лицо сестры.

«Она не моя сестра», — напомнила она себе. — «Она — дочь бессмертного убийцы.»

Крис пыталась смотреть на нее по-другому, пыталась ослабить связь между ними. Может быть, это облегчит тяжесть всего происходящего. Но подобный метод не сработал. Как бы сильно она не старалась, не могла видеть Бэкку по-другому, не в качестве родной сестры. И в глубине души знала, что это никогда не изменится.

Девушка не спала почти всю ночь из-за витавших в голове мыслей после ужина с Фарреллом накануне. Она не собиралась так скоро признаваться, что знает его секрет. Но он подтвердил самые худшие опасения.

Парень, которого она встретила, парень, который действительно ей понравился, не был им в действительности. А тот, вчера вечером, оказался настоящим Фарреллом Грейсоном. Самодовольный, самоуверенный, сверхпривелегированный гад, который участвовал в ужасной организации, ответственной за зловещие деяния. Знал ли он всю правду о Маркусе? Или он просто очередной невежественный миньон? Впрочем, Крис это мало волновало. Она больше никогда не хотела с ним встречаться.

Когда девушка вернулась в магазин, то посчитала необходимым рассказать маме о том, что произошло между ней и Фарреллом вчера на ужине, но прежде чем смогла произнести хоть слово, мама сразу схватилась за кошелек и куртку.

— Ты сможешь сама закрыть магазин сегодня? — спросила она.

— А где ты идешь? Навестить Бэкку?

— Нет. — Джулия замешкалась у выхода.

— Мам. — позвала Крис многозначительно. — Больше никаких секретов между нами, помнишь?

Джулия вздохнула и прямо посмотрела на дочь.

— Никаких секретов. — согласилась она.

— Итак? Скажи же.

— Мне нужно в аэропорт, забрать твою тетушку.

Крис вздохнула.

— Джеки здесь?

— Почти. Она сумела вылететь из Лондона сегодня утром. Ее самолет приземляется через час. Твоя тетка незамедлительно хочет встретиться с д-ром Вегой, но я не смогла дозвониться к нему по телефону и договориться о встрече. Мы заглянем к нему по пути домой, и я надеюсь, что он будет там. — она взялась за дверную ручку. — Я позвоню, когда буду уже с Джеки и сообщу, во сколько мы приедем.

— А что, если кто-то проследит за вами?

Джулия ведь не знала, что Маркус пустил Фаррелла по следу Крис и вполне возможно, что следили и за самой Джулией.

— Поверь мне, за последние пятнадцать лет я научилась проходить незамеченной.

— Ты должна и меня научить такому.

— Может быть, однажды. — она сжала руку Крис. — Скоро увидимся.

Крис заперла дверь после ее ухода, повернула табличку с надписью «Закррито» и прошла по магазину в поисках Чарли. Она взяла питомца с собой в квартиру, где положила ему в миску пол баночки тунца, с оставшейся рыбой сделала себе сэндвич. Котенок глотнул рыбу за рекордно короткое время, затем пропищал счастливое «мяу».

— Пожалуйста. — она наклонилась и почесала ему за ушком. — Итак, чем мы сейчас займемся?

Он потерся о ее ногу, подергивая хвостом.

— Конечно, ты прав. Если я останусь здесь и предамся размышлениям, то совсем сойду с ума. Мне нужно чем-нибудь заняться. Но чем?

Чарли прошествовал из кухни и прыгнул на драпку, недавно купленную для него.

— От тебя никакой помощи. — констатировала Крис.

Прошло полчаса и, окончательно потеряв терпение, она решила отправиться в университет. Девушка решила подождать маму и Джеки в кабинете д-ра Веги. Она схватила ключи и сумку, затем взглянула на камеру, лежавшую на прикроватном столике.

— Что я могу сказать? — пробормотала она. — Великолепная камера.

И сунула ее в сумку. Попробовав сделать первый снимок по пути в университет, она поняла, что у цифровиков есть очень важное и полезное преимущество: можно сразу же просматривать снимки.

Тем не менее, это удобство могло также отнять у нее некую часть веселья, так как лишало удивления видеть, что же было пленке, когда она проявляла пленку через несколько недель. Когда Крис подошла к университету и начала выискивать путь по дорожкам к своей цели, то внимательно смотрела на каждого, кто мог бы следить за ней, но никого не заметила.

Однако это не означало, что Маркуса не было поблизости. Он мог прийти сегодня на какие-нибудь лекции. До тех пор пока это не оказалось тоже ложью.

Она вошла в здание факультета антропологии и направилась к кабинету д-ра Веги, но обнаружила лишь незапертую дверь и пустую комнату.

— Я могу Вам чем —нибудь помочь? — спросил у нее другой профессор с усталым видом и так сильно нахмурился, будто ему было больно.

— Я ищу д-ра Вегу. Он сегодня здесь?

— Нет, его здесь нет. К сожалению, его забрали в отделение скорой помощи сегодня днем.

Она уставилась на него.

— Что? Что произошло?

— На него напали и сильно избили.

Она крепко вцепилась пальцами в ремешок сумки.

— Где он?

— Больница «Mount Sinai». Это недалеко отсюда.

Крис направилась к выходу.

— Я отлично знаю, где это.

Д-р Вега находился в той же больнице, что и Бэкса.

Поиски его палаты заняли некоторое время, затем ей пришлось соврать и сказать, что он — ее отец, чтобы увидеться с ним. К счастью, медсестра поверила ей.

Она медленно открыла дверь и увидела избитого, окровавленного профессора,

лежавшего на больничной кровати, его веки опухли и прикрывали глаза, оставив лишь щелочки, но было понятно, что он не спит.

— Мисс Хэтчер, — сумел он произнести хриплым и грубым голосом. — я прошу прощения за все это.

— Прощения? — она быстро подошла к нему, поморщившись при виде трубочек, подсоединенных к его руке и носу. — За что?

— Я — глупец, старый, жалкий глупец. Они следили за мной все время. Я носился со своей паранойей, считая, что это спасает меня. Но они ждали. Пока у меня не появится то, что им нужно. Я предал вас. Я предал Джеки. Как бы я хотел быть сильнее!

— Хокспиз. Это они сделали, да?

Он кивнул, затем поморщился, будто малейшее движение вызывало сильную боль.

— Я пытался не рассказывать им ничего помимо того, что я уже раскрыл в статье, но они вынудили меня, как вы видите.

У нее свело желудок.

— Что вы рассказали им?

— Кодекс...вы сказали, что видели ...

Крис похолодела. Ведь она сказала Маркусу, что не знает, где находится книга!

— Что еще?

— Что ваша сестра коснулась ее и впала в загадочную кому.

— Черт! — теперь у Маркуса была вся информация, чтобы добраться до книги и сильно навредить ее семье.

— Мне следовало позволить им убить меня.

— Нет. — яростно ответила она. — Не говорите так. Вы поступили так потому, что у вас не было другого выхода. Джеки поймет.

— Она больше никогда не заговорит со мной. — его глаза наполнились слезами. — Вся наша работа, то, как она сражалась все эти годы, — впустую.

— Не впустую! Когда это произошло?

— У меня был обед. Сэндвич с говядиной, подлива, салат. Чай с лимоном. — он судорожно выдохнул. — Я не успел съесть и кусочка, когда они пришли.

Некая ее часть хотела сердиться на него, но взглянув на этого человека сейчас, такого избитого и беспомощного, она не смогла. Миньоны Маркуса выбили из него информацию.

— Если у твоей сестры такая реакция на Кодекс, — с трудом произнес он. — значит, она должна быть очень важной и необычайно особенной.

— Вы правы. Определенно, это так.

Попрощавшись с мрачным видом, Крис вышла из палаты, пообещав проведать его позже. Она пошла на этаж к Бэкке, ускорив шаг, когда дошла до комнаты и распахнула дверь.

Кровать Бэкки была пустой. Она повернулась и схватила за локоть первую попавшуюся медсестру.

— Где моя сестра? Где Бэка Хэтчер?

Медсестра нахмурилась, затем схватилась за свою дощечку.

— Но здесь не указано, что ее переводили куда —нибудь...

— Ее нет в палате, значит, куда — то перевели. Куда?

На лице медсестры теперь было замешательство.

— Я...не знаю. Должно быть, это какая — то ошибка. Я немедленно все проверю.

Телефон Крис начал звонить. Она вытащила его из сумки и посмотрела на дисплей.

«Папа».

— Крис. — прервал он ее, когда она ответила. — Я знаю, ты в больнице.

У нее подкосились ноги и она села на ближайший стул.

— Что происходит?

— Маркус был готов проявить необыкновенное терпение по отношению к тебе...

— Пап...

— Но он знает, что ты ему солгала. Ты ведь видела Кодекс, не правда ли?

Теперь не было никакого смысла отрицать.

— Ладно, да, я видела. Но я не лгала ему. Я действительно не знаю, где книга сейчас.

— Меня попросили передать, чтобы ты взяла ее и возвращалась в магазин. Кто-то заберет тебя оттуда через час.

— Пап, ты что, не слышишь меня? Я не знаю, где она!!!

— Я слышу. А теперь ты послушай меня. — в холодном голосе отца не было никаких эмоций, ей казалось, что даже кровь превращается в лед от такого тона. — Ты сама ввязалась во все это. Не знаю, что рассказала тебе мать, она лжет. Она манипулирует тобой.

— Где Бэкса? — прервала она его, повысив голос. — Где она?

— Она у нас.

Крис замерла.

— У вас? То есть, с тобой и Маркусом? Что за черт, пап? Почему ты так себя ведешь? Она...она в порядке?

— Да, с ней все нормально.

— Я думала, ты любишь меня. Я думала, ты хочешь лучшего для меня и Бэкси... — ее голос прервался.

— Люблю. Это все, чего я когда — либо хотел. — он замолчал, но всего лишь на одно напряженное мгновение, прежде чем снова заговорил. — Час. Будь готова, держи Кодекс в руках и все закончится хорошо.

И прежде чем она смогла снова напомнить ему, что и вправду не имеет никакого представления, где книга, он отключился.

Крис уставилась на телефон, затем выкрикнула ругательство так громко, что пациенты и медсестры в коридоре оглянулись и встревожено посмотрели на нее. Трясущимися руками она перелистывала контакты в телефоне и позвонила маме, направляясь к выходу из больницы. Включилась голосовая почта.

— Маркус знает, что Кодекс у нас, и он знает, что произошло с Бэксой. Они забрали ее из больницы, и теперь папа говорит, чтобы я принесла Кодекс. Если я этого не сделаю, я не знаю, что может случиться... — в груди сжало так сильно, что стало почти невозможно дышать. — Позвони мне, как только ты получишь это сообщение. Я не знаю, что делать.

Она отключилась и набрала номер Джеки, на котором также была включена голосовая почта. Она оставила ей подобное сообщение. Кто еще может помочь? Перебирая другие номера в телефоне, она наткнулась на один номер и остановилась.

«Ф. Грей..» Девушка уставилась на него, сердце стучало в груди. «Удалить».

Крис побежала домой и начала поиски.

— Черт побери, мам, почему ты не сказала мне, где положила ее?

Оставалось всего полчаса, чтобы найти — и все... Она проверила под кроватями и в шкафах, проносясь по квартире с огромной скоростью. Она заглянула даже в духовку, так как мама редко использовала ее для готовки. Это мог быть хороший тайник.

Но, как и везде, там оказалось пусто. Где же, где? Крис даже не знала, здесь ли еще книга. Она могла быть где угодно: в банковской ячейке, зарытая в землю, спрятанная в дупле дерева.

Нет. Мама была практичной женщиной и стала бы держать ее поблизости на всякий случай. И где же лучше спрятать книгу, как не в книжном магазине?

Крис сбежала по спиральной лестнице вниз, чуть не подвернув ногу в спешке.

— Давай, думай! Куда бы она положила ее?

Девушка осмотрелась вокруг, пытаясь воодушевиться. Пытаясь думать как мама. Она просканировала полки, проходя между рядами и разыскивая простой коричневый кожаный корешок, но в магазине были тысячи книг и полки казались бесконечными. Она никак не могла обыскать все за пару минут. Крис оказалась у уголка с детской литературой, она сбрасывала книги с полок в поисках тайных отделений, которых раньше не замечала. Ничего.

У нее оставалось всего пять минут до приезда таинственного сопровождающего. Она не найдет Кодекс. Ни мама, ни тетя Джеки не ответили на ее сообщения, подсказав волшебное решение, чтобы выиграть время. Она осталась одна без каких — либо подсказок что делать.

Горячие слезы отчаяния заструились по щекам, эмоции выплеснулись наружу, и она громко зарыдала. Крис больше не могла сдерживаться, на нее слишком много навалилось за последние дни. Натиск скрываемой правды, ложь и обман, страх и неуверенность, сопровождавшие ее на пути к правде — все давило, как рушившееся здание. Это все ее вина! Все произошло из-за нее!

Она упала на колени, окруженная сброшенными книгами, прочитанными ею, когда она была ребенком и подростком, когда любила написанные слова и побег, который они предлагали. Она провела рукой по фантастической новелле, Бэッカ очень любила эту книгу.

— Прости меня, — прошептала она, затем села, подтянув колени к груди, на щеках блестели слезы, а сердце мучительно сжималось. — Я хотела помочь тебе, но не смогла.

Подняв голову, она увидела Чарли. Он подошел ближе и, будто чувствуя ее состояние, прижался мордочкой к макушке ее головы.

— Что мне делать, Чарли? Пожалуйста, скажи хоть ты мне, что делать.

Он запрыгнул на пустую нижнюю книжную полку, где часто скручивался клубочком и спал.

— Очень помогло, спасибо. — прошептала она.

Крис наблюдала за котенком, пока ее взгляд не скользнул на несколько сантиметров дальше. Со своей стороны она увидела маленькое пространство между полкой и полом. И что-то там лежало. Она напряглась.

— Не может быть!

Она потянулась к тайнику, отталкивая упавшие книги и подлезла рукой под полку, чтобы вытащить спрятанное. Это был Бронзовый Кодекс!

Черный лимузин подъехал точно в указанное время. Крис закинула сумку на плечо, прижала Кодекс к груди и вышла из магазина. По лицу шофера невозможно было ничего прочесть, когда он открыл ей дверь заднего сидения. Она заколебалась, но лишь одну минуту.

Собрав последние остатки мужества, она села в машину. Шофер закрыл за ней дверь.

— Бьюсь об заклад, ты думала, что мы никогда больше не увидимся. — сказал Фаррелл Грейсон. — И все же, здравствуй!

Фаррелл

Если бы взгляды могли убивать....

Фаррелл изо всех сил старался не улыбнуться от того яростного взгляда, которым его одарила Крис Хэтчер, когда села в лимузин. И ему это не удалось. Они отъехали от магазина, и он четко ощутил волны ненависти, захлестнувшие ее.

— Не хочешь поболтать? — спросил он.

— Почему ты? — спросила она в ответ сквозь сжатые зубы.

— Ну, это весьма философский вопрос. Почему любой из нас? Почему мы существуем? Для чего мы здесь? Или это всего лишь потраченное впустую время?

— Почему они отправили тебя, а не кого-то другого?

— Потому что Маркус знает, как мы хорошо подружились.

— Хватит нести чушь!

Он развел руками, как бы подчиняясь.

— Маркус попросил меня сопроводить тебя сегодня вечером. Я предупредил его, что возможно, ты не обрадуешься, увидев меня так скоро после нашего свидания.

— Значит, он знает, что я раскрыла твои секреты.

— Но не все. Всего лишь один из них. — ухмыльнулся он. Фаррелл понимал, ей хотелось, чтобы ему было тоже плохо, чтобы он чувствовал вину за все происходящее. Но нет. Отсутствие какого — либо чувства вины все упрощало.

Крис покрутила серебряное кольцо.

— Почему ты делаешь это?

— У тебя есть то, что хочет Маркус. А я просто помогаю ему это получить. — он взглянул на книгу, прижатую к груди. — Покажи ее мне.

«— Забери девушку. — велел Маркус ранее, позвонив Фарреллу. — Привези ее в театр. Убедись, что книга с ней — проверь, на обложке должен быть бронзовый ястреб. Если книга не у нее, сразу же сообщи мне.»

Она неохотно повернула книгу. Бронзовый ястреб был, как и говорил Маркус.

— Приятно знать, что ты можешь следовать указаниям при правильной мотивации. — прокомментировал он, склонив голову. — Ой, да ладно, Крис. Почему ты такая серьезная? Ты же работаешь в книжном магазине, а теперь доставляешь книгу. Кажется, прекрасно подходит к описанию работы в подобных местах.

— У него моя сестра. Ты знал об этом? Он украл ее прямо из больницы. Она в коме, Фаррелл. В коме! А он похитил ее.

Конечно, он знал. Он же входил в тайный круг.

— Что ты хочешь сказать?

— У тебя есть душа? — требовательно спросила она. — Или ты сделан из чистейшего зла, как твой лорд и повелитель?

Он смотрел на нее, размышляя, насколько сильно она пытается его задеть.

— Продолжай. Сравни меня с Маркусом. Я сочту это за комплимент.

Девушка молча уставилась на него, взгляд был таким горячим, что казалось, может обжечь.

— Например, что ты видишь? — спросил он, пытаясь разговорить ее. — Может, ты готова передумать по поводу вчерашнего предложения «иди к черту» и узнаешь меня получше? — он похлопал рукой по сидению рядом с ним. — К слову, я готов полностью простить и забыть.

Он ожидал ответа, наполненного яростным отказом, но она просто продолжала изучать его взглядом.

— Неужели это действительно ты? — спросила она.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду.

Крис тряхнула головой, затем сняла очки и положила их в сумку. Она положила книгу рядом с ней, затем под села к нему. Теперь он смотрел на нее заинтригованно.

— Мама рассказывала, что метка, которую ты получаешь...она может многое изменить. Магия смешивает все в твоей голове, делает тебя преданным, даже если ты совсем этого не ощущаешь. Это произошло и с тобой?

Ее мать рассказала ей такое? Фаррелл нахмурился и посмотрел на руку, где Маркус вырезал первую и вторую метки. Он помнил, как было больно, когда золотой кинжал вонзился ему в кожу, беспокойство от того, сколько его крови пролилось на пол. Затем заглушающая все боль исцеления и как ему стало хорошо после.

Он провел пальцами по коже.

— Не уверен, что я сейчас чувствую на самом деле. Иногда трудно думать логично. Как ты считаешь, это из-за метки?

— Возможно. — она встретилась с его взглядом и ее дыхание участилось. Затем она взяла его за руку.

— А может все должно быть не так, может, ты можешь сражаться против той силы в тебе. Ты мог бы помочь мне, мне и Бэкке.

Она придвинулась еще ближе, так близко теперь, что ее соблазнительный клубничный аромат дурманил сильнее, чем прежде.

— Кристал Хэтчер, ты хоть представляешь, как хорошо ты пахнешь? — он потянулся к ней и провел пальцами по волосам.

Она спокойно, но настороженно смотрела на него, не пытаясь отодвинуться.

— И знаешь ли, насколько ты красива?

— Фаррелл...

— Я не знаю, что делать. Тяга к Маркусу...это связь, которой мы все связаны с ним...она так сильна. Ей так тяжело противостоять. — он придвинулся ближе, ее губы как магнитом притягивали его взгляд.

— Должно быть, так оно и есть.

— Я слышал об одном способе разрушить силу этой метки, но мне потребуется твоя помощь. Ты поможешь мне, Крис?

— Конечно, помогу. — ответила она, затаив дыхание. — Как я могу помочь тебе?

Он придвинулся так близко, что почти мог коснуться своими губами ее губ.

— Чтобы разорвать силу контроля метки мне нужно...провести ночь с одной невероятно доверчивой блондинкой.

Она отпрянула, ее лицо в один миг из полного надежды стало яростным. Затем она быстро и сильно ударила его по щеке.

— Ой! — он рассмеялся и потер щеку, а Крис от села на свое сидение.

— Ненавижу тебя!

— Минуту назад что-то непохоже было. Пойми одно, дорогая моя, даже если эта метка и сделала меня преданным и безропотным слугой Маркуса, — он потрогал левую руку, — то меня это устраивает. Лучше я себя еще не чувствовал никогда в жизни. А теперь, что я чувствую к тебе? Ровным счетом, ничего. Маркус сказал привести тебя к нему, это я и делаю.

— Как преданно. словно тренированный пудель.

Не так давно подобное высказывание оскорбило бы его. Сегодня же он был абсолютно спокоен. Он зажег сигарету, даже не обратив внимания на злобный взгляд, когда выпустил дым в ее направлении.

Его телефон завибрировал, он посмотрел на дисплей и увидел сообщение от Адама.

«Где ты? Хочешь посмотреть фильм сегодня?»

Казалось, брат простил его за то, что случилось в клубе.

«Прости, я на свидании с Фелисити, — ответил он. — Домой приеду через пару часов.»

Сэм привез их к тому же собору, где он встретился с Лукасом в день своей судьбоносной встречи с Маркусом. Казалось, это было тысячу лет назад — тогда он был раздираем сомнениями о самоубийстве старшего брата, о том, что ждет впереди. Так много изменилось за эти дни. Теперь он едва вспоминал о Конноре. Мертвые уходят — и нет причины, чтобы думать о них.

Сэм остановился на обочине и открыл заднюю дверь, отводя глаза, пока Фаррелл и Крис вышли. Шофер знал, что что-то происходит, но был достаточно умен, чтобы не задавать лишних вопросов.

— Сэм, ты можешь отъехать. Я позвоню, когда закончу. — сказал ему Фаррелл.

— Да, сэр. — Сэм задержал взгляд на Крис на какую — то долю секунды, затем сел в машину и уехал.

— Хорошо, теперь пошли. — сказал Фаррелл. — Одно предупреждение: если ты привлечешь к себе внимание, то пожалеешь об этом. Маркус сказал, что завязывать глаза тебе не нужно, но я уверен, кляп его вполне устроит.

— Даже если я охрипну от криков, это вряд ли поможет моей сестре.

— Рад, что мы понимаем друг друга.

Он взял ее за локоть и повел к тыльной стороне собора, к входу в тоннель. Он отодвинул фанеру, и она уставилась в непроглядную тьму.

— Там ступеньки. — предупредил он. — Пошли. Маркус ждет.

Она вытащила очки из сумки и надела их. Молниеносно ее взгляд зацепился за камеру, подаренную Фарреллом. Это же увидел и он.

— Ага, я вижу ты готова сделать пару идеальных снимков. — сказал он.

— Скорее всего, сегодня вечером этого не будет.

— Скорее всего. — согласился он. — Теперь черед ступенек, о которых я говорил. Давай двигаться.

Крис прикусила нижнюю губу, но не протестовала. Она прошла через фанерную планку, поставила ногу и начала спускаться. Он знал, что она ощущает сейчас, как неуверена в следующем шаге, беспокоится, что упадет. Для него теперь все было по — другому. Ему нужна была всего минута, чтобы зрение обострилось, и он видел так же четко, как и днем.

Фаррелл наблюдал, как она нащупывает путь по ступенькам, беспокойство и решительность смешались на ее лице.

— Выше нос, лютик, — подбодрил он. — Это еще не конец мира.

— Да иди ты!

— Может позже. — засмеялся парень.

Они спустились и двигались теперь на едва различимый свет впереди в шагах пятидесяти. Фаррелл не так давно узнал, что все эти тоннели были созданы и содержатся Маркусом, и все они связаны в один подземный лабиринт. По одному из них можно дойти из ресторана в театр или из собора к Маркусу домой, и наоборот, если знать, куда правильно свернуть, также по всему городу было спрятано несколько выходов.

— Тяжело пришлось с ней, Фаррелл? — за углом их поджидал Лукас, прислонившись к стене. Его распухший и в синяках нос украшала повязка.

— Не беспокойся, я могу справиться с ней.

Крис остановилась и уставилась на Лукаса.

— Вы что, шутите надо мной?

— Тебя зовут Крис, верно? — оскалился Лукас. — Мне правда жаль, что произошло тогда. Я просто играл свою роль, помогая другу. И опять же, — он указал на свое лицо, — ты сломала мне нос, так может, тебе следует извиниться?

Она показала ему средний палец.

— Мило. — рассмеялся парень. — Так значит, это и есть печально известная книга, да?

— Она самая. — подтвердил Фаррелл.

— Следуйте за мной. — Лукас повел их к спиральной лестнице и железной двери, покрытой символами. Он открыл дверь, жестом приглашая Крис и Фаррелла войти. — После вас.

Фаррелл никогда не был в театре Маркуса, кроме как на собраниях. Сегодня здание было больше похоже на пещеру — большую и зловещую, чем когда — либо.

Крис резко выдохнула.

— Бэчка!

Фаррелл проследил за ее взглядом: девушка смотрела на сцену. Шторы были раздвинуты, приоткрывая симпатичную блондинку в больничной рубашке и голые ноги на столе, как в сказке. Жаль, рядом не было Очаровательного Принца, чтобы подарить волшебный поцелуй.

Крис шагнула к сцене, но замешкалась, когда из теней появился Маркус и стал возле Бэчки. На нем был костюм, черное на черном. Сопровождал его человек, который первым пропускал Фаррелла и Лукаса в кабинет Маркуса.

— Как видите, мисс Хэтчер, — сказал Маркус, — ваша сестра в полном порядке.

— Вы называете это в порядке? — прорычала Крис. — Папа, как ты мог допустить, чтобы случилось подобное?

«Папа?» Фаррелл и Лукас обменялись удивленными взглядами.

— Ты сама выбрала этот путь, Крис. — ответил ее отец. — Но я очень рад, что ты здесь, ты сделала правильный выбор. Отдай Маркусу Кодекс.

Крис вздернула подбородок.

— Почему бы ему не подойти самому и не забрать?

Фарреллу едва удалось сдержать смех. Если девушке и не хватало здравого смысла, она компенсировала это интуицией.

На губах Маркуса заиграла улыбка. Опасная улыбка. И по этой улыбке Фаррелл однозначно понял, что Кристал Хэтчер приговорена.

Мэддокс

Когда Мэддокс очнулся, то понял, что все еще находится в саду Камиллы, он поднял глаза и увидел каменное колесо. Бэッカ сидела на коленях возле него.

— Закрой глаза. — сказала она, увидев, что он очнулся.

Парень послушался.

— Здесь шесть стражей, — продолжила девушка. — Они думают, что ты еще не пришел в себя, поэтому я предлагаю оставаться в таком положении как можно дольше. Камилла внутри в доме, мертва. — ее голос дрогнул, но она продолжила. — Съенна преданна Валории. От того, что она так предала свою сестру, меня...тошнит. Барнабас связан. Он сидит в двадцати шагах слева от тебя. Как бы я хотела тебе сказать, что у меня есть блестящий план, но...нет. Изо всех сил я пыталась как — то задержать стражей, но очевидно, я не могу сделать и этого. Я совершенно бесполезна.

Он уже начал трясти головой и хотел сказать, что вовсе она не бесполезна, как страж заметил его малейшее движение и рывком поднял на ноги.

— Колдун очнулся. — он придвинулся ближе к Мэддоксу, вглядываясь в лицо. — Предупреждаю тебя, мальчишка. Попытаешься тут колдовать — и я быстро проделаю в твоём бородатом друге новую дырку.

Барнабас сидел на земле, его руки были связаны за спиной. Он внимательно наблюдал за Съенной, иногда так, словно мог убить взглядом.

— Я уничтожу вас, стоит мне лишь подумать об этом. — сказал Мэддокс скрипучим голосом.

— Валяй, попробуй. — страж подождал минуту, затем ухмыльнулся. — Я так и думал. Веди себя хорошо, иначе не досчитаешься зубов.

— Мэддокс, — начала Бэッカ. — Земля...

Он посмотрел вниз и увидел, как по земле стелется иней, подымается вверх и покрывает своим нежным покрывалом зеленую траву и цветы. Но ведь снег укрывал только вершины гор, а не землю!

— Магия воды. — объяснил Барнабас. — Прибыла богиня, красуясь своей силой.

Поверхность земли стала совершенно белой, будто в Митику пришла быстрая зима, заморозившая все цвета природы. На фоне всего этого появилась Валория, в малиновом платье, черные волосы были распущены по плечам.

— Ваша Светлость, — поприветствовала ее Съенна. — Добро пожаловать.

Валория смерила их всех холодным и неприветливым взглядом, каждого по очереди, и, наконец, остановилась на ведьме.

— Хорошая работа. — сказала богиня. — Ты порадовала меня сегодня. Все устроилось так быстро благодаря твоему усердию и преданности.

Съенна кивнула.

— Как я и говорила, моя сестра плела заговоры с мятежниками. Случайно я узнала, что в ее руки попала книга бессмертных. С помощью ворона я отправила сообщение, как только вчера вечером узнала обо всем. Я чрезвычайно рада, что Вы смогли добраться сюда так быстро.

— А твоя сестра?

— Я убила ее. — Съенна кивнула в сторону дома. — Она больше не станет помехой.

— Великолепно.

Мэддокс смотрел на этих прекрасных женщин с открытой ненавистью. Съенна убила добрую и безобидную Камиллу, а Валория убила его отца. Он едва сдерживал пронзавшую тело дрожь. Парень жаждал отмщения за человека, которого не знал, которого это дьявольское создание отобрало у него. Валория двинулась к Барнабасу, смотря на него свысока.

— Приветствую, — начал он. — Мы снова встретились.

— Ты убил мою кобру.

— О, стой-стой. Так это была твоя зверушка? — Барнабас нахмурился. — Я даже не знал. Извинения, приношу свои самые искренние извинения.

Она кивнула воину, и тот сильно ударил Барнабаса в челюсть.

— Ты действительно думал, что я не узнаю тебя в этой ничтожной личине? Теперь, когда на твоём лице меньше грима и от тебя меньше воняет, чем в прошлый раз, я вспомнила, Барнабас. Не так уж много времени прошло.

— Ты, может быть, и вспомнила, но я, боюсь, нет. При моем ремесле я встречаю многих красивых женщин. У нас было свидание? Жаль, что для меня оно не стало памятным.

Еще один кивок- еще один удар. Теперь в уголке его рта появилась кровь.

— Прошли годы. — повторила Валория, словно ее и не перебивали. — Ты стал старше. Отрастил бороду, но под ней лицо осталось таким же. — теперь на ее губах появилась улыбка. — И я знаю, как сильно ты ненавидишь меня.

Все притворное легкомыслие улетучилось, глаза Барнабаса сузились.

— Никогда, даже за миллион лет, ты не поймешь глубину моей ненависти к тебе.

— Но ты помог создать легенду, которая будет жить в веках, Барнабас — ты и моя сестра. Бессмертная колдунья, влюбившаяся в смертного охотника. И как ты думал, это должно было закончиться для вас обоих? А также то, что ты убедил ее прожить жизнь смертной в маленьком домишке, где вы бы растили свое странное отродье? — она рассмеялась. — Твоя любовь сияла, словно солнце, но всегда была обречена потухнуть в темноте. И ты единственный, кого это удивляет.

— Клянусь, ты получишь сполна за все, что сделала с Евой.

— Не я одна отнимала ее жизнь.

— Ты помогла.

— Тебе там не было! И ты не знаешь всей правды.

— Я знаю то, что вижу перед собой. А вижу бессмертную воровку, которая вместо того, чтобы оберегать этот мир, для чего и была создана, украли жизнь и магию.

— Я никогда не соглашалась быть Стражем чего-либо!

— Я уничтожу тебя.

— Учитывая то, где ты сейчас сидишь, а где я стою, искренне сомневаюсь в этом. Нет. Ты сумел скрываться от меня все эти годы. Обещаю, что больше от меня ты не ускользнешь.

— Ты понимаешь хоть что-то? — спросила Бэка. Она не спускала глаз с Мэддокса с тех пор, как он очнулся. Он слушал весь разговор в мертвой тишине, боясь того, что Валория прикажет стражнику пронзить Барнабаса мечом в любой момент. Затем страх сменился замешательством.

Барнабас и колдунья. Ева и была той девушкой, о любви к которой вчера вечером

говорил Барнабас. Той, которую он потерял. И Валория искала ее шестнадцатилетнюю дочь. Дочь Евы и Барнабаса. Загадочную девушку, о которой Барнабас даже ни разу не вспомнил! Но она не была спрятанной наследницей трона. Он проник в темницу, чтобы найти Мэддокса. Потому что нуждался в магии Мэддокса....

В груди сжалось сердце от внезапно пронзившей его мысли, и он понимал, что близок к чему — то невероятно важному. К ответу, который искал больше всего.

Что, если Валории следовало искать не девушку? Что, если это...шестнадцатилетний парень, наделенный необычным даром?

Его взгляд метнулся к Барнабасу. Вор сказал ему, что Валория вырвала сердце из груди отца Мэддокса. Но теперь, обдумывая услышанное, парень вспомнил, что Барнабас ни разу не сказал, что его отец мертв.

— Нет, это неправда, — отрешенно прошептал Мэддокс. — Барнабас, не может быть. Или может?

Барнабас прерывисто вздохнул, в глаза сверкнуло удивление, так как невысказанный вопрос Мэддокса повис в воздухе. Богиня, которая пристально наблюдала за ними, обратила свое внимание теперь на Мэддокса, выглядела она при этом на редкость чопорно — злобной.

— Колдун, — мурлыкнула она. — Как же я недооценила тебя. Барнабас, должно быть, считал себя самым умным, сумев дурачить меня столько лет.

— О чем она говорит? — спросила Бэка, нахмурившись.

Мэддокс не отводил взгляд от богини. Он открыто смотрел ей в глаза.

— Да, конечно же, — сказала она с холодной улыбкой. — Я лучше вижу сходство, когда ты не дрожишь, как перепуганное дитя. Твой отец был не намного старше, чем ты, когда влюбился в мою сестру.

— Восемнадцать, если быть точным. — добавил Барнабас сдержанно. — У нас была небольшая разница в возрасте, признаю, но для нас это не имело никакого значения.

— Даже сейчас он строит из себя дурака, пытаюсь меня отвлечь. — Валория взяла Мэддокса за подбородок. — Все это время я искала девченку. Если бы я только знала маленький секрет твоих родителей...

— Боюсь, я не совсем понимаю, о чем идет речь. — ответил Мэддокс, стараясь говорить ровно. — Мою маму зовут Дамарис Корсо. Мой отец был для нее незнакомцем.

Она потрепала его по щеке.

— Неплохая попытка, но ты не обманешь меня. Не теперь.

— Ладно, Мэддокс, — прошептала Бэка. — Я думаю, я поняла, в чем дело. Сама не верю, что скажу это, но обещаю, что выслушаешь меня. Я знаю, подобная правда будет немного...эм...шокирующей? По меньшей мере. Но посмотри на это с другой стороны... Ты всегда считал свой дар проклятием, так? Ты не знал, откуда он у тебя, почему именно ты им обладаешь. Но теперь все ясно. Твоя мама была чародейкой, то есть доброй колдуньей.

— Принеси мне книгу. — приказала Валория Съенне. — Наконец я готова призвать мой кинжал и наказать вора, укравшего его у меня.

— После того, как ты украли его у Евы, если забыла. — прорычал Барнабас.

— Если ты думаешь, что я буду помогать, то ошибаешься. — сказал Мэддокс Валории. — Я просмотрел книгу, и она ничего для меня не значит. Я не могу использовать ее, чтобы открыть врата. Моя магия не делает этого и затертая старая книжка ничего не изменит.

— Нет, я не предполагала подобного. Во всяком случае не так, как ты используешь ее. — она оглядела его с ног до головы. — Магия, которая знакома мне — магия стихий, то есть магия жизни. Ты обладаешь ее обратной стороной — магией смерти. Как никак, жизнь и смерть идут рядом. Забавно, что бессмертная Ева дала жизнь созданию, наделенному абсолютно противоположными ей силами. Обычно когда женщины моего вида выбирают себе смертных мужчин, то у них рождаются обычные ведьмы, такие как моя верная Съенна или ее мертвая сестра: женщины с маленьким даром магии стихий. Ты — большая редкость.

— Может, оно так и есть, но я все же не могу помогать тебе. — Мэддокс пытался выказывать непочтительность, как это делал Барнабас, но у него плохо получалось.

— Даже если бы мог, — ответила она, — то потерпел бы неудачу. Из всего, что я видела в тебе, понятно, что ты еще слишком молод, слишком нерешителен. Сомневаешься на каждом шагу, ищешь совет или разрешение, прежде чем сделать что-нибудь. Какое расточительство магии!

Где — то в его животе подымалась клубком темнота, он сжал руки в кулаки и вытянул их по бокам.

— Она ошибается. — тряхнула Бэッカ головой. — Ты должен знать это, ведь так?

— Вот, Ваше Сиятельство. — Съенна вынесла книгу из дома и вручила ее Валории.

Богиня взяла ее в руки, испустив длинный и довольный вздох.

— Очень хорошо.

— Кстати, что особенного в кинжале, за которым вы охотитесь? — спросил Мэддокс. Он пытался встретиться взглядом с Барнабасом, но тот, казалось, избегал смотреть на него.

— Когда кинжал в руках бессмертного, то он может буквально врезать преданность, послушание и веру в кожу человека. Эти три качества редки для вашего вида.

— Ты хочешь создать армию рабов. — прошипел Барнабас, — не так ли?

— Возможно, ты станешь моим первым. — ответила она. — Да, я считаю это подходящим наказанием для тебя. Три метки вынудят тебя поклониться мне, боготворить меня. Ты будешь меня любить, наверное так же, как любил мою сестру, даже если магия выжжет твою душу. Очень немногие могут устоять против магии меток.

— Я буду сопротивляться ей.

— Ты сейчас так говоришь. Но я спрошу еще раз, когда ты преклонишь колени перед моим тронem.

Она пролиставала книгу до страницы с изображением каменного колеса.

— Это книга заклинаний. — поняла Бэッカ. — Это...это магия, которой наделены врата и книга — только ее часть.

— Откуда ты знаешь? — прошептал Мэддокс.

— Ну, она довольно толстая для одного жалкого заклинания, ты так не считаешь?

— Это будет самое сложное заклинание, которое я когда — либо произносила. — сказала Валория вслух. — Ева легко могла управлять подобной магией, но нам всем следует быть осторожными. Миры и время могут меняться. Одна ошибка — я могу открыть врата задолго до того, как в этот мир пробрался вор либо же на несколько лет позже, когда он перестал существовать. Я хочу приблизиться к моменту перед его исчезновением.

Стражи Валории стояли молчаливо, как статуи, наблюдая и ожидая приказа. Еще двое находились возле Барнабаса, который стоял на коленях на покрытой морозным одеялом земле.

— Ты — сын Евы. — сказала Валория Мэддоксу. — В твоих венах течет измененная

магия, придавая силу. Она — то мне и нужна, чтобы дополнить эту необычную задачу.

Он качнул головой.

— Но я не знаю как.

Валория протянула руку и схватила его за горло.

— Тебе и не нужно знать, мой милый племянник, — сказала она. — Я сделаю все за тебя.

Холод охватил все его тело, затем тело пронзила боль, будто у него вырывали плоть. Он вдохнул ртом и попытался вырваться, но не смог шевельнуть и пальцем.

— Ш-ш, стой спокойно. — прошипела Валория. — Это долго не продлится.

Его начала бить дрожь, будто богиня лишила его тепла. Когда она наконец отпустила, Мэддокс упал на колени. Рука Валории была покрыта слоем теней, словно она опускала руку в черный мед.

— Я, может быть, и не смогу впитать твою магию, но управлять ею сумею.

В ответ Мэддокс мог лишь смотреть на нее, у него не было сил произнести ни слова. Что-то исчезло из него, оставив огромную бездонную пустоту.

Валория подошла к каменному колесу, правой рукой она держала магию Мэддокса, а левой — книгу. Она положила ладонь на колесо, взглянула на страницу и начала читать вслух. Язык звучал как журчащая мелодия, волшебный шепот, высвободивший искры энергии и силы в воздух после каждого произнесенного загадочного слова.

Украденная магия Мэддокса начала медленно двигаться от Валории и окутывать колесо, кружась и обвивая уголки и закоулки каменной поверхности. Тени продолжали увеличиваться и растягиваться, пока все колесо не стало черным и превратилось во что-то, больше напоминающее кружащуюся черную дыру.

Валория засмеялась.

— Долго это не продлится. Мэддокс, милый мой, возможно, мне стоит наградить тебя за это. В конце концов, ты можешь снова мне понадобиться в будущем.

Внезапно все стражи одновременно испустили тяжкий вздох и осели на землю. Коварная улыбка Валории мгновенно улетучилась.

— Это ты сделал, малыш?

— Нет, ответил Мэддокс, удивленно озиравшийся в поисках причины.

Бэッカ также удивленно рассматривала упавших воинов.

— Тогда каким образом...? — прошептала она и осеклась.

Возле них стояла Съенна, вытянув руки по бокам.

— Простите, Ваше Сиятельство, но этот поход сейчас закончится.

Валория склонила голову.

— Съенна. Это сделала ты? Я поражена. Наверное, ты более сильная, чем я предполагала.

— Не льстите мне. Я сделала это не одна.

— Совершенно верно. — раздался знакомый голос. Мэддокс повернулся и увидел Камиллу, выходящую из дома и направляющуюся к ним. — Я помогла.

Валория приподняла бровь.

— Я думала, эта подлая женщина мертва.

Барнабас рассмеялся, затем сумел перекатиться и разрезать веревки мечом, выпавшим у одного из стражей.

— Представь себе! Обычные ведьмы провели такую могущественную богиню.

Валория застыла на месте, книга выпала из ее рук, трепещущие тонкие страницы оказались прижаты к земле. Полупрозрачные воздушные браслеты обвивали плечи богини, талию, колени, зажав руки по бокам.

— Да, ваши ничтожные силы, соединившись, представляют собой довольно впечатляющую силу магии воздуха.

Барнабас подошел к ней.

— Чтобы прояснить все, скажу, Ваше Сиятельство, это и был наш план в течении долгого времени. Съенна отдала два года своей жизни, чтобы заслужить твое благоволение и доверие. Но, как ты и говорила, без своего магического кинжала ты не можешь быть уверена в чьей — либо преданности, не так ли?

Богиня поджала губы.

— И что вы собираетесь сделать со мной?

— В этом и заключается вся прелесть, Валория. Без твоей решимости открыть эти врата с помощью магии Мэддокса, мы бы ничего не смогли сделать. Ты сама дала нам способ избавить Митику и всех нас от тебя раз и навсегда. С этого момента ты будешь изгнана. И никогда не найдешь способ вернуться обратно. Теперь ты свободна, у тебя есть целая вечность для поиска преславутого вора и кинжала, который ты так отчаянно желаешь иметь.

Она покачала головой.

— Барнабас, ты не сможешь это сделать. Ты не можешь просто затолкнуть меня в эти врата и надеяться, что я исчезну!

Он снова рассмеялся.

— О, я верю, что смогу!

Он схватил ее за плечи и впери свой дикий победный взгляд на нее. Затем, оттолкнувшись ногами, чтобы придать больше силы, он толкнул ее назад. Она не сдвинулась ни на дюйм. Улыбка медленно растянулась по губам Валории.

— Ты не слышал меня? Я сказала, ты не сможешь!

При этом земля под ногами Барнабаса быстро превратилась в грязь и болото, в которое он провалился по пояс. Он пытался выбраться, но его затянуло слишком глубоко. Он продолжал погружаться, теперь уже медленно. Чем больше он сопротивлялся, тем быстрее заколдованная грязь втягивала его. Валория осмотрела магические браслеты, опоясывающие ее.

— Эти тонкие цепи впечатляют, но давайте не будем глупыми.

Сильно дернув запястьями, она выкрикнула какое — то заклинание и воздушные цепи разлетелись, как пыль, и отлетели обратно к сестрам.

— Ненавижу делать одно и тот же два раза в день, но вы обе заслуживаете чудесной, медленной смерти.

Земля под ними размякла и они погрузились в такие же болотные круги, что и Барнабас. Оказалось, что блестящий план Барнабаса (тайна для Мэддокса) провалился. Весьма зрелищно.

— Что бы ты ни подумывал сделать, — сказала Бэка напряженно, — думай быстрее.

Она действительно полагала, что у него есть план, который спасет их всех. Более ошибочно она и подумать не могла!

«Но я должен что-то сделать, — подумал он отчаянно. — Что-нибудь. Но что?»

Богиня могла быть разной: тщеславной, жадной, импульсивной, но только не глупой. Возможно ли было урезонить ее? Когда Валория подошла к облаченным в тени вратам, он

выступил перед ней.

— Подождите. Мы можем заключить сделку. — предложил он, стараясь, чтобы его голос звучал как можно спокойнее, учитывая сложившуюся ситуацию, ставившую под угрозу жизни дорогих ему людей. — Пощадите Барнабаса и ведьм, и я буду служить вам.

— О, бедный мальчик! Да, ты будешь служить мне, — согласилась она. — Это не обсуждается. Но они сами выбрали смерть, став на моем пути.

И она оттолкнула его с дороги. Он потерял равновесие и когда падал на ледяную поверхность, серебряное кольцо с темным лесным духом, о котором он забыл, выпало из кармана. Медленно и ровно оно покатилося к воротам, затем коснулось круживших теней.

С жутким, леденящим кровь, криком призрак вырвался наружу как тоненькая струйка черноты и принял форму более плотного и большего существа, чем вызывал Мэддокс. Магия, окружавшая врата, подействовала на него, изменяя, делая сильнее. Тень повернулась к Бэкке, пятившейся назад.

— Бэッカ, беги! — закричал Мэддокс.

— Бэッカ? Кто такая Бэッカ? — спросила Валория.

Барнабас, Съенна и Камилла были уже по плечи в земле.

— О, это еще одно имя, которым он любит меня называть, — выкрикнул Барнабас. — Мило, правда? Прости, мой юный друг, но на данный момент бежать я не в состоянии. Я тут скоро утону.

Мэддокс уже был готов сдаться, так его захлестывало отчаяние, но удивленный смешок Валории снова привлек его внимание.

— Как печально, — сказала она. — Если бы ты обладал магией, способной помочь живым, племянничек.

Всю свою жизнь Мэддоксу указывали, что делать и как себя вести. Его научили только бояться. Он уклончиво реагировал на испытания, справляясь с различными трудностями на пути, но никогда не отставивал что-либо. Никогда не защищал себя. Когда — то он предпринял несколько попыток, но Ливиус так избил его, что Мэддокс утратил всякую уверенность в себе, а затем потешался над ним, отчего парень чувствовал себя униженным. Ливиуса никогда не пугала магия Мэддокса, потому что Мэддокс никогда не показывал, на что он в действительности способен.

— Вы правы. — ответил он. — Моя магия не может помочь живым. Но она может убивать живое.

Собрав всю свою уверенность в кулак, он призвал оставшуюся в нем магию смерти и полностью направил ее на богиню, показывая, что на самом деле означает быть некромансером.

Валория выдохнула, хватаясь за горло.

— Что...что это? — ее лицо побледнело, зеленые глаза сияли как изумруды. — Отпусти... меня!

Он покачал головой, медленно и непреклонно. Его наполнило спокойствие, странное ощущение безмятежности, ясности, пока магия исходила из него.

— Я не хочу делать этого. Я — не убийца. Но Вы не оставляете мне выбора. Моя магия — магия смерти. Я не хочу убивать, но могу и сделаю, если не будет другого выхода.

Ее глаза изумленно расширились. Он понял, что богиня поверила его словам. Валория приложила руку к смерти его настоящей матери. И Мэддокс с твердой уверенностью осознавал, что с ней он мог бы также поступить. Едва лишь парень высвободил оставшуюся

темноту внутри него и подумал полностью перекрыть ей воздух, она превратилась в воду. Водяная форма выплеснулась на землю, освобождаясь от его хватки, прежде чем темнота превратилась в поглощающую воронку, и исчезла в небе.

— Мэддокс! — закричала Бэка.

Он порывисто обернулся. Бэка сумела увернуться и отлететь от чудовищного громадного призрака, пока он возился с Валорией, но все же темный дух загнал ее и она оказалась на волоске от его хватки.

Мэддокс начал обыскивать землю в поисках кольца, но его нигде не было видно.

— Проклятие! Мне нужно что-нибудь серебряное. — прорычал он. — Немедленно.

На земле возле ритмично вращающихся тенистых врат лежала книга. Он подбежал к ней и, взглянув на бронзового ястреба на обложке, схватил ее и выставил перед собой, как щит.

— Дух! Я призываю тебя к себе! — прорычал он снова. — Уйди от нее сейчас же!

Изменившийся дух застыл на месте. Испустив леденящий душу оглушительный крик, он подлетел к Мэддоксу черной лентой и влетел в обложку, исчезая в бронзовом ястребе.

— Значит, это работает не только с серебром. — пробормотал Мэддокс про себя. — Приятно это знать.

«Что теперь? Лучше быть в безопасности, чем сожалеть.» — подумал он и швырнул тяжелую книгу прямо во врата. Когда она попала туда, тени закружили быстрее, становясь меньше и меньше, пока не осталась лишь магия, украденная у Мэддокса, и этот кружащий маленький смерч подлетел к нему, как послушный щенок.

Мэддокс подбежал к Барнабасу и вытащил его из грязи, пока тот не утонул совсем. Вместе с Барнабасом, измазанным по шею в грязи, они помогли выбраться Камилле и Сьенне. Сестры обнялись, плача от радости.

— Мэддокс, — начал запыхавшийся Барнабас — нам нужно поговорить.

— Согласен. Но подожди пока. — Мэддокс повернулся. — Бэка, подойди сюда.

В мгновение она оказалась рядом с ним, ее лицо пылало от пережитого ужаса и облегчения.

— Это было невероятно! — выдохнула она. — Я так горжусь тобой!

— Спасибо. — ответил Мэддокс. — Спасибо, что ты так веришь в меня.

Ее улыбка была такой ослепительной, что ему стало больно.

— Всегда пожалуйста.

— Бэка, у меня для тебе подарок.

Она приподняла брови.

— Правда? И что же это?

Он вытянул вперед руку. Водоворот теней, как маленькое грозное облако, кружился у него на ладони. Взгляд Бэки метнулся к нему.

— Но врата закрылись. Я видела своими глазами.

Он качнул головой.

— Эти врата были не для тебя. Я полагаю, этой магии достаточно, чтобы отправить тебя домой, но долго удержать ее я не смогу.

Голубые глаза наполнились болью.

— Как бы я хотела провести больше времени с тобой.

— Я тоже.

«Но я должна уйти!»

По щеке скатилась мерцающая слеза.

— Я буду очень сильно по тебе скучать. Я никогда тебя не забуду, Мэддокс, никогда.

Его горло настолько перехватило, что стало больно говорить.

— Бэкса, поспеши. Я не смогу долго держать.

Она кивнула и положила свою руку на его. Мэддокс взглянул на нее изумленно. Он чувствовал ее, теплую и живую! Из плоти и крови.

— Что это? — спросила девушка затаив дыхание, видимо, она ощутила то же самое.

Улыбка коснулась уголка его губ.

— Магия.

Свободной рукой он коснулся ее шеи, под шелковой косой, и прижался губами к ее губам, отдавая ей свое дыхание. Пробуя на вкус ее губы, слаще, чем он предполагал.

И внезапно, так быстро, как и материализовалась, она исчезла. Его руки были пусты, и он распахнул глаза. В глазах предательски щипало.

— Она ушла. — прошептал он сдавленно.

Барнабас утешающее похлопал его по плечу.

— Мне жаль.

— Она...она должна была уйти. — он попытался согласиться, напоминая себе, что это единственная правда для них обоих. — Здесь не ее дом.

— Но от этого не легче.

«Нет, определенно, нет.» — подумал он, ощущая тяжесть сердца в груди.

— Чтобы ты знал, — сказал Барнабас после продолжительной паузы, — я очень любил твою мать. Я любил всем сердцем и душой. Я сделал бы что угодно для ее спасения. И когда я ее потерял, моей главной задачей стало уберечь тебя. Разум твердил, что тебя нужно спрятать, поэтому я нашел такое место, где, как я думал, о тебе хорошо позаботятся, и ты вырастешь счастливым. Мне очень жаль, что все так обернулось.

— Жаль? О чем ты жалеешь? О том, что хотел, чтобы я был в безопасности и счастлив? — Мэддокс потряс головой. — Не извиняйся за это.

— Но все пошло не так, как я хотел. И я пойму, если ты больше никогда не захочешь меня видеть.

— Возможно, это стало бы самым разумным решением в моей жизни. Моя жизнь разлетелась вдребезги после встречи с тобой.

— Да. — кивнул Барнабас спокойно. — Я понимаю.

Мэддокс тоже понимал, что сейчас ему необходимо что-то важное, чем можно занять мысли, чтобы не сходить с ума от потери любимой девушки. Девушки, которую он больше никогда не увидит.

«Нет, — подумал он яростно. — Клянусь, однажды я найду тебя, Бэкса Хэтчер. Я верю в счастливый конец, как и ты.»

— Знаешь, Барнабас, — сказал он, когда снова обрел силы говорить, — мы все еще не нашли дочь короля Тадеуса. У меня внезапно проснулось огромное желание отправиться на ее поиски, мы посадим ее на законный трон и победим наконец Валорию, на этот раз навсегда.

— Мы?

— Да, мы. — Мэддокс сумел даже улыбнуться, хотя сердце ныло и болело. Бэкса помогла ему поверить в себя, в свою магию, так что он просто должен начать делать что-то хорошее с помощью своей силы. — Ну, что скажешь?

— Обычно, чтобы создать проблемы и хаос, мне не требуется компаньон, — отозвался

Барнабас. Затем широко улыбнулся — Но я счастлив сделать исключение в этот раз.

Кристал

Фотограф может многое рассказать о человеке по его улыбке. У Фаррелла Грейсона в арсенале имелось несколько разных улыбок. Самоуверенная ухмылка; холодный, жестокий изгиб губ и чарующая кривая, которая пробралась в ее сердце, пока он счастливо не растоптал его.

Однако у Маркуса была всего одна улыбка и на первый взгляд она казалась искренней. Он улыбнулся ей, стоя возле отца и сестры в коме.

— Кодекс, мисс Хэтчер, будьте так любезны.

Фаррелл взял ее за руку и грубо поволок к сцене. Она отпрянула от него, как только он ослабил хватку.

— Не надо сопротивляться. Я просто помогаю тебе подойти.

Лукас остался внизу, скрестив руки на груди и наблюдая за ней, как хищник за жертвой.

— Мисс Хэтчер. — начал снова Маркус, когда она повернулась посмотреть на Бэкку, ожидая, что у сестры появятся какие-нибудь увечья. Но Бэкка осталась такой же, какой была в больнице: бледной, худой и хрупкой.

— Ладно. — сказала она сквозь зубы. — Возьмите.

Девушка протянула книгу, отказываясь сделать еще хоть шаг навстречу к нему. Он подошел ближе, наблюдая за ней с любопытством, будто она могла попытаться пошутить над ним, затем осторожно взял книгу. Маркус провел пальцами по бронзовому ястребу.

— Когда — то она принадлежала другой бессмертной, которая изгнала меня за то, что пошел против нее в битве с нашим видом. И как только я услышал о существовании этой книги, я понял, что кто-то прислал ее мне в помощь. Если бы они знали, как долго мне пришлось ждать, чтобы наконец взять ее в руки.

Казалось, он больше говорил сам с собой, чем с Крис и преданными подчиненными.

— Что она может делать? — спросила Крис. Девушка не могла сдержаться, она должна была знать.

— Ты же встречалась с д-ром Вегей. — ответил он тихим, еле слышным, голосом. — Как он думает, что она может?

Упоминание о д-ре Веге заставило ее напрячься. Ей не хотелось привлекать внимание к его побоям, но от воспоминания о том, в каком состоянии он находится в больнице, в ней вспыхнуло раздражение.

— Наверняка он ничегошеньки не знает, уверяю вас. Сплошные догадки и теории.

— Насколько он близок к переводу? Кажется, его отец называл этот язык Обсидиа?

Неужели он не задал тот же вопрос д-ру Веге во время издевательств над ним?

— Нет. — солгала она. — Он пришел в тупик. — Но он упоминал что-то о магии каких-то врат между мирами, то есть он полагает, что именно так книга оказалась в нашем мире. Поэтому вы хотели заполучить ее? Чтобы вы могли вернуться домой?

— Возможно, однажды, но не в ближайшее время. Здесь еще много предстоит сделать. И теперь, когда в моих руках Кодекс, который поможет мне, я чувствую духовную обязанность завершить начатую работу. В мире так много зла, мисс Хэтчер, и мое предназначение сделать все, что в моих силах, чтобы победить его.

«Он и вправду думает, что он — герой.» — подумала она.

И не была уверена, печалиться ей или прийти в ужас.

Крис прикусила губу и огромным усилием воли сдержалась, чтобы не взорваться.

— Я принесла вам книгу, как вы и просили. Позвольте Бэкке вернуться в больницу.

— Маркус обещал исцелить Бэкку и вывести ее из комы, если ты сделаешь то, о чем тебя просят. — сказал отец. — И ей не нужно будет сегодня возвращаться в больницу.

Взгляд Крис метнулся к бессмертному.

— Это правда? Вы действительно можете это сделать?

Маркус кивнул, но его внимание было приковано не к Крис, а к ее сестре, лежащей без сознания.

— Д-р Вега утверждает, что ее нынешнее состояние вызвано контактом с этой книгой, но я не уверена, почему так. Это загадка, которую я хотел бы разрешить.

Маркус взглянул внимательней в лицо Бэкки.

— Она привлекательная, Дэниел.

— Да, — согласился Дэниел.

— Раньше мне никогда не предоставлялось удовольствие увидеть твою младшую дочь.

Вы удочерили ребенка, который идеально подходит вашей семье.

Крис затаила дыхание. Маркус знал об удочерении Бэкки. Конечно же, он знал. Отец все ему рассказывал. Рядом с собой Крис ощущала присутствие Фаррелла. Она искоса посмотрела на него, мысленно проклиная. Ей не нужно отвлекаться. Вместо этого она сконцентрировалась на Маркусе, вспоминая, что мама рассказывала о том, что он слабеет и с годами его магия слабеет вместе с ним. Сейчас он был уязвим.

— Вы уверены, что вылечите ее? — спокойно спросила она. — Вы и вправду настолько сильны, чтобы излечить что-то более серьезное, чем порез пальца бумагой?

— Крис! — прервал ее отец.

Она проигнорировала строгий тон также легко, как наставления учителей.

Маркус внимательно смотрел на нее, будто она была глупой, и вдруг сказала что-то интересное.

— Вы сомневаетесь в силе моей магии?

Девушка решила, что будет разумней поиграть с его самомнением.

— В этом мире не существует настоящей магии, насколько я знаю. Очевидно, в вашем все наоборот. Каково это, для такого как вы, умереть в подобном месте? Может, ваша магия действительно слабеет, значит, вы больше не сможете разыгрывать здесь героя так, как вы хотите. И книга станет решением подобной проблемы, не так ли?

Его простая улыбка исчезла и он впил в Крис острый взгляд.

— Я сотворен из магии, мисс Хэтчер.

— Что ж...если кто-то, сотворенный из магии начинает ее терять... — начала она, — значит ли это, что вы умираете и надеетесь, что книга спасет вас?

Глаза Маркуса расширились и что-то весьма неприятное мелькнуло в них, заставляя Крис пожалеть о сказанном. Она дразнила тигра с острыми когтями и клыками.

Внезапно Бэкка вздохнула. С судорожным толчком ее спина изогнулась, будто у нее был эпилептический приступ. Крис схватила ее за руку, веки сестры задрожали и она открыла глаза.

— Бэкка! Ты очнулась! — Крис крепко обняла сестру.

— Ты исцелил ее? — тихо спросил Дэнеэл Маркуса.

— Нет, это не я. Подержи пока. — он протянул Кодекс Дэниелу и подошел ближе к столу, внимательно рассматривая Бэкку.

— Что происходит? — пробормотала Бэка сдавленным голосом. — Где я?

Это был прекрасный вопрос. Куда привел их тоннель? Крис знала только, что это должен быть театр где — то в городе, но она не узнала место.

— Ш-ш. Не волнуйся. — сказала Крис. — Самое главное — ты наконец очнулась. Можешь встать?

— Я думаю, да.

Крис помогла Бэкке сесть и поддержала ее, пока девушка становилась на подгибающиеся ноги. Бэка встала и осмотрелась по сторонам, заметив собравшуюся группу людей, внимательно наблюдавших за ней.

— Э-м, ладно. Все это странно. — она нахмурилась. — Папа? А что ты здесь делаешь? Дэниел приветственно кивнул в ответ.

— Привет, Бэка. Рад, что тебе уже лучше.

Ее взгляд остановился на Кодексе, и лицо застыло от шока.

— Эта книга...

Крис сжала ее руку.

— Все хорошо. Мы уходим. Мы можем поговорить обо всем позже дома.

Сжав запястье Бэки, Крис повела ее к ступенькам. Фаррелл стоял у них на пути.

— Уйди с дороги! — рыкнула Крис.

— И не собираюсь.

— Боюсь, вы не можете уйти, мисс Хэтчер. — сказал Маркус.

Произошло то, чего она боялась больше всего на свете. По глупости своей она предполагала, что сможет уйти так легко.

— Пап, и ты просто будешь стоять и смотреть, как он убивает нас?

— Убить вас? — воскликнул Маркус. — Зачем мне делать подобное? Особенно после того, как вы принесли мне Кодекс! Да, ты солгала мне, но сейчас это простительно.

«Точно.» На короткий момент Крис забыла, что Маркус считал себя супергероем собственной сказки, спасающим мир, а заодно и по одному подростку за раз.

— Что вы предлагаете? — спросил Дэниел.

— Твоя старшая дочь просила присоединиться к нашей миссии, поэтому я хотел бы выполнить ее пожелание, пригласив в наше сообщество. Ее и сестру.

Маркус жестом сделал знак Лукасу и Фарреллу.

— Мы вместе возвращаемся в мой дом. Им понадобится удобное место, чтобы прийти в себя.

— От чего я буду приходить в себя? — спросила Крис настороженно. Поэтому ей не завязывали глаза? Потому что Маркус заранее решил, как все закончится?

— Ты узнала слишком много за такой короткий срок. Даже у моих самых многообещающих последователей уходит несколько лет, чтобы узнать столько, сколько ты знаешь сейчас. Мне придется нанести тебе все три метки сегодня, которые, я боюсь, тебе будет чрезвычайно трудно принять. Но это неизбежно. И если ты будешь сопротивляться, время выздоровления затянется.

— О чем он, черт возьми, говорит? — спросила Бэка.

— Ни о чем. — ответила Крис, хотя понимала, что это не так. Плохо иметь одну метку, а все три просто превратят ее в послушную марионетку Маркуса.

— Ты возражаешь против моего решения? — спросил Маркус Дэниела.

— Нет. — отозвался тот. — Так и должно быть сделано.

Сердце Крис сжалось от такого беспрекословного согласия. И до сих пор не было вестей от мамы или Джеки. Ей и Бэкке придется самим найти выход из сложившегося положения.

«Черт побери, какой же был первый урок по самозащите?» Почему она не может вспомнить? Возможно, это последний шанс для попытки сбежать.

— Пошли, не беспокойся по пустякам. — Фаррелл взял Крис за руку, но она оттолкнула его. Он одарил ее неприятной улыбкой.

— По всей видимости, скоро мы будем часто видеться. Может, после всего, у нас завяжется сумасшедший роман.

Она сцепила зубы.

«Пах и глаза.» Это все, что она смогла вспомнить, но это должно будет сработать.

Отец Крис положил Кодекс себе под мышку и, достав вибрирующий мобильный телефон, посмотрел на дисплей. Нахмурившись, он ответил.

— Кто это? — спросил Маркус.

Дэниел посмотрел на него.

— Джеки Кэндалл. Она сказала, что хочет поговорить с вами.

Крис посмотрела пристально на Маркуса, желая увидеть его реакцию. Но его лица ничего не выражало. Все эмоции застыли, словно на нем кто-то нажал кнопку «стоп». Почему Джеки звонит Маркусу? Наконец Маркус протянул руку и взял телефон. Он махнул рукой Фарреллу.

— Оставьте меня. Все. Немедленно.

— Пошли. — сказал Фаррелл. Он до боли сжимал руку Крис и она едва не уронила сумку, когда он уводил ее со сцены. Лукас держал Бэкку за руку и вел к входу в тоннель. Они взобрались по витой лестнице, затем побрели по тоннелю в противоположном направлении тому, откуда пришли.

— Жду, что ты снова обратишься к мягкой стороне моей натуры. — сказал Фаррелл через несколько минут. — Можешь даже сфотографировать.

— Пустая трата времени, как по мне. — отозвалась девушка.

— Очень плохо, что ты не видишь выгоды от предложения Маркуса. Это все бы упростило.

— Вот моя цель, Фаррелл. Сделать жизнь проще. — она решила проигнорировать его и обратилась к сестре. — Как ты себя чувствуешь, Бэкка?

— Бывало и лучше. — призналась сестра.

На этом участке туннельного лабиринта их путь освещали всего несколько флюорисцентных ламп в потолке, прежде чем они погрузились в чернильную тьму. Может, здесь мало кто ходит?

Крис внимательно смотрела по сторонам, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть, какой —нибудь знак, который поможет выпутаться из всего и сбежать с Бэчкой. «Бежать». Какое волшебное слово!

— Эй, Бэкка, помнишь прошлое лето, когда тетя Джеки давала нам несколько уроков? — прошептала Крис.

— Ага.

— Помнишь урок номер один?

— Конечно. Ты нет?

— Я знаю пару уроков, которым могу научить тебя, Бэкса. — сказал Лукас. — Только дай мне знать, когда и где.

Намек в его плотоядном тоне был ясен.

— Ей всего пятнадцать, ты, подонок.

Ответом ей послужил сухой смех в темноте.

Крис снова толкнула Бэкса, напоминая о вопросе самозащиты.

— Ну? Мой мозг не компьютер, как твой. — сказал Крис.

— Она называла это правилом «У»

«У?» Крис напрягала память несколько шагов. Затем вспомнила. Она даже тихо рассмеялась, но вышло как кашель.

— И как я могла забыть об этом?

Бэкса быстро взглянула на нее и кивнула головой.

— Приготовься. — твердо сказала ей Крис.

— Прекратите болтать. — оборвал их Фаррелл.

Лукас и Фаррелл шли быстро и уверенно, в то время как девушки натыкались одна на одну в темноте.

— Когда вы получите метки, то сможете видеть так же хорошо, как и мы. — сказал Фаррелл. — И тебе больше не придется носить уродливые очки.

— Они не уродливые!

— Еще какие! Супер уродливые.

— Тебе не понравилась и моя старая камера, так что у тебя ужасный вкус.

— Твоя новая камера мне нравится намного больше.

— Точно. — она полезла в сумку, зная, что он видит ее действия в темноте благодаря улучшенному зрению. — Что ж, должна признать кое — что..

— Что же?

— Замечательно наконец иметь вспышку.

Она поднесла аппарат к его лицу и нажала на кнопку, вызвав вспышку яркого света, бросившуюся ему в глаза. Фаррелл закрыл их рукой и вскрикнул от боли. Лукас хотел было схватить ее за руку, но прежде чем он дотянулся до нее, она ослепила и его сверхчувствительные глаза. И пока они оба пытались оправиться от неожиданного ослепляющего света, Крис схватила Бэкса за руку.

— Бежим!

Первый урок Джеки не был каким — то особенным приемом карате или ударом с разворота, то есть физическим ответом на угрозу. Все было намного проще. «Когда сомневаетесь, применяйте правило «У»: убегайте побыстрее.» Прямо как сейчас.

Они бежали по тоннелю, пока наконец впереди не показался свет, освещая каждый поворот. Влево, вправо, влево....

— Я понятия не имею, как выбраться отсюда! — выкрикнула Крис. — Ищи дверь или что-то вроде этого.

— Здесь ничего нет. Ничего!

Они забежали за следующий угол и резко остановились. Напротив них стоял парнишка, возраста Бэкси, держа фонарь в руках. Он помахал им рукой.

— Девушки, следуйте за мной.

Крис замешкалась

— Кто ты?

— Нет времени объяснять. Поспешите, ладно?

Он повернулся и побежал по тоннелю.

— Мне подходит. — сказала Бэка, дергая Крис за руку. — Давай!

Они последовали за парнишкой, петляющим по тоннелям, словно по родному дому. Наконец они подошли к лифту. Он нажал на кнопку, вызывая его.

— Он ведет в ресторан. — объяснил парень.

— Почему ты делаешь это? — потребовала ответа Крис. — Почему помогаешь нам?

Прежде чем он успел что-либо ответить, Фаррелл и Лукас вышли из-за угла и медленно подойдя, остановились.

— Вот вы где. — ухмыльнулся Фаррелл. — Хорошая уловка с камерой, кстати. Я даже не ожидал... — он остановился и ухмылка сменилась озабоченностью.

— Адам? Что, черт побери, ты здесь делаешь?

Крис оглянулась на парнишку. Адам? Конечно. Теперь она узнала его по той самой фотографии из журнала. Перед ними стоял Адам Грейсон, младший брат Фаррелла.

Адам нервно глянул на дверь лифта и, развернувшись, посмотрел прямо на брата, выпрямив плечи.

— Это неправильно, Фаррелл. Знаю, ты этого не видишь, у тебя все помутнилось в голове, но это так.

— Тебе необходимо убраться отсюда. — голос Фаррелла тихим, а тон — угрожающим. — Это не твое дело.

— Это мое дело. — подчеркнул Адам.

— Парень создает проблемы. — сказал Лукас, скрестив руки на груди. — Нехорошо, Фаррелл. Контролируй своего брата.

— Пытаюсь.

— Пытайся лучше. А что касается тебя... — Лукас посмотрел на Крис. — Тебе нужно научиться знать свое место.

— Да ты что! — она рассмеялась ему в лицо от такого пафосного изречения. — Ты подойди поближе и скажи еще раз.

— Крис... — прошипела Бэка.

Но Лукас уже был близко. Крис схватила его за рубашку и подняла колено, пытаясь ударить его, но он вывернулся.

— Хорошая попытка. — в мгновение ока он схватил ее за лицо и прижал спиной к стене. — Думаешь, ты такая крутая? Но ты всего лишь слабая, ничтожная девченка. Хочешь, я прямо сейчас дам тебе урок?

Прежде чем она успела ответить, он так сильно ударил ее, что зазвенело в ушах.

— Хватит! — крикнул Фаррелл. — Отведем их к Маркусу. Адам, с тобой я разберусь позже.

— Я еще не закончил. — отозвался Лукас. — Думаю хорошо поблагодарить твою девушку за разбитый нос.

И он снова ударил Крис, на этот раз сила удара была такова, что головой она ударилась о твердую стену. Очки разбились. Боль пронизала все ее тело и кровь тоненькой струйкой потекла вдоль виска, когда она осела на землю. Лукас пнул ее ногой в живот и она вскрикнула от боли.

— Прекрати! — Бэка попыталась схватить его за руку и оттащить, но он оттолкнул ее без малейших усилий.

— Я тебе сказал довольно! — встал Фаррелл на пути парня.

Крис смотрела на мир сквозь пелену боли. Разбитые очки валялись рядом с ней, левая половина разлетелась на куски.

— Лукас, что, черт побери, ты творишь? — Дэниел Хэтчер подошел к ним. Он все еще держал Бронзовый Кодекс под мышкой.

— Твоя дочь не умеет себя вести. — объяснил Лукас. — Я преподаю ей урок.

Дэниел посмотрел на лежащую на полу дочь.

— С ней всегда было немного трудновато. Она неисправимо упряма и всегда спорит.

— Да, конечно.

— Подержи это, пожалуйста. — он передал Кодекс раздраженному Фарреллу. — Лукас, есть важная вещь, о которой я предупреждаю. Слушаешь меня?

— Да.

— Знаешь, что будет, если кто-то навредит моей дочери? Я убью его.

Он схватил Лукаса за шею двумя руками и дернул. Звук ломающихся позвонков отозвался эхом среди стен. Лукас упал на землю рядом с Крис, открытые глаза были застывшими и холодными.

Фаррелл сделал шаг назад.

— Черт побери, что ты делаешь?

— Отличный вопрос. — ответил отец. Он повернул золотое кольцо на указательном пальце, открывая короткую иглу, и хлопнул ладонью по шее Фаррелла. Тот изумленно уставился на него, затем опустился на колени, падая на бок без сознания.

Двери лифта открылись.

— Заходите в лифт. Адам, выведи их отсюда.

Дэниел подошел к дочери и помог ей подняться.

— Как сильно он ударил тебя?

— Переживу. — простонала она. — Что происходит, пап?

— Те, кто входят во внутренний круг Маркуса близко следят за всеми членами общества, которые и не подозревают об этом. Адам, когда я увидел, что твоя метка не влияет на тебя надлежащим образом, что у тебя все еще есть сомнения по поводу Маркуса и Хокспизэ, я понял, с тобой происходит то же самое, что и с Джулией. Девочки, на вашу маму метки тоже влияли не полностью. И те, у кого сопротивляемость магии Маркуса в крови приходят в ужас от увиденного здесь. Этот факт понемногу заставил меня начать сомневаться в действительности моей верности этому человеку. И его миссии. То, что я чувствую, что я думаю, во что я верю...все фальшиво. Меня поглотила его магия. Теперь я уверен в этом больше, чем когда — либо.

Надежда затеплилась в душе Крис.

— Значит, ты сможешь освободиться от него, если снова рассуждаешь логично?

— Нет. Мои мысли все еще неясны и ненадежны. Боюсь, метки продолжают и в дальнейшем сильно действовать на меня, как и положено. Я выбрал это общество, Крис, потому что то, что сделал Маркус со мной, сделало меня его соучастником. Но то, что я увидел за эту неделю...после того, как ты ввязалась во все это...словно я как — то очнулся от долгого — долгого сна. Я не мог позволить ему навредить тебе или Бэкке. — он мягко взял Бэкку за руку. — И я не позволю вам следовать за мной на этом пути тьмы. Уходите, пока у вас есть возможность. И заберите это. — он поднял Кодекс с пола и протянул Крис. — Если Маркус и вправду умрет без нее, пусть умирает.

Крис цеплялась за его руку, пока он помогал ей зайти в лифт.

— Пойдем с нами.

Он качнул головой.

— Не могу. Я сделал свой выбор. — он погладил ее по щеке, затем потянулся и сделал то же самое Бэкке. — Я люблю вас, люблю обеих. Пожалуйста, не забывайте этого.

И двери лифта закрылись.

Фаррелл

Когда Фаррелл пришел в себя, Дэниел Хэтчер все еще стоял возле мертвого тела Лукаса. У него промелькнула мысль, что он ждет, чтобы убить и его.

— Пошли встретимся с Маркусом. — сказал вместо этого Дэниел. — Я скажу ему, что во всем виноват Лукас: побег, украденная книга. Все.

— Почему я буду врать в твою защиту?

— Потому что ты вряд ли захочешь, чтобы упоминалось имя твоего брата.

«Дьявол, что здесь Адам делал?» — подумал Фаррелл. И поднялся с земли.

— Ладно. Говорить будешь ты.

— Хорошо.

Так Дэниел и Фаррелл предстали перед Маркусом, сидевшим за столом в библиотеке. Бессмертный очень внимательно слушал версию Дэниела.

— Мы вернем Кодекс обратно. — закончил Дэниел. — Клянусь.

По лицу Маркуса невозможно было что-нибудь прочесть, но получить книгу, самый желанный предмет, а затем потерять ее за такое короткое время... Фаррелл знал, Кинг точно в ярости.

— Я никогда бы не предположил, что мистер Баррингтон предаст нас сегодня. — внушительно произнес Маркус. — Но я однозначно согласен, что его смерть заслужена.

Фаррелл сконцентрировался на холодном спокойствии меток Маркуса, чтобы удержаться от комментариев о том, что произошло в действительности. Он держал фокус на дыхании, медленном и ровном, уме, чистом и спокойном. Если Маркус спросит его прямо, что произошло, он расскажет правду. И будет умолять простить брата и надеяться на снисходительность Маркуса.

— Меня, Дэниел, все еще беспокоят две вещи. — Маркус положил локти на стол и сцепил пальцы вместе.

— Какие?

— Зачем Лукасу помогать двум девушкам, которых он даже не знает? В чем мотив? И даже если мистер Баррингтон в каком — то порыве нерационального сочувствия помог двум твоим дочерям сбежать чисто из доброты душевной и по собственной инициативе, почему же он позволил им исчезнуть с книгой, которая, как ему хорошо известно, мне необходима?

— Не знаю, что нашло на Лукаса. — ответил Дэниел. — И я не особенно расспрашивал, прежде чем свернуть ему шею.

Маркус кивнул.

— Возможно, я не точно сформулировал вопрос. Ты, в отличие от мистера Грейсона, знаешь наверняка, что у меток есть один весьма полезный нюанс. Когда бы я ни задал вопрос тому, кто имеет две и более метки, то всегда получу полный и правдивый ответ.

В груди Фаррелла что-то сжалось.

— Так что давайте попробуем еще раз, ладно? Есть ли твой вклад в побеге Кристалл и Ребэки?

Челюсть Дэниела напряглась, будто он боролся с рвавшимся с губ ответом.

— Да. — проворчал он наконец.

— Понятно. Должен ли я понимать, что ты начал сражаться против меток, данных тебе?

— Да. — теперь слово вылетело, как шипение.

— Если бы я предоставил тебе выбор, учитывая открывшиеся смягчающие обстоятельства, хотел бы ты покинуть общество и вернуться к семье?

— Да.

Маркус продолжал оставаться бесстрастным, и неизвестно удивили ли его ответы или нет.

— Один последний вопрос, Дэниел. — Маркус откинулся на спинку стула, разглядывая стоявшего перед ним человека сузившимися глазами. — Ребэッカ Хэтчер — моя дочь?

Глаза Дэниела округлились.

— Что? Она...? — он тряхнул головой, будто пытаюсь уверенно «нет», но слова не шли к нему. — Я...я не знаю.

— Нет. — отозвался Маркус. — Я и не предполагал, что ты будешь знать.

Маркус поднялся, вышел из-за стола и встал перед одним из самых преданных членов общества.

— Сегодня ты предал меня. Ты, человек, которому я доверял больше чем кому — либо.

Дэниел ничего не ответил, только вздернул подбородок, выражая открытое неповиновение.

— Что вы думаете, мистер Грейсон? — спросил Маркус. — Какое решение мы вынесем этому человеку, который подверг все риску? Который пошел против меня, лишив вещи, необходимой для того, чтобы удержать этот мир от зла? Каков будет наш вердикт?

Фаррелл смотрел то на одного, то на второго. Внезапно, он почувствовал, будто присутствует на встречах общества.

— Виновен. — вымолвил он.

— И какое наказание влечет за собой признание человека виновным?

Во рту Фаррелла стало сухо.

— Смерть.

Маркус открыл деревянную шкатулку на столе и достал золотой кинжал. Дэниел смотрел на него, на его лице была решительность и внутреннее смятение.

— Маркус, они — моя семья. — выдохнул он. — И у меня не было другого выбора, кроме как защитить их.

— Я знаю. — Маркус осмотрел клинок, прежде чем вложил его в руку Фарреллу.

Золотая рукоять отдавала холодом в горячую руку.

— Маркус? — спросил неуверенно Фаррелл.

— Покажи мне, что ты достоин занять его место. — сказал Маркус просто. — Мне необходим кто-то, кому я смогу полностью доверять.

Фаррелл посмотрел на Дэниела, который так же спокойно смотрел на него. Он ожидал, что Дэниел признается во всем, чтобы спасти себя, скажет, что именно Адам помог девушкам сбежать, а не он или Лукас. Он ожидал, что Дэниел уличит его.

— Давай. — сказал Дэниел вместо этого. — Сделай это. Но запомни навсегда: когда — то и я стоял там, где сейчас стоишь ты.

Это прозвучало как предсказание. Как проклятие.

Кем стал он сам? Контролировали ли метки Маркуса его действия?

Одно он знал наверняка: перед ним стоял выбор, который он должен был сделать, и прохладная рукоять золотистого клинка определит его место отныне и навсегда.

«Это уже слишком.» — подумал он. — «Я не могу убить его. Я — не такой человек.»

Он мог поклясться, что выпустил кинжал из рук, но не услышал, как тот упал на пол. Кинжал вернулся ему в руку. Он подумал о своей татуировке «Свет — жизнь, тьма — смерть». Она означала выбор в сторону добра, даже в самые темные моменты жизни. Но был ли у него теперь выбор? Часть его, большая часть души, словно не его, словно это не он, непривычно молчала. Почему?

Фаррелл пересекся взглядом с Дэниелом и неожиданно метнул клинок ему в грудь. Дэниел вздохнул, но не вскрикнул. Жизнь медленно покидала его, пока не погас последний огонек. Он вытащил кинжал, и тело Дэниела опустилось на пол. Красная кровь капала с кончика кинжала.

Внезапно воздух наполнила магия. Она пульсировала так же, как и на судах общества и после нее Фаррелл всегда чувствовал себя бодрым. Кроме этого Фаррелл ощущал... ничего. Пустоту. Ни угрызений совести. Ни сожаления.

И все же одна единственная мысль из того далекого уголка сознания, которое и было им, сумела пробраться на поверхность.

«Что происходит со мной? Кто я?»

Маркус кивнул.

— Очень хорошо, мистер Грейсон. Дайте мне кинжал.

Слегка колеблясь, он отдал, и Маркус вытер клинок.

— Теперь дайте мне свою руку.

Фаррелл повиновался, закатывая рукав.

— Вы доказали сегодня вечером, что достойны большего. — сказал Маркус, вырезая третью метку на плоти Фаррелла. На этот раз он едва ощущал боль.

— Скажите мне, мистер Грейсон, вы уже начали заботиться о мисс Хэтчер?

Правда слетела с губ, прежде чем он успел сдержаться.

— Да.

— Помогали ли Вы сегодня ей сбежать?

— Нет.

— Хорошо. — вырезание метки закончилось, свежая кровь капала на пол, смешиваясь с кровью Дэниела Хэтчера. Маркус взял Фаррелла за руку и исцелил его.

Что подарит ему третья метка? Он едва мог дождаться, чтобы узнать.

— Она стала серьезной проблемой. — сказал Маркус. — Для вас, для меня. Для всех нас.

Парень кивнул.

— Я знаю.

Маркус внимательно наблюдал за малейшим движением, любым знаком огорчения.

— Если бы я попросил вас, если бы я решил, что наилучшим решением для будущего общества Хокспиэ и моей миссии было бы...вы бы убили ее?

Фаррелл прямо смотрел на своего лидера и отдаленный крик того парня, которым он был когда — то исчез, уступив место простому шепоту.

— Да, Маркус. Убил бы.

Кристал

Двери лифта открылись и, как Адам и обещал, Крис и Бэкка оказались в чудесном ресторане. После пробежки по тоннелям и пустому театру, голоса, смех и головокружащие ароматы итальянской кухни казались сбивающими с толку.

— Вот, возьми. — Адам протянул Бэкке полиэтиленовый пакет, который вытащил откуда — то из-за растения в большом горшке. — Я припрятал это здесь ранее. Твой отец сказал, что понадобится обувь и одежда. Это моей матери. Возможно, не твой стиль, но тебе подойдет.

— Спасибо. — сказала Бэкка тихо, но с благодарностью.

Они не задержались в ресторане. Как только оказались на улице, то зашли за ближайший угол, где Крис прикрыла Бэкку, чтобы та могла быстро переодеться и выбросить больничную одежду. Синее шелковое платье было свободным для нее и слишком официальным, зато туфли без каблуков подошли.

— Спасибо за помощь. — сказала Крис Адаму. Голова и ребра болели от ударов Лукаса, но она старалась не думать об этом.

— Я знаю, вероятней всего, ты ненавидишь моего брата. — сказал Адам, когда они пошли по улице, стараясь казаться обычными гуляющими подростками и не привлекать внимания. Крис не знала, куда они идут, но Адам целенаправленно шел вперед по незнакомым улочкам и аллеям, поэтому она решила довериться ему. — Но он совсем не тот, кем есть на самом деле. Маркус дал ему вторую метку и она сильно изменила его в кого — то, кем он не является на самом деле, в кого — то мрачного и полного ненависти.

Правда ли это? Был ли Фаррелл, которого знала Крис, лишь творением рук Маркуса, как и ее отец? Думать об этом не было времени. К тому же, подобные мысли не имели никакого значения. Фаррелл выбрал другую сторону. Они оба сделали свой выбор.

— Мы пришли. — Адам кивнул в сторону белой Хонды, припаркованной у дороги. По наклейкам на бампере было понятно, что она арендованная. Тятя Джеки выглянула из окна.

— Спасибо, Адам. Дальше я справлюсь сама. Девушки, садитесь в машину.

Крис еще раз благодарно кивнула Адаму, затем она и Бэкка залезли на заднее сидение.

— Джеки, — начала Крис. — Никогда я еще не была так счастлива тебя видеть.

— Взаимно, детка. — И как только она заметила книгу в руках Крис, то испустила длинный выдох облегчения. — Кодекс все еще у тебя.

— Да. — «Спасибо папе за это», — подумала она. — Где мама?

Джеки завела мотор и поехала. Бэкка смотрела в окно, как они проехали мимо Адама Грейсона, который неторопливо возвращался обратно, засунув руки в карманы.

— Заботится о нашем обустройстве. Она отправила меня забрать вас, пока продумывает следующий шаг. Мы не можем вернуться в магазин, только не с Кодексом. Это будет первым местом, где Маркус будет нас искать.

Крис резко подалась вперед, но пожалела об этом, когда тело отозвалось болью.

— Мы не можем оставить Чарли там одного!

— Не можем? Что ж, хорошо, что я прихватила его с собой. — Она потрепала рукой по маленькой коробке для животных, стоявшей на сидении рядом, которую Крис не

заметила. — Не волнуйтесь. Ваша мама проинструктировала меня, что важно и нужно взять с собой.

Не смотря на то, какой беззаботной она казалась, Крис легко могла прочесть тревогу в глазах тети, поглядывавшей в зеркало на машины, идущие за ними.

— Ты позвонила папе, чтобы найти Маркуса. — сказала Крис. — Зачем?

— Я получила твои сообщения, но также я получила одно от Дэниела. Поэтому мы с Адамом смогли все устроить. Знаете, я была более чем готова вычеркнуть вашего отца... и вдруг он делает что-то бескорыстное и храброе. Я позвонила по знаку Дэниела, чтобы отвлечь Маркуса и дать вам двоим возможность уйти. К счастью для всех нас, это сработало. Хотя я не была до конца уверена, что получится.

— Что ты ему сказала?

На один тяжелый и болезненный миг Джеки замолчала.

— Не имеет значения. Важно то, что мы вместе. Теперь садитесь удобно, попытайтесь расслабиться и дайте мне спокойно вести машину.

Так же как Крис пыталась посмотреть на Бэкку по-другому, когда узнала о ней правду, теперь она смотрела на Джеки сквозь пелену новых сведений о ее прошлом. Родная мать Бэки. Бывшая возлюбленная Маркуса.

— С тобой все в порядке? — спросила Бэка у Крис.

— Ты меня спрашиваешь? — воскликнула Крис, потирая голову. — Я думаю, да. А как ты?

— Просто пытаюсь дышать. — она замешкалась. — Крис...когда я коснулась этой книги, она отправила мой дух в другой мир.

Крис моргнула.

— Что, прости?

— Знаю, это звучит, будто я сошла с ума, но поверь мне. Может, мое тело и было здесь, но остальная я находилась где — то очень, очень далеко. — она судорожно вздохнула. — И...там я встретила парня.

— Пока ты была в коме, а твой дух где — то в другом измерении, ты познакомилась с парнем... Ух ты, твоя личная жизнь более успешная, чем моя. Единственный парень, которого я встретила, разговаривал со мной только из-за дьявольской метки, вырезанной на его руке.

Бэка ничего не ответила, но нижняя губа начала дрожать. Крис потянулась и взяла ее за руку.

— Прости, мне не следовало шутить. Расскажи об этом парне.

— Он особенный. За такое короткое время он стал особенным и для меня.

— Влюбилась в него, да?

Сестра кивнула, на глазах блеснули слезы.

— Не могу поверить, что больше никогда не увижу его снова. Должен быть способ отыскать его. Должен быть.

— Конечно, есть. — отозвалась Крис.

Брови Бэки взметнулись вверх.

— Как ты можешь утверждать подобное?

— Бэка, моя светловолосая любительница книг, за эту неделю я поверила в магию. А уж если я поверила в нее, значит, черт возьми, все возможно.

Бэка мягко, но с сожалением рассмеялась.

— Ладно, тогда и я поверю вместе с тобой.

— Я стала верить кое во что еще за эту неделю. Все время она была передо мной и... — она качнула головой. — Я была так глупа и слепа, не видя ранее.

— Чего?

— Не чего, а кого. Тебя, Бэка. — Крис глубоко вздохнула и крепко сжала руку сестры. — Я верю в тебя.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Благодарность

С тех пор как вышли книги серии «Обреченные Королевства» мне посчастливилось испытать радость читателей и в моей жизни ее оказалось намного больше, чем до того как я стала писать. Я очень — очень рада! Именно это дает мне силы вставать рано по утрам и садиться за компьютер. Это же чувство и ведет меня поздними темными вечерами, когда я печатаю что-то или корректирую, или пытаюсь уложиться в сроки.

Дорогие читатели, Вы — именно Вы — очень много значите для меня, мало сказать вам просто спасибо.

Также я благодарна своей семье: маме, отцу, моей сестре Синди и Майку. Я не могла и мечтать о лучшей помощи и поддержке, к тому же вы регулярно кормили меня, так как знаете, что я не умею готовить. Миллион спасибо Вам!

Я благодарна Бонни Старинг, Еве Силвер и Джулиане Стоун за то, что они мои подруги и вдохновители. Мне повезло, что вы, словно звезды, освещаете мою жизнь. Спасибо моему потрясающему редактору Элизабет Тинги, спасибо тебе большое за помощь в превращении первого бессвязного черновика в законченную книгу, которой я могу гордиться. И спасибо Музам, которые каждый день наполняют мои страницы. Я благодарна Джиму МакКартни, моему дорогому агенту, который действительно самый лучший. Вы — молодцы!

Моя бесконечная благодарность Бену Шренку за то, что повел меня по другому пути Митики помог двигаться в верном направлении, когда мой навигатор писателя сбивался с пути.

Отдельная благодарность Лауре Арнольд, которая так хотела, чтобы я написала больше книг, не касающихся серии «Обреченные королевства». Я скучаю по тебе! Также спасибо Кейси МакИнтайр, Энн Джарзаб, Джессике Шоффел, Эрину Бергеру, Миа Гарсиа и Колин Линдсей. А также Тони Сахара, Ирэн Вандервурт, Энтони Елдер и Шейн Ребеншилд создавших прекрасную обложку.